

-
- [Дневник последнего старца Оптиной пустыни](#)
 - [Часть первая. Дневник](#)
 - [1907 г. 28–29 января](#)
 - [29–30 января](#)
 - [8 июня](#)
 - [1908 г.](#)
 - [Январь. 10 января](#)
 - [11 января](#)
 - [13 января](#)
 - [15 января.](#)
 - [17 января](#)
 - [20 января](#)
 - [22 января](#)
 - [23 января](#)
 - [29 января](#)
 - [30 января](#)
 - [Февраль. 6 февраля](#)
 - [7 февраля](#)
 - [8 февраля](#)
 - [10 февраля](#)
 - [11 февраля](#)
 - [12 февраля](#)
 - [18 февраля](#)
 - [23 февраля](#)
 - [25 февраля](#)
 - [Март. 2 марта](#)
 - [5 марта](#)
 - [6 марта](#)
 - [7 марта](#)
 - [10 марта](#)
 - [16 марта](#)
 - [17 марта](#)
 - [Апрель. 1 апреля](#)
 - [6 апреля](#)
 - [7 апреля](#)
 - [16 апреля](#)
 - [19 апреля](#)

- [22 апреля](#)
- [24 апреля](#)
- [30 апреля](#)
- [Май. 4 мая](#)
- [14 мая](#)
- [18 мая](#)
- [20 мая](#)
- [23 мая](#)
- [31 мая](#)
- [Июнь. 9 июня](#)
- [16 июня](#)
- [22 июня](#)
- [28 июня](#)
- [29 июня](#)
- [Июль. 5 июля](#)
- [7 июля.](#)
- [10 июля](#)
- [18 июля](#)
- [24 июля](#)
- [31 июля](#)
- [Август. 20 августа](#)
- [22 августа](#)
- [25 августа](#)
- [29 августа](#)
- [31 августа](#)
- [Сентябрь. 7 сентября](#)
- [17 сентября](#)
- [18 сентября](#)
- [23 сентября](#)
- [26 сентября](#)
- [27 сентября](#)
- [Октябрь. 5 октября](#)
- [16 октября](#)
- [19 октября](#)
- [22 октября](#)
- [25 октября](#)
- [29 октября](#)
- [Ноябрь. 2 ноября](#)
- [5 ноября](#)

- [8 ноября](#)
- [9 ноября](#)
- [15 ноября](#)
- [16 ноября](#)
- [18 ноября](#)
- [21 ноября](#)
- [26 ноября](#)
- [27 ноября](#)
- [28 ноября](#)
- [Декабрь. 1 декабря](#)
- [2 декабря](#)
- [4 декабря](#)
- [6 декабря](#)
- [14 декабря](#)
- [15 декабря](#)
- [19 декабря](#)
- [20 декабря](#)
- [21 декабря](#)
- [23 декабря](#)
- [24 декабря](#)
- [25 декабря](#)
- [28 декабря](#)
- [29 декабря](#)
- [1909 год.](#)
- [Январь. 3 января. Четверг.](#)
- [4 января](#)
- [7 января. Среда](#)
- [11 января. Воскресенье.](#)
- [12 января. Понедельник](#)
- [16 января Пятница](#)
- [17 января. Суббота](#)
- [24 января. Суббота](#)
- [25 января. Воскресенье](#)
- [28 января. Среда](#)
- [30 января. Пятница](#)
- [Февраль. 8 февраля. Воскресенье](#)
- [9 февраля. Понедельник](#)
- [10 февраля. Вторник](#)
- [13 февраля. Пятница](#)

- [14 февраля. Суббота](#)
- [21 февраля. Суббота](#)
- [23 февраля](#)
- [Март. 1 марта. Воскресенье](#)
- [8 марта](#)
- [14 марта](#)
- [17 марта](#)
- [22 марта. Вербное воскресенье](#)
- [29 марта. Пасха. Господня Пасха](#)
- [30 марта](#)
- [Апрель. 12 апреля](#)
- [25 апреля](#)
- [30 апреля](#)
- [Май. 6 мая](#)
- [10 мая](#)
- [14 мая](#)
- [18 мая](#)
- [24 мая](#)
- [Июнь. 6 июня](#)
- [12 июня](#)
- [14 июня](#)
- [24 июня](#)
- [29 июня](#)
- [Июль. 1 июля](#)
- [2 июля](#)
- [17 июля](#)
- [20 июля](#)
- [Август. 2 августа](#)
- [9 августа](#)
- [26 августа](#)
- [Сентябрь. 3 сентября](#)
- [5 сентября](#)
- [8 сентября](#)
- [20 сентября](#)
- [23 сентября](#)
- [26 сентября](#)
- [27 сентября](#)
- [28 сентября](#)
- [29 сентября](#)

- [Октябрь. 1 октября](#)
- [19 октября. Понедельник](#)
- [22 октября вечером](#)
- [26 октября](#)
- [27 октября](#)
- [31 октября](#)
- [Ноябрь. 1 ноября](#)
- [3 ноября](#)
- [5 ноября](#)
- [7 ноября. Суббота](#)
- [8 ноября](#)
- [14 ноября](#)
- [19 ноября](#)
- [22 ноября](#)
- [23 ноября](#)
- [24 ноября](#)
- [26 ноября](#)
- [Вечером](#)
- [29 ноября](#)
- [Декабрь. 5 декабря](#)
- [7 декабря](#)
- [9 декабря](#)
- [16 декабря](#)
- [21 декабря](#)
- [25 декабря](#)
- [27 декабря](#)
- [28 декабря вечером](#)
- [1910 год](#)
- [Январь. 7 января](#)
- [14 января](#)
- [21 января](#)
- [23 января](#)
- [31 января](#)
- [Февраль. 7 февраля](#)
- [11 февраля](#)
- [14 февраля](#)
- [19 февраля](#)
- [28 февраля. Прощеное воскресенье](#)
- [Март. 2 марта](#)

- [4 марта](#)
- [12 марта](#)
- [Вечером](#)
- [14 марта](#)
- [25 марта](#)
- [30 марта](#)
- [Апрель. 16 апреля. Великий пяток](#)
- [20 апреля. Светлый Вторник](#)
- [27 апреля](#)
- [28 апреля](#)
- [29 апреля](#)
- [Май. 1 мая. Фомина суббота](#)
- [2 мая](#)
- [6 мая](#)
- [13 мая](#)
- [18 мая](#)
- [24 мая](#)
- [27 мая](#)
- [31 мая](#)
- [Июнь. 9 июня](#)
- [13 июня](#)
- [18 июня. Петровский пост](#)
- [19 июня](#)
- [20 июня](#)
- [22 июня](#)
- [27 июня](#)
- [29 июня](#)
- [Июль. 4 июля](#)
- [18 июля](#)
- [25 июля](#)
- [Август. 1 августа](#)
- [5 августа](#)
- [6 августа. Праздник Преображения Господня](#)
- [7 августа](#)
- [12 августа](#)
- [22 августа](#)
- [Сентябрь. 5 сентября](#)
- [7 сентября](#)
- [8 сентября](#)

- [11 сентября](#)
- [12 сентября](#)
- [19 сентября](#)
- [26 сентября](#)
- [Октябрь. 1 октября](#)
- [3 октября](#)
- [5 октября](#)
- [19 октября](#)
- [31 октября](#)
- [Ноябрь. 5 ноября](#)
- [6 ноября](#)
- [7 ноября](#)

Часть вторая

- [Письмо иеромонаха Никона своей матери](#)
- [Поучение иеромонаха Никона](#)
- [Беседа после всенощной](#)
- [Беседа в субботу на день св. Первоверховных Апостолов Петра и Павла после всенощной под воскресенье.](#)
- [Зов Божий](#)
- [Слово, сказанное в неделю о Закхее](#)
- [«Во Псалтири десятиструннем пою Тебе»](#)
- [Беседа 17 июля 1925 года](#)
- [Слово, сказанное после поздней литургии 9-й недели 27 июля 1925 года.](#)
- [Слово перед молебном Спасителю в честь Нерукотворного образа Его.](#)
- [Поучение, сказанное на память св. мученика Никона, в момент поздравления духовных чад.](#)
- [Слово, сказанное на празднование Тихвинской иконы Божией Матери.](#)

○ Часть третья

- [Воспоминания монахини Амвросии об иеромонахе Никоне](#)
- [Часть 1](#)
- [Часть 2](#)
- [Часть 3. Беседа в День всех святых.](#)
- [Часть 4.. 2-го июня: Троицын день](#)
- [15 июня 1924 года](#)
- [Часть 5.. 17 сентября](#)
- [11 ноября](#)

- [Часть 6. Беседа о страхе Божиим. 9 октября.](#)
- [Часть 7.. 2 декабря](#)
- [22 декабря. – св. мученицы Анастасии Узорешительницы.](#)
- [6 декабря](#)
- [9 декабря](#)
- [29 декабря](#)
- [13 января](#)
- [9 апреля](#)
- [18 мая](#)
- [27 июня](#)
- [Часть 8. 15 апреля 1925 года. Оптиная пустынь.](#)
- [16 апреля](#)
- [21 апреля](#)
- [24 апреля](#)
- [27 мая](#)
- [28 мая](#)
- [Часть 9. 15 июня](#)
- [О послушании:](#)
- [19 июля](#)
- [23 июля](#)
- [27 июля](#)
- [28 июля](#)
- [4 августа](#)
- [5 августа](#)
- [9 августа](#)
- [О схиме тайной и явной.](#)
- [9 сентября](#)
- [20 сентября](#)
- [23 сентября](#)
- [26 сентября](#)
- [Часть 10. 28 сентября](#)
- [1 октября](#)
- [11 октября](#)
- [17 октября](#)
- [19 октября. Воскресенье](#)
- [20 октября](#)
- [22 октября](#)
- [26 октября](#)
- [6 ноября](#)

- [Часть 11. 8 ноября. День архистратига Михаила](#)
- [12 ноября](#)
- [Монах внешний и внутренний.](#)
- [На исповеди](#)
- [6 июня \(1924 г.\)](#)
- [12 июня 1924 г.](#)
- [12 июля. \(о. Никон\)](#)
- [16 августа, \(о. Никон\)](#)
- [15 сентября](#)
- [Часть 12](#)
- [Как готовиться к смерти?](#)
- [4 апреля](#)
- [18 апреля – Великая суббота](#)
- [19 апреля](#)
- [Ответы Батюшки на вопросы.](#)
- [Праздник Вознесения. 28 мая](#)
- [Часть 13. Письма](#)
- [Отрывок из другого письма](#)
- [Письмо о. Никона](#)
- [3-е письмо](#)
- [Последнее письмо о. Никона](#)
- [Часть 14](#)

contents

Содержание
[Предисловие](#)

<i>Предисловие</i>

Жизнеописание о. иеромонаха Никона (1888–1931 гг.) состоит из следующих частей: его дневника, который он писал, когда поступил в Оптину пустынь в течение трех лет (с 1907 по 1910 г.), и воспоминаний о нем его духовных детей. Сохранились также записи некоторых из его проповедей. Он умер еще совсем молодым в ссылке в 1931 г. от туберкулеза.

Вся недолгая жизнь о. иеромонаха Никона проникнута глубокой верой в Бога и непоколебимой преданностью Его воле при всех тяжелых обстоятельствах: и в монастыре, и в заключении, и в ссылке – и настолько поучительна, что мы сочли необходимым собрать о нем все имеющиеся сведения (далеко не полные), составляющие это жизнеописание.

**Дневник последнего старца Оптиной
пустыни**

Часть первая. Дневник

1907 г. 28–29 января

Теперь я в первый раз намереваюсь серьезно и осмысленно говеть. Я только теперь понял всю необходимость, всю святость, все величие этих двух Таинств: покаяния и приобщения Тела и Крови Христовых. Все пророки, апостолы и Сам Христос Спаситель и Его Предтеча – Иоанн Креститель – все они начинали свою проповедь словом: «Покайтесь».

Тяжело, когда совесть нечиста, когда сознаешь себя виновным. Нам необходимо покаяться, сознаться в своих грехах, высказать все, что нас тяготит, тогда нам становится уже как-то легче. А здесь наше исповедание своих грехов принимает Сам Господь наш Иисус Христос. Он милостив, Он любит нас, Он имеет власть простить нам наши грехи, Он разрешит нас от ужасного бремени греховного, успокоит нашу совесть и подкрепит нас. Вот что нам дает это Таинство, но только в том случае, если мы искренно сознаем себя виновными, искренно каемся в своих грехах и надеемся на Божию милость, ибо Он принимает всякого грешника, самого ужасного, положительно утопающего в грехах, пусть только он будет смирен сердцем, сознает свою виновность и придет ко Христу с покаянием не показным, а искренним. Вот если мы будем смотреть на покаяние так, то, приступая к нему, мы должны будем сознать все величие этого Таинства и потому приготовить себя надлежащим образом.

Приготовление к Таинству покаяния должно состоять в самоуглублении, посте и молитве. Для того, чтобы сознать все свое недостойнство пред Богом, увидеть все свои грехи, увидеть всю грязь и низость своей жизни, необходимо углубиться в самого себя и разобрать все свои поступки. Пост необходим для нас при этом, как умерщвление плоти, для того, чтобы оторваться от плоти и всего земного и мыслить о Боге, о небесном.

Справедлива пословица: «Чем больше ешь, тем больше хочется». Если мы утолим только голод и жажду и займемся делом или станем молиться, нас еда не будет отрывать от нашего занятия. Это я сам на себе испытал. Тогда как-то чувствуется, что сущность жизни не в еде, ни в чем-либо земном, а в высшем, духовном мире человека, не в утолении страстей, а в стремлении к свету, истине, Богу.

Стремление познать истину есть первый признак духовной жизни человека, без этого человек духовно умирает. Если же мы угождаем плоти, то ее потребности растут неимоверно быстро, так что подавляют всякое

духовное движение души. Нас тогда не интересуют высшие духовные вопросы, весь наш интерес сосредоточивается исключительно на земном: на удовлетворении страстей и похотей плоти. Жалок тогда человек, хотя очень часто и не сознает этого. Напротив того, человек постящийся отрезвляется, совершенствуется нравственно. Конечно, пост, если не сопровождается молитвой и духовной работой, не имеет почти никакой цены.

Пост не есть цель, а средство, пособие, облегчающее нам молитву и духовное совершенствование. Молитва, если только искренна, имеет великую силу. Сам Иисус Христос о силе молитвы, произносящейся с верою, говорит: «Все, что просите от Отца во имя Мое, даст вам», и «Если с верою скажете горе сей: «иди и ввергнись в море», будет вам». Поэтому мы, не будучи в состоянии сделать что-либо доброе, должны прибегать к молитве, как единственному спасительному средству в нашей немощи.

Знаю по себе. Хочу и не могу. Хочу делать добро, а делаю зло. Я даже не могу отличить белого от черного, зла от добра. Жалкое, ужасное состояние, в котором только и может помочь молитва, молитва покаянная.

Да, я вижу единый исход из моего положения – это покаяние и приобщение Святых Тайн. Прежде должен очистить себя покаянием, а затем принять в себя Тело и Кровь Христовы. Великое Таинство – покаяние, но еще более величия и святости являет приобщение. Здесь я принимаю в себя Самого Иисуса Христа, Его Пречистое Тело, Его Кровь, Его Божество. Я соединяюсь с Ним самым тесным образом. «Пийя Мою Кровь и ядый Мою Плоть во Мне пребывает и Аз в нем», – говорит Сам Спаситель. Всю важность, всю необходимость этого Таинства для нас мы видим из слов Спасителя, что только вкушающий плоти Его живет, а тот кто не вкушает, не имеет в себе жизни. Да, велико и необходимо для нас это святое Таинство, но и страшно.

Как я, недостойный и грешный, подойду к Святой Чаше? Ведь я не жизнь, а осуждение найду в Ней. Ибо всякий вкушающий недостойно, «суд себе яст и пьет». Да, страшно.

Поэтому я должен всю эту неделю, начиная с понедельника, ходить в церковь и дома молиться и, углубившись в себя и сознав свое недостойство, приступить к Таинству покаяния с искренним желанием исправить и переменить свою жизнь. Затем, все-таки будучи очищен, я со смирением и уже не с таким страхом приступлю к принятию Тела и Крови Христовой. Это несомненно поможет моему желанию стать человеком и, может быть, хоть немного, да откроет глаза.

Я не имею в себе жизни. Теперь это мне вполне понятно: я ни разу не

говел, не исповедовался, не приобщался. Ни разу, это ужасно. Что толку, что я каждый год ходил говеть? Какой смысл в таком говении? Еще в прошлом году я, пожалуй, молился, когда приступил к Чаше, но этого далеко недостаточно.

Помню, как жалко было расставаться с миром, с плотскими наслаждениями, да я и не хотел вовсе с ними расставаться. А это разве покаяние? Нет, тут только одна форма, внешняя сторона. Так не должно быть.

Теперь я решил исправиться, хочу переменить жизнь и, кажется, хочу искренно. Если так, то для меня теперь имеет смысл говеть, ибо я намерен говеть по-настоящему, как следует. Я даже надеюсь, что это послужит основанием к моей дальнейшей жизни и деятельности.

Я хотел еще в рождественский пост говеть, но прозевал, да тогда мои теперешние мысли едва нарождались. Завтра (впрочем это будет сегодня) я, если даст Бог, пойду к Батюшке. Поговорю, авось, разъяснит хоть немного, да, как человек уже пожилой и, по-видимому, верующий, может быть, даст добрый совет.

29–30 января

Вчера я высказал мысль, что главный признак духовной жизни есть стремление к познанию истины. Я вдруг усомнился: а может быть, это не так? Но подумал и вижу, что сказал вчера правду.

В древности Сократ, ученейший философ, умирая, сказал: «Я знаю только то, что ничего не знаю».

Да, истина непостижима. В то время как приближаешься к ней, кажется, что удаляешься, по крайней мере, видишь ее все выше и выше над собой. Все слабее и ничтожнее кажется нам наш ум в сравнении с ней. Все это так.

Но Сократ жил до Рождества Христова, и ему истина, возвещенная Христом, была неизвестна. Для нас же она открыта. Да, нам указано, где ее искать. Она – во Христе Иисусе. Но все-таки она непостижима, мы можем только более или менее приблизиться к ней; сама же по себе истина никогда не откроется, если человек того не захочет.

Путь к познанию истины труден, очень труден, особенно для меня и для всех, подобных мне, грешников. И путь этот труден только сначала, потом он становится более приятным. Путь к познанию истины есть добродетель, любовь и жизнь по совести при вере в Бога. Трудно попасть на этот путь, ибо он требует самоотверженности, готовности на все, что бы там ни представилось. Смиранный человек может пойти по этому пути, а гордый не сможет. Вот этот-то путь к познанию истины и есть духовная жизнь человека, и человек, не идущий этим путем, мертв духовно.

У священника не был, потому что была всеобщая. Говеть я начал. Был у обедни в Казанском соборе. Очень удобно, обедня там приблизительно в 10 часов. Служат порядочно. Очень хорошо вынимают просфоры. Завтра тоже надо к обедне. Надо молиться и молиться как можно больше и усерднее.

8 июня

Я несколько раз собирался написать то, что пишу теперь. Когда мы с Ваней (братом) были в Оптиной пустыни и хотели поступать в число братии, именно тогда обстоятельства подошли так, что нам необходимо стало опять возвратиться в семью. Все монахи, которые постарше, советовали пожить еще в миру, а о. архимандрит прямо не хотел принять. Тогда мы решили ехать домой, но...

Он приказал нам зайти к нему проститься. Приходим. Он дал нам общие правила молитвы и жизни, но сначала благословил иконами. Его слово при благословении особенно запомнилось мне:

«Благословляю Вам, Николай Митрофанович, на радость родных и знакомых, и на пользу души Вашей». При этом он благословил меня маленькой иконой Божией Матери «Споручницы грешных». Не знаю почему, но это я даже решил записать.

Н. Беляев.

1908 г.

Январь. 10 января

Прошлый год мы приехали сюда 24 февраля, а из Москвы выехали 23 февраля. Приехали сюда часа в четыре, была суббота. В воскресенье начиналась масленица.

Прожили в миру восемь месяцев, причем время от времени мы наведывались в Оптину.

Когда мы были здесь последний раз от 5 до 9 декабря, то выехали из Москвы 4 декабря, в день св. Варвары великомученицы, а возвратились 10 декабря в понедельник. Сразу с вокзала мы отправились в часовню Иверской Божией Матери, а оттуда – к владыке Трифону, а потом уже домой.

Когда мы были здесь 7 декабря, в день святителя Амвросия, в день, когда именинником бывает старец Амвросий, Батюшка решил нас принять. В этот день за обедней Евангелие, Апостол и запричастное пение псалмов говорили об отречении от мира. «Про вас это говорится»,– сказал о. Варсонофий и решил нас принять. Он нас благословил ехать домой, устраивать свои дела.

Когда все было готово, мы получили благословение Владыки: «Вы восходите на крест, поэтому я даю вам в благословение крестики, помогай вам Бог»,– и благословил нас крестиками.

Затем мы получили благословение и от мамы. Мама нас благословила иконами Покрова Пресвятой Богородицы. Мы отправились из Москвы 22-го и прибыли в Оптину 23 декабря, а утром 24 перебрались в свои келии. Здесь мы отслужили молебен, окропили келии святой водой. Таким образом, мы поступили в скит накануне Рождества Христова.

В прошлом году, когда я начал стремиться к жизни во Христе, я не читал никаких книг, а только Евангелие, которое и читал месяца два, да «Путь ко спасению» еп. Феофана.

2 февраля 1907 года я в первый раз хотел сознательно исповедоваться и причаститься Св. Христовых Таин, что и исполнил. Насколько это было искренно, я не знаю, знаю только, что было такое желание. Таким образом, начало мое было положено в день Сретения Господня.

Помоги мне, Господи, довести до конца то, что я начал.

Батюшка, видимо, ко мне расположен, даже очень добр и нежен. Несколько раз он утешал меня своими беседами и наставлениями. Спаси его Господи. Всего записать нет возможности, да я и не запомнил всего, а

только отдельные наставления:

– Делайте все сами, что можете, старайтесь не пользоваться чужими услугами. В своей келье ничего съестного не держите, всегда аккуратно ходите к трапезе, ибо Господь благословляет скудную пищу и делает ее вкусною. Заметьте, что те монахи и послушники, которые не трапезовали со всеми, а брали пищу себе, хворали и даже умирали.

– В церковь ходите обязательно и всегда до начала, первыми старайтесь придти. Утренняя – одно из самых трудных установлений монастырской жизни, зато и имеет великую силу.. За пятисотницу держитесь, как за столп, в ней великая сила. Почему? Это тайна, это закон монашеской духовной жизни.

Пейте чай у себя, в келии, к другим не ходите, а будут звать, – отказывайтесь.

В келье же у себя пейте по три чашки. За трапезой кушайте досыта, но не до пресыщения. Пост и воздержание, необходимые впоследствии, для вас совсем необязательны.

11 января

Вчера вечером я быстро был оторван от дневника и пошел к Батюшке. Беседа шла очень долго, с 8 до 11 час. Батюшка много говорил хорошего, но где же все упомянуть. Буду опять писать также кратко и отрывочно.

– «Краеугольный камень иноческого жития есть смирение». Смирение и послушание помогают приобрести различные добродетели, особенно в телесном отношении, но если есть гордость – все пропало. Так, с одной стороны, велик и гибелен порок – гордость, а с другой – спасительно смирение. «На кого воззрю? Только на кроткого и смиренного, трепещущего словес Моих»,– говорит Господь. А иночество есть великое безбрежное море, исчерпать или переплыть его невозможно.

Это не так понятно человеку, не вступающему на этот путь. Практика нужна. Перед вами огромная завеса, и вот она начинает с нижнего уголка чуть-чуть приподыматься. Вся мудрость земная, правда, которая имеет некоторый смысл и цель, главным образом, для достижения удобств в земной, плотской жизни, по сравнению с иночеством есть ничто, или, лучше сказать,– копейка по сравнению с миллиардом рублей.

Один известный мне человек, высоко образованный, получивший европейское образование, был в Московском Университете, и в Лондоне, и в Париже. Поступив в монастырь, он пишет своему мирскому другу, товарищу по учению, что он до сих пор ничего не понимал. Так дивно глубок смысл иночества, а назначение инока еще выше.

Св. ап. Павел говорит, что в будущей жизни будут различной степени блаженства: «Ина слава солнцу, ина слава луне, ина слава звездам, звезда бо от звезды разнствует во славе». Этих степеней миллиарды, говоря по человеческому разумению, неисчислимо количество, и инокам принадлежит первая. А схимонахи, конечно, достойно своего звания живущие, будут в числе «серафимов». Вот как велико назначение инока. Поэтому как должны мы благодарить Бога, что Он привел нас в скит!

Ни на минуту не подумайте, что вы сами пришли сюда. «Никто не может придти ко Мне, аще не Отец Мой Небесный привлечет его». От Бога нам дана свобода, и с вашей стороны было лишь свободное произволение. Вы только не противились, когда Он, взяв вас за руку, повел сюда. Господь спасает нас, а не мы спасаемся, но Он, Милосердный, спасает нас при нашем желании.

Итак, благодарите Бога. Вы сами видите, как много людей погибает в

миру, сами поразмыслите теперь, за что оказал Господь вам такую милость, что привел вас сюда в монастырь, в наш укромный тихий скит. Да. Только при помощи Божией можно проходить этот тесный, скорбный путь.

На первый взгляд кажется, что есть какое-то противоречие: с одной стороны, этот путь исполнения заповедей Господних есть легкий и благой, а с другой – он тесный и прискорбный. Да, он тесен и прискорбен для тех, кто вступает на него или с принуждением без внутреннего расположения, или же из-за каких-либо иных целей, кроме спасения души. Для таких он тяжел. А для тех, которые становятся в ряд иноков с чистым желанием и намерением служить Господу Богу в духе и истине, он легкий.

Вот и Вы, Николай Митрофанович, поживите здесь, если только Господь сподобит Вас такой милости, два-три года и увидите, какое блаженство – иноческое житие. Вы, может быть, уже заметили, как быстро летит здесь время. Пройдут годы, может быть, десятки лет, а Вам будет казаться, что Вы поступили сюда только вчера.

Я спросил однажды у одного инока, жившего в монастыре пятьдесят лет: «Долгим ли показалось вам время, прожитое в монастыре?» – «Нет, – отвечал он, – мне кажется, что я здесь 50 дней, а не 50 лет. Да и не 50 дней, а 50 минут».

Да, очень быстро летит время в монастыре...

Никого никогда в свою келью не пускайте без молитвы, пусть сначала пришедший произнесет молитву, и тогда только впустите его. Выходя и входя в свою келью, кладите четыре уставных поклона с молитвами, а вообще всегда навывайте молитве Иисусовой. Если кого-либо встречаете из братии – всегда кланяйтесь первым, у иеромонаха берите благословение. Смиряться, смиряться, смиряться.

Теперь читайте книги, пока нет послушания обыденного, потом некогда будет читать... От чтения книг окрепнет ваше произволение. Евангелие все тайнами повито. Одному оно, положим, открывается на 1/100 сантиметра, другому – на тысячу верст. Одному много, другому мало, и малого – одной сотой доли – ему достаточно для жизни. В жизни нашей действуют вера, надежда, любовь. Без них наше спасение невозможно.

В Евангелии обладателем веры является апостол Петр. «Ты еси Христос Сын Бога Живаго», – исповедует он, когда все, за исключением апостолов, считали Христа человеком. Но и из апостолов он является представителем веры. Любвию обладает более других апостол и евангелист Иоанн Богослов. Представителем надежды является Иаков.

Поэтому-то Христос, когда хотел показать Свою славу, преобразился именно перед этими учениками.

Я все стараюсь разъяснить и показать Вам, что такое иночество. Краеугольный камень иночества есть смирение, как я уже сказал.

Между прочим, Батюшка рассказывал нам здесь про одного монаха, который обладал не только смирением, но и другими добродетелями: терпением и непрестанною молитвою, произносимою в сердце. Один монах, видя огненный столп от крыши трапезы, пришел в трапезу и увидел сего монаха всего в огне, стоящего на коленях и молящегося. Этого монаха, о. Феодота знает и помнит один скитский монах.— В Глинской пустыни недавно был рясофорный послушник о. Феодот. Он прежде был солдатом, и за его высокий рост и крепкое телосложение заставили его, когда он поступил в монастырь, носить дрова и воду в кухню. Так он до конца жизни и оставался на этом послушании. Был у всех в презрении, спал, где придется: когда на полу, когда на дровах. Никто не обращал на него внимания. Так он дожил лет до семидесяти.

Однажды о. архимандрит Илиодор, человек доброй жизни, придя от обедни, сел у раскрытого окна в ожидании самовара. Прислонившись к спинке стула, он впал в тонкий сон и видит чудный сад, какой-то неземной. И воздух не такой, и растения, и деревья, и плоды на них не такие, как на земле. Одним словом, сад неизреченной красоты. И вот среди сада о. Илиодор видит о. Феодота. «Это ты, о. Феодот?» — «Я, Батюшка.» — «Как ты здесь?» — «Да это мне дано.» — «А что это?» — «Это рай.» — «А ты можешь мне дать этих плодов?» — «Могу.» Тут о. Илиодор увидел в раю своего отца и, бросив данные ему плоды, побежал к отцу.

В это время на дворе раздался крик. От этого крика о. Илиодор проснулся, и все исчезло. А на дворе он видит, что за о. Феодотом бежит повар и бьет его палкой по спине. О. Илиодор остановил истязание о. Феодота, запретив повару бить его. Затем, позвав к себе в келью о. Феодота, о. Илиодор спросил его, где он был. «На кухне,— был ответ,— я не так дрова положил, ну и повар меня побил. Да что, мне этого мало, я сам виноват. Да мне и больно не было, я надулся, ну палка и отскакивала от меня, мне и не больно.» — «Нет, о. Феодот, скажи мне, где ты сейчас был?» — «Да на кухне.» — «Встань о. Феодот перед образами на колени, и я встану. Я твой духовный отец, скажи мне, где ты сейчас был?» — «Ну если так, то обещаю тебе перед Богом, что никому не скажешь этого до моей смерти...» Тот обещался. «В раю, да и тебя там видел.» Тут о. Илиодор понял, что он видел не простой сон, а действительно сподобился видеть рай. «А что, о. Феодот, могли бы очутиться при мне те плоды, которые ты

мне дал?» – «Конечно, но значит так судил Бог.»

Смирение, терпение и непрестанная умная молитва – вот чем обладал о. Феодот. Это такая молитва, о которой мы и понятия не имеем. Заметьте, что все святые, которые удостоились видеть рай, изображали его, как неопикуемой и неизреченной красоты сад. Оказалось, что о. Феодот был гораздо выше о. Илиодора, хотя первый был послушник, а последний – архимандрит. Но не то важно, какое исполняется послушание, а то важно, как оно исполняется: со смирением, терпением и молитвой.

Всего не упомяну. Окончил о. Варсонофий тем, что вспомнил своего старца о. Анатолия, которого можно было заслушаться, когда он говорил. Батюшка всегда с великим благоговением вспоминает своего старца-наставника.

«Слабеть начал я,– сказал, наконец, Батюшка,– слабеть. Чувствую, что недолго мне осталось жить. Одного прошу у Бога, чтобы вы встали на ноги, окрепли. Ну, помолимся». Он стал молиться о нас обоих, мы тоже молились. Затем он благословил нас, и мы ушли. Великий святой старец. Придя в свою келью, я помолился о том, чтобы Милосердый Господь продлил дни жизни Батюшки о. Варсонофия и нас его наставлениями поставил на ноги и укрепил, как об этом молился сам Батюшка. Спаси его, Господи, и помилуй. Я первый раз вижу такого человека. Никогда я не слышал таких бесед, как у Батюшки.

13 января

Сегодня ходил к обедне, к вечерне, остальное время читал жизнеописание старца о. Макария. Вот был человек. Хоть бы немного мне, грешному, походить на него. Закончил все жизнеописание, и теперь читать не придется, вероятно, довольно долго.

Батюшка благословил завтра, аще жив буду, начинать послушание, а все остальное чтение оставить. Сегодня у меня времени целый час, постараюсь припомнить что-либо из Батюшкиных бесед.

«Послушание паче поста и молитвы,— говорил Батюшка.— Не смущайтесь, если придется опаздывать или даже пропускать вовсе церковную службу. Открывайте все свои помыслы, особенно те, которые долго Вас не будут оставлять. Постепенно нужно проходить иноческое житие, это наука из наук. Как всякую науку нужно проходить, изучать под руководством более или менее опытного в сей науке человека, так и здесь необходимо держаться своего старца. Но «единого достоин вопрошати»,— ибо может произойти духовное разделение».

15 января.

Надо записать, что Батюшка говорил об Евангелии и о вере: – Без веры во что-нибудь нельзя ничего сделать. Посмотрите, почему какой-либо человек, ну хоть ваш брат, желает стать врачом. Потому что он верит в медицину. Каждый из ученых верит в свою науку. И так везде и во всем. Точно также для христианской жизни необходимо верить в Бога, Христа, Евангелие. «Мы не можем верить,– говорят иные,– нет на то доказательств. Иное дело наука, там все доказано.» Хорошо, но прежде чем отвергать что-либо, надо исследовать предмет, испытать. Св. Иоанн Богослов прямо говорит, что надо испытывать «дух». Но надо испытывать на практике. Пожить надо по Евангельскому учению и узнать на деле: правда ли, что «блаженны нищие духом», «блаженны кротции» и т. д. Если вы не испытали этого, то не можете и опровергать, не можете утверждать, что Евангелие – ерунда. А многие так говорят. Но на Страшном суде сих людей спросят: «Что, читали Евангелие?» – и получится обязательно три ответа: 1-й – «нет», 2-й – «кое-как» и 3-й – «Да читали, конечно, только не поняли». Да, обязательно получатся эти три ответа. (Лампа гаснет, не могу более писать.)

17 января

15 января я очень оборвал дневник, керосина не было. Продолжу еще немного, самый конец.— На первый ответ можно сказать, что они сами виноваты: никто не запрещал читать, напротив, даже просили читать. На второй ответ почти то же можно сказать. Вот третий ответ более интересен. Эти как бы даже заслуживают извинения. Не могли понять Евангелия, т. е. поверить, хотя Вам был дан ключ разумения: «Испытайте дух». Почему не хотели испытать? Значит, сами и виноваты. Таким образом, и эти безответны.

20 января

Батюшка болен, но ему уже стало лучше, а то он не мог без помощи двигаться. Что Бог даст завтра? А то мне нет-нет да и напомнимся его слова, что ему жить недолго.

Я припомнил его наставления и то, что он говорил: – Если плохо живешь, то тебя никто и не трогает, а если начинаешь жить хорошо, – сразу скорби, искушения и оскорбления.

Этим он хотел мне сказать, что необходимо переносить смиренно оскорбления, наносимые другими, и вообще скорби. -Монахи, вообще вся наша братия, тоже люди, а раз люди, то есть обязательно свои страсти, пороки: один гордый, другой злой, третий – блудник и так далее. Все эти люди пришли сюда, в больницу, лечиться, кто от чего, и вылечиваются с помощью Божией. Я это говорю потому, что вы будете видеть пороки братии, но надо стараться не осуждать, – это у нас девиз. Все люди немощны, у всех есть страхи, мы же должны прощать.

22 января

Мне приходила мысль в голову: а что, если бы Батюшка позвал меня к себе побеседовать, когда он болен?

И действительно, Батюшка меня позвал сегодня к себе на утренний чай в 7, а ушел я от него часов в 10. Причину сего Батюшка сказал мне после беседы: «Я вас для того позвал, что сам как-то приуныл. Хотел позвать о. Кукшу, да он еще, вероятно, спит. Я вас и позвал.» Очевидно, Батюшка ко мне расположен, хотя я этого не стою.

Попробую передать то, что запомнил из беседы. Кажется, Батюшка начал с того, что спросил, как мое послушание, и затем сказал:

-Вероятно, было у вас, или у ваших родных, или даже у предков какое-либо доброе дело по отношению св. Иоанна Крестителя, если он принял вас сюда к себе. Не помните?

Я ответил, что нет.

-А со мною вот что было. В Казани я как-то захотел говеть Великим постом, и весь пост пропустил, осталось только три дня. Ну, хоть три дня, да поговеть. Иду и думаю: где же поговеть? У полкового священника мне не хотелось. Где же? И вот смотрю – монастырь, бедный, грязный (послушники какие-то отчаянные), наполовину развалившийся. «Это какой монастырь?» -"Ивановский, во имя Иоанна Крестителя.» – «Хорошо, можно здесь поисповедоваться?» – «Пожалуйста.» Так я там и говел. А потом стал туда часто к службе ходить. Стою иной раз, а помысл мне и говорит: «Смотри, какая бедная, грязная лампадка. Купи новую, получше». Купил, и как-то приятно стало мне смотреть на нее. Потом киот на большую икону купил. И так я полюбил все в монастыре! Воистину: «Где будет сокровище ваше, тут будет и сердце ваше». А сколько радости испытывал я после исповеди и приобщения св. Христовых Таин! Вот за какие пустяки св. Иоанн Креститель сподобил меня принять в свой скит.

Когда я зашел в Казани в тот монастырь в первый раз, я спросил, между прочим: «Кто здесь настоятель?» – «Игумен Варсонофий.» Только потом я понял, что это значило: в этом бедном грязном монастыре я увидел образ своего душевного внутреннего состояния.

Через много лет, когда я принял управление скитом, меня спросили: «Как вы будете содержать скит?» Я отвечал, что и не думаю об этом и не держу, ибо хозяин не я. Я только приказчик св. Иоанна Крестителя.

23 января

Сегодня после утрени, в 7 часов утра, был общий молебен о здравии братии всего скита, особенно о болящих. Удивительно много сразу заболело, начиная с Батюшки и кончая послушниками. Что это значит? Вероятно, наказание Божие для нашего вразумления. Батюшка братию на благословение еще не принимает. Так ничего особенного не было.

Хочется записать, что трапеза вкусная. Такая простая пища, как пустые щи с постным маслом и гречневая каша, кажется вкуснее всякой другой, которую я ел в Москве дома. Я помню, как прошлый год на Пасхе, когда мы уезжали отсюда, мне думалось: «Вот какими вкусными мне покажутся куличи и пасхи». И что же? Здесь творог со сметаной, солью и черным хлебом я ел с большим удовольствием. Сам удивляюсь.

Здесьняя сравнительно скудная пища гораздо вкуснее московской домашней. Это, на мой взгляд, прямо Господь услаждает здесь пищу. Пока пища меня нисколько не тяготит, а даже напротив – слава Богу за все.

О, если бы я действительно мог сказать так искренно, прочувствованно всем сердцем.

29 января

Этот день для меня и Иванушки замечательный: нас одели в послушническую одежду. Подробно о всем запишу, если Бог даст, завтра. Завтра память Трех Святителей Христовых. А сегодня память св. [Игнатия Богоносца](#). Вот в какой день Господь сподобил нас причислить к избранному стаду. Слава Богу и благодарение.

30 января

Итак, вчера утром, в день памяти св. Игнатия Богоносца, в 8 часов утра, мы пришли к Батюшке за благословением идти одеваться и, получив благословение, в 9 часов пошли за благословением к о. архимандриту Ксенофонту. Получив от него благословение, мы отправились на могилки к старцам. Взяв от них благословение и помолившись, мы пошли в рухольную.

Примерив и с молитвою надев одежду, мы опять пошли за благословением на могилки к старцам и к о. архимандриту. Встретили о. Феодосия и взяли у него благословение.

Затем пришли в скит, положили в воротах по три земных поклона, пошли к Батюшке. Здесь нас приветствовали келейники и случившиеся из братии. Наконец, пришли к Батюшке, положили земной поклон перед иконами, затем в ноги до земли поклонились Батюшке. Батюшка благословил, поцеловал и начал молиться. Батюшка молился вслух, и я кое-что запомнил: «Благодарю Тебя, Господи, яко утаил еси от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем. Благодарю Тебя, Господи, что Ты привел сюда сих Николая и Иоанна». Потом молился о том, чтобы Господь сподобил нас проходить сей путь иноческой жизни и достигнуть цели. Дал нам четки и сказал:

– Вот вам оружие, нещадно бейте этим невидимых врагов. Прежде всего имейте страх Божий, без него вы ничего не достигнете. Теперь для вас начинается новая жизнь. Хоть вы и жили в скиту, да все было не то. Теперь везде разговор идет у бесов: «Были почти наши, теперь пришли сюда спасаться, как это можно и т. п.» Но не бойтесь. Считаю долгом сказать вам про себя: еще в Казани, когда я решил все окончательно бросить и подал прошение об увольнении, я отдавал одному сослуживцу прощальный последний визит перед самым отъездом. Еду на извозчике мимо одной церкви в честь Пресвятой Троицы, на стене которой была икона Спасителя во весь рост, с распростертыми руками. Обыкновенно, я благоговейно крестился и более ничего, проходил мимо.

На этот раз я ехал, задумавшись и опустив голову. Поднимаю голову, и вдруг вижу эту самую икону, и мне будто кто-то говорит прямо в сердце: «Теперь ты Мой». Христос, казалось, прямо говорил мне: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы...» Никогда от той иконы такого впечатления не было, как тогда. Я умилился, слезы

выступили на глазах. Извозчик давно проехал, а перед моими глазами все стоит эта икона. Так это и врезалось в память на всю жизнь.

Затем Батюшка дал нам обоим три книги: «Кончина праведника – письмо Клавдии Прокулы – жены Пилата», «Материкон – собрание наставлений [аввы Исаии](#) инокине Феодоре» еп. Феофана и «О внешнем благоприличии и поведении новоначальных послушников» еп. [Игнатия Брянчанинова](#). – Вот обоим вместе, ибо вы должны быть едино. Затем Батюшка спросил о практической стороне дела в рухольной и у о. архимандрита. Но мы ничего не переговорили с о. архимандритом: у него скоропостижно скончался келейник о. Иоанн.

Батюшка быстро переспросил:

-Что, что?

Я повторил.

– Да, как верно предчувствие. Уж какой я старец, а все же и через меня бывают откровения. У меня вчера был этот о. Иоанн. Мне, как духовному отцу, все известно про него. Последнее время на него напал бес и довел его до того, что он решил уходить в мир. Пришел ко мне и говорит:

-Благословите уходить.

Я ему отвечаю:

-Разве я могу благословить на такое дело? Представь себе, что ты едешь на пароходе ночью. На море буря, пароход летит на всех парусах. И вот ты говоришь мне: «Благословите броситься в эту бездну и темь...» Вот тоже и теперь.

– Да это, Батюшка, не то.

– Да, не то, это еще хуже. Сам посуди: с твоим здоровьем ты долго не проживешь, что было, то прошло. Оставайся здесь.

И вот видите, что случилось. Это всегда так. Бесы видят, что человеку недолго жить, вот они и стараются его вытащить из монастыря, надеясь перед смертью погубить и тем столкнуть в бездну. Одно нарушение обета уже губительно.

Был здесь один случай. Какой-то сын миллионера поступил в скит. Прежде жил он очень разгульно, вскоре ему надоела монашеская жизнь, и он ушел. И какую жизнь влачит этот несчастный теперь? Ходит в цилиндре с тросточкой по Невскому проспекту и более ничего. Но о. Иоанн, слава Богу, умер на кресте. Верую, что спасен.

Мы помолились о его упокоении. Батюшка читал молитвы, мы слушали и молились.

-Ну, теперь идите на трапезу. Благодарите Бога, что сподобились такой милости от Него. Сегодня знаменательный день – память св. Игнатия

Богоносца. Мир вам.

Забежав в свои кельи, мы отправились на трапезу, где нас поздравляла вся братия. И о. Нектарий после трапезы, когда мы выходили, сказал нам:

– Желая вам проходить этот путь со смирением, терпением и благодарением,— и убежал.

Мне нравится о. Нектарий, только он больно чудной.

Всенощную уже стояли в послушническом одеянии. Сейчас нас позвал Батюшка. Подарил нам по балахону и банку варенья – по праздникам утешаться. Спаси его, Господи. Рассказал нам о своем посещении двух блаженных: Иванушки и Аннушки.

Сегодня не могу больше писать.

Февраль. 6 февраля

Сейчас был у Батюшки, удалось побеседовать минут 20–25. Чтобы не забыть, постараюсь записать.

Когда я пришел, Батюшка благословил меня, и я стал на колени около дивана, на который сел Батюшка.

-Сомнения, Батюшка, и помыслы у меня.

– Да, сомнения равно как блудные помыслы и хулы надо презирать, не обращать внимания на них. Презирайте их, и враг-диавол не выдержит, уйдет от вас, ибо он горд, не вынесет презрения. А если будете входить с ними в разговоры, ибо все блудные помыслы, хулы и сомнения – не ваши, то он закидает вас, завалит, убьет. Верующий человек, любящий Бога, не может хулить, а тем не менее замечает в себе две нити: и любит, и хулит. Очевидно, что есть еще какая-то сила зла, навевающая сомнения. Заметьте, ведь это серафимский ум. Поэтому несколько не удивительно, что он может возбудить, поднять сомнения, да еще какие... Не обращайтесь на них внимания.

Сколько было искренних, верующих людей, которые сильно пострадали от того, что принимали эти сомнения, рассматривали, рассуждали. Возьмите наших писателей: Белинского, – какая разница у него в первой и второй половине его жизни. Лермонтов – тоже был сильный ум, Тургенев и др...

Поэтому надо презирать эти сомнения, и хулы, и помыслы блудные, тогда они вам несколько не повредят, особенно, если будете открывать их старцу-наставнику. Но открывать их надо не подробно, иначе можно повредить и себе, и старцу. Особенно блудные помыслы: надо засыпать, закрыть навозом эту смердящую яму, а не копать в ней. Что же у вас есть теперь? Какие сомнения, помыслы?

-Да вот, Батюшка, у одного из братии вижу то, у другого – другое.

– Ну вот, диавол всегда так. Он нам иногда представляет взгляд брата совсем другим, не таким, каким он является на самом деле. Тебе кажется, что брат посмотрел на тебя злобно, оскорбительно, а на самом деле этого вовсе нет. Так диавол может представить нам что-либо другое.

Вот какой случай: был здесь один иеромонах о. Венедикт и еще монах о. Арсений, монах хорошей жизни. Он почти не выходил из келии вследствие своей болезни, вел особую жизнь. Один раз идет о. Венедикт к себе в келию, а у крыльца о. Анатолия он видит: стоит о. Арсений. Взгляд

у него какой-то злобный, враждебный, под благословение не подходит.

О. Венедикт посмотрел на него и прошел мимо с великим удивлением. Только что он начал заворачивать за церковь, ему навстречу с совершенно противоположной стороны идет о. Арсений. Лицо веселое, подходит под благословение. О. Венедикт, еще больше удивляясь, спрашивает:

– Где ты был?

– У о. Тимона.

– Как? Я тебя сейчас видел около крыльца Батюшки о. Анатолия.

– Это тебе померещилось. Сам видишь, откуда я иду.

Тогда о. Венедикт пошел за разрешением сего к Батюшке о. Анатолию.

– Ну что же здесь удивительного? Ты иеромонах, а этого не знаешь? Это был, конечно, бес в образе о. Арсения, – сказал о. Анатолий.

Да, бывают такие случаи, об них в миру и понятия не имеют, а здесь они не подлежат сомнению... – Ну еще что? – спросил Батюшка.

– Горд я очень, Батюшка, тщеславен.

– Да кто же не горд? [Макарий Великий](#) говорит, что даже у всякого святого есть что-то гордое. Вот как глубока в нас эта зараза. Не горды только ангелы – они чисты, да еще те, которые переходят отсюда на небо. А то у всех есть гордость. Ну, будет. Остальное потом. Понемногу буду разъяснять.

7 февраля

Возил с работниками дрова для отопления наших келий. Когда я пошел к Батюшке на благословение вместе со всей братией, я захватил книжку «Луг духовный». Батюшка давал читать. Издание книги в настоящем виде принадлежит протоиерею Михаилу Ивановичу Хитрову. Я его совершенно не знаю, хотя он был писатель. Батюшка сказал, что он плакал, когда получил в 1899 г. известие о смерти о. Михаила. – Он много обещал, но значит так угодно было Богу. – Потом Батюшка сказал:

-Вот уже сколько раз мне помысл говорит, чтобы я спросил вас, не было ли у вас в жизни случая из ряда вон выходящего?

-Да, был случай,– говорю я, сам не зная почему вспомнив один случай, бывший в далеком детстве.

-Обдумайте его и потом расскажите мне.

– Да он очень простой.

-Совсем не простой, а из ряда вон выходящий.

-Я хочу сказать, что его обдумывать нечего, он очень несложный.

-Ну, хорошо.

-Когда мне было лет пять,– начал я,– у меня была болезнь – ложный крупп (кажется так она называется), горловая болезнь. Я был уже бездыханен, посинел и даже похолодел. Папа думал уже, что я умер, и говорил, чтобы мама оставила меня и больше не терла мазью, что все бесполезно. Но мама, не теряя надежды, все же терла и молилась св. Николаю Чудотворцу о моей жизни. И совершилось чудо: я начал дышать, и потом всегда был довольно крепкого здоровья.

-Конечно, это из ряда вон выходящий случай. Собственно, не случай, ибо все происходит с нами целесообразно. Вам была дарована жизнь. Ваша мама молилась, и св. Николай Чудотворец молился за вас, а Господь, как Всеведущий, знал, что вы поступите в монастырь, и дал вам жизнь. И верьте, что до конца жизни пребудете монахом. Так об этом напишите вашей маме толкование этого случая.

Я хотел после этого уходить, но потом спросил про Иисусову молитву: нельзя ли читать ее сокращенно. Батюшка не позволил, говоря, что ее всю целиком заповедали читать наши старцы, и ударение делать на последнем слове: «грешного».

-У меня так не выходит.

-Потом научитесь,– сказал Батюшка.

Я сейчас пишу о разговоре с Батюшкой и думаю: ведь я совсем забыл тот случай из моей жизни, даже ни разу не вспоминал здесь о нем. И вдруг, сам не зная почему, назвал прямо его. И только теперь начинаю смотреть иначе. Он мне начинает казаться не простым, обыкновенным происшествием, каким прежде его считал. Правда, я чувствую и прежде чувствовал уважение к святителю Николаю более, чем к каким-либо другим святым. Надо написать маме. Спрошу, если Бог даст, у Батюшки, как написать. Этим я еще лучше проверю написанное мною сегодня толкование.

8 февраля

Когда мы были на благословении, Батюшка сказал мне на мой вопрос о письме маме: -Так и напишите, что этим ясно указывалось на ваше иноческое предназначение. – Значит, я понял верно.

Еще раньше этого, как только я вошел, Батюшка спросил:

-Как внутреннее устройство? Имеете ли на устах имя Иисусово?

Я говорю:

-Стараюсь иметь, но очень часто забываю.

-В этом-то все и дело, чтобы всегда иметь память о Боге, для этого и молитва Иисусова. Но не удивляйтесь, что все забываете, надо только стараться. Ведь не сразу вы в университет пошли, а сначала азбуку выучили, так? [Авва Дорофей](#) говорит, что он смотрел на книги, как на зверя, а потом очень даже пристрастился к чтению книг. Сначала читал, вероятно, не духовные, а светские книги, а потом перешел на духовные. Да, так всегда бывает...

Был схимонах Клеопа в Соловецком монастыре. Он сорок лет провел в уединении на одном необитаемом острове, куда из монастыря привозили ему пищу и ездил духовник. Потом он изъявил желание возвратиться в монастырь. Никто не знал, как он подвизался, какие ужасы претерпевал от бесовской силы, в чем состоял его подвиг. Когда он возвратился, о. архимандрит при духовнике его спросил: «В чем, главным образом, заключалась твоя деятельность, и много ли ты преуспел, скажи нам: мне и Твоему духовному отцу». Он отвечал, что в Иисусовой молитве. Все акафисты, все службы, все, все заменял он Иисусовой молитвой. «И начинаю понимать, чуть-чуть разбирать начальные буквы этого алфавита».

Вот какая глубина. А какое действие Иисусова молитва имеет, о том мы и понятия не имеем. Так вам нечего удивляться. Это приобретается годами и не сразу. В один день этого невозможно приобрести, хотя и бывают исключения, но общее правило таково.

10 февраля

Приближается пост... За всюнощной слышатся уже предвозвестники поста, покаянные стихи с их умиленным напевом: «Покаяния отверзи ми дверь, Жизнодавче...», «На реках Вавилонских» и др. Сегодня неделя о Блудном сыне. Какая глубокая притча. Какой смысл.

Сегодня Батюшка очень ласково принял меня. На его вопрос, как мне, я ответил:

-Слава Богу, хорошо, спокойствие духа.

– Да, и я два года наслаждался миром душевным, ... а потом, а потом. Какие ужасы были у меня, я вам не буду рассказывать. Прежде всего помыслы напали, но я, видя зарю, старался скорее пробежать эту темную улицу. Когда не стало Батюшки о. Анатолия, лишился я опоры...

По всему видно, что Батюшка много претерпел. Батюшка не один раз мне говорил:

– Первым вашим делом, как только просыпаетесь, пусть будет крестное знамение, а первыми словами – слова молитвы Иисусовой.

Мне дано теперь очень спешное послушание: переписка писем о. Амвросия для издания их вновь с дополнениями и поправками.

11 февраля

Сейчас на благословении удалось побеседовать минут пять.

– А что, Батюшка, всегда ли нужно перебирать с молитвой четки?

-Обязательно. Всегда имейте четки при себе, за службой в церкви и на правиле они должны быть в руках. Если даже будут смотреть или смотрят, не смущайтесь, перебирайте, творя молитву Иисусову. За обедней внимайте тому, что поется и читается, а молитву оставьте. Вот за всенощной можете в ход пустить четки, когда не слышите, что читают.

За послушанием, конечно, невозможно перебирать. Когда в келии пишете, читаете, то четки должны быть за поясом. Когда же так сидите, то творите молитву по четкам. При разговоре можете говорить про себя: «Господи, помилуй», а можно даже и молитву Иисусову...

Вообще, я понял так, что когда только можно, нужно всегда творить молитву Иисусову по четкам, а если нельзя – тогда молитва должна быть всегда в уме без четок.

12 февраля

Сегодня Батюшка благословил нас обоим читать Псалтирь о здравии и о упокоении в скитской церкви. Я могу записать 12 имен для поминовения по праву, принадлежащему всем послушникам.

Сейчас Батюшка рассказал мне, что у него была дочь генерала Черняева, известного по Турецкой войне.

-Очень образованная девица, еще молодая. Я с ней с удовольствием побеседовал. С такими беседовать я люблю, это – чистосердечная, искренно ищущая Бога душа. Потом она писала, что того, что она испытала здесь в Оптиной, она никогда не испытывала. Не ожидала, не предполагала даже, что можно подобное испытать. Это ей непонятно, а, конечно, благодать Божия действовала.

Сегодня она мне прислала икону Казанской Божией Матери. Ну вот смотрите: почему именно Казанскую икону, а не другую? Я ведь сам казанский. Заметьте, сегодня 12 февраля. Почему она прислала именно в этот день?

Прежде я получил тоже 12 февраля икону на благословение из лавры преп. Сергия. Совпадение...

18 февраля

Вчера писать не мог. После чтения Псалтири я пошел на благословение. Батюшка сам начал говорить и спрашивать меня. Я говорю:

– ...Конечно, приходят мысли...

– Без этого нельзя, ум не может быть без мыслей, как человек не может не дышать. Это его потребность. Но о чем думать? Иной представляет себе блудные картины, услаждается этой живописью. А вы пришли сюда искать Бога, и все ищут Бога. Найти Бога – это цель монашеской жизни.

Потом Батюшка сказал, что можно жить в монастыре, да не быть монахом.

– Все ищут Бога. Вот и художники в области поэзии, живописи, особенно музыки – все желают найти Бога. Да не так ищут. Как искать Бога? Соблюдать заповеди, особенно смирение, поступить в монастырь. А они не хотят соблюдать заповеди, особенно не хотят смиряться, хотят пройти как-либо переулками, поближе, покорооче. О целомудрии они весьма скудного понятия. Вот, например, Байрон или Рафаэль – развратнее его трудно было бы найти, а писал Мадонну. Или знаете стихотворение Пушкина «Пророк»? Там он говорит: «В пустыне мрачной я влачился...» «Влачился», да прямо-таки ползал всем телом. Далее: «И шестикрылый серафим на перепутье мне явился». Здесь он, может быть, имел в виду себя? Сомневаюсь, явился ли он ему? Затем Пушкин рисует картину посвящения ветхозаветного пророка. Кажется, говорится, что он постиг и «херувимов горнее стремленье, и гад морских подводный ход». Ангелы чисты, они только «горняя мудрствуют». А у нас есть и «гад морских подводный ход». Эти два течения идут в нас параллельно. Но должно стараться только «горняя мудрствовать». Это не сразу достигается: ход гад морских будет все тише и, наконец, будет только одно горнее стремление, а те гады нырнут в бездну и исчезнут. Да, этого можно достигнуть. Вот я вам и говорю: «Смиряться и смиряться. Помогите вам. Господи».

Очень утешает он меня, недостойного его любви. Я очень лениво исполняю его наставления, вообще живу нерадиво. Вчера почти весь день спал после чая до самой вечерни, ничего не прочел. Батюшка все покрывает своею любовью, какие гадости ему про себя не расскажешь. Сколько раз Батюшка говорил, что надо встать до службы, даже до звона, говоря:

-Колокольный звон изображает глас Архангела. «Блажен, егоже обрящет бдяща». Надо встать заранее, подготовиться, умыться. Главным образом, надо содержать руки в чистоте. Как вы, например, за обедней возьмете грязными руками антидор? Затем, подготовившись, ожидать звона или будильщика и тотчас же идти. А к обедне идите до звона, как только прочтете утренние молитвы.

Я же, окаянный, очень ленюсь вставать, и вообще лениво исполняю наставления Батюшки.

Скоро Великий пост и св. Четырдесятница, надо исправляться по молитвам Батюшки и с Божией помощью. Бог даст, напишу правила жизни и обыденного поведения для памяти по наставлениям Батюшки и святых отцов.

23 февраля

Завтра ровно год, как мы приехали в Оптину в первый раз. Завтра Прощеное воскресенье, а там и Великий пост. Все это время некогда писать, думаю записать только одну беседу с Батюшкой, бывшую совершенно неожиданно для меня 21-го числа. Я кончил читать Псалтирь в 9 ч. 30 м. вечера и прямо пошел к Батюшке, думая получить хоть одно благословение на сон. Батюшка принял меня, у него только что был брат ..., с ним тоже была беседа. Отпустив келейника спать, Батюшка сел на диван и начал говорить:

-Чем более монах живет в монастыре, тем большему научается. Это происходит постепенно. Конечно, Бог может сразу обогатить нищего. Бывали случаи, что сразу просвещался ум свыше... Одно дело ум, другое – рассуждение. Рассуждение есть дар Божий, как и все вообще у нас дар Божий. Но рассуждение выше других даров и приобретается не сразу. Человек может быть очень умным, но совершенно нерассудительным, может удовлетворять самым низменным потребностям, иметь любовниц и даже совершенно не признавать Бога. Есть люди плотские, которые только и живут для чрева, для блуда. Есть люди душевные, эти повыше плотских. И наконец, есть люди духовные.

Разница между душевными людьми и духовными громадная. Ибо, как говорит апостол: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что почитает это безумием». Он может познать всякую человеческую мудрость, всякую философию, но духовного рассуждения не имеет. Здесь и напомнил Батюшка слова апостола: «Слово крестное погибающим убо юродство есть, а нам спасаемым сила Божия есть».

Да, для них юродство, а для нас, спасаемых, сила Божия. И заметьте, сказано, «спасаемым», а не «спасенным», и «погибающим», а не «погибшим». Иной и не заметит этой разницы сразу, а потом вдруг заметит через некоторое время. Все мы спасаемся, но неизвестно еще, спасемся ли. Также сказано «погибающим», ибо они могут обратиться, хотя и стоят на наклонной плоскости, скользя вниз.

Было уже около 11 часов. Батюшка устал.

– Каждый день совершается чудо милосердия Божия на мне грешном: почти 70-летний старец, но, слава Богу, хватает сил на день. Когда я заболел, я думал, что уже более не встану, но встал, отмолили меня. Обо мне во многих местах молились, особенно по женским монастырям.

Потом Батюшка начал говорить о старчестве.

– Догорает теперь старчество. Везде уже нет старчества, у нас в Оптиной догорают огарочки. Враг ни на что так не восстает, как на старческое окормление: им разрушаются все его силы. Везде он старался его погасить и погасил. Есть монахи, исправно живущие, но об откровении помыслов, о старчестве они ничего не знают. Поэтому без старчества во многих монастырях осталась одна только форма монашеского жития, одна внешность. Иисусову молитву теперь редко кто творит, а что за монашество без Иисусовой молитвы?

При Екатерине II враг воздвиг гонение на старчество. Екатерина II прямо закрывала монастыри; старцы и ученики бежали, кто на Афон, кто в западные православные государства. Один из них, [Паисий Величковский](#), бежал на Афон... Ученики его опять насадили старчество у нас и в других обителях после того, как позволено было им снова возвратиться в Россию. И старчество процветало... А теперь везде угасло, забыто. Враг начинает с невинных вещей, увлекает в грехи... Поэтому-то враг и ненавидит старчество, ненавидит место откровения помыслов, самый голос, которым это говорится.

-Да, Батюшка,- говорю я,- как только хочу записать то, что Вам собирался сказать, так мне уже становится легче, я это замечал.

– Да, вы только пишете, а он уже бежит.

Сейчас всенощная. Все, что вспомню, Бог даст, напишу потом, а сейчас полежу минут 15, устал, спал сегодня 4 часа. Всенощная эта будет первая во втором году со дня приезда в Оптину в первый раз. Прошлый год мы в это время выезжали из Москвы, и я прощался с нею навсегда, но Бог судил иначе. А теперь мы в Оптиной, в скиту. Слава Богу.

25 февраля

Ныне первый день Великого поста. Хорошо здесь встречают и проводят это святое время. Великое утешение и великопостная служба. Поют далеко не артистично, но в общем все как-то хорошо.

Для поддержания сил – скудная холодная пища, однако вполне достаточная для поддержания бодрости. Вместо чая пьем кипяток или завариваем мятку с медом один раз в день. Вообще, при собственном на то желании можно жить здесь очень хорошо. Побольше надо следить за собой, а не за другими. И когда будешь замечать чужие немощи и гордиться перед другими (мысленно) надо отвечать помыслу бесовскому: «Я хуже всех», – так говорил мне Батюшка, и так надо хотя бы непрочувствованно сказать.

Еще Батюшка мне говорил, что враг всегда нападает с одной стороны, напирая на какую-либо одну страсть. Например, вовлекая в чревоугодие, он не будет в то же время смущать сребролюбием, ибо этим может разрушить свою работу. Пожалуй, станет скупиться человек и для угождения чреву. Или, завлекая в сети сребролюбия, он не станет напирать на блуд, ибо опять может разрушить свою работу.

Я замечал на себе, что с тех пор, как я сказал Батюшке про свои помыслы о военщине и о пострижении в мантию, они меня пока не беспокоят; и я помню, Батюшка сказал мне, что они меня оставят, даст Бог. И действительно, оставили. Другие всякие приходят в голову, а этих нет по молитвам Батюшки.

Я замечая, что, пожалуй, мне этот год легче стоять службу и вставать, чем прошлый год, хотя и прошлый год мне было хорошо. Слава Богу.

Март. 2 марта

Вот уже прошла первая неделя св. Великого поста, и с Божией помощью я, слава Богу, легко и даже с утешением духовным провел ее. Чем меньше кушаешь, тем меньше хочется, теперь я это испытал на деле. И я заметил: чем я больше обыкновенного слушал службу, тем более она мне нравилась. Теперь я начинаю понимать смысл поста: и телу, и душе становится как-то хорошо. Вообще, замечаю, что мне здесь начинает больше и больше нравиться.

Как понравилась мне вчера всенощная, особенно ее первая часть – вечерня, как хорошо слушал я стихиры на «Господи возвах...». Как приятно было мне стоять за шестопсалмием в этом мирном полумраке.

Сейчас я читал псалтирь и по окончании, идя сюда в келию, как хорошо чувствовал я себя. После молитвы на душе мирно, тихо, как и все кругом: и эта чудная ночь, луна, чистое небо и яркие звезды, тишина, снег блестит, вокруг вековые ели... Хорошо. Слава Богу, что Он, Милосердый, вселил меня, грешного, сюда, под покров Божией Матери и пророка Своего Крестителя Иоанна. Здесь мне всюду хорошо, а в келье своей, когда я один, мне кажется лучше всего.

Из келии я никуда не выхожу без дела, разве только в церковь, на правило, на послушание, на трапезу, – более никуда. Если случатся какие дела, то иду, а если возможно, откладываю иногда, в монастырь же не очень люблю ходить: там шумно, людно. За ограду скита выхожу обыкновенно только за водой на Амвросиев колодец.

Вообще, утешает меня Господь, и мне не в тягость моя теперешняя жизнь скитского послушника. Я ничего лучшего не желаю: ни еды, ни службы, – посему я узнаю, что мне здесь очень хорошо.

5 марта

Вчера вечером, в 8 часов, я окончил читать Псалтирь и пошел к Батюшке на благословение после всех, и неожиданно для меня опять удалось мне побеседовать с Батюшкой. Когда я вошел, Батюшка сказал мне сесть на стул под часами и побезмолствовать, а сам ушел. Через некоторое время, довольно скоро, Батюшка пришел и начал занавешивать окна. Из окна, прямо из-за деревьев, светила луна. Уже 3–4 ночи подряд были такие же красивые, как я описывал прежде. Батюшка указал мне на это:

– Видите, какая красота.

– Да, Батюшка. Я когда иду к себе в келью после Псалтири, мне все это нравится: и луна, и снег,– а когда я приду к себе в келью, мне там еще лучше.

– Конечно, в келии лучше.

Потом Батюшка начал рассказывать про одного нашего монастырского монаха о. Феодула.

– Жил на кухне монах, совсем простой, малограмотный. Никто о нем ничего не знал. Даже о. архимандрит не знал, чего он достиг душой. Ну, а мне, как духовному отцу, все известно. Он постоянно молчал и проходил Иисусову молитву. Все видели, что четки постоянно при нем и всегда в движении, но никто не предполагал, что делается у него внутри. Устную молитву он до того усвоил, что начал уже подходить к внутренней. Редко мне приходилось с ним беседовать, но когда случалось, это доставляло мне великое утешение.

Заболел он и лег в больницу, а я, когда на первой неделе исповедовал братию монастырскую в больнице, зашел к нему, поговорил. Спрашиваю, не хочет ли он чего.

– Нет, Батюшка, ничего.

Потом я его опять спросил, не хочет ли он чего.

– Ничего... да вот разве, Батюшка, кисленького чего-нибудь.

– Хорошо,– говорю я.

На следующий день принес ему два яблока да два апельсина... И как он был рад. Как мало нужно для монаха, не то что в миру... Потом я его как-то спросил: «Как тебе?»

– Да скучно здесь, Батюшка, жить.

– Да, где же весело? – спрашиваю я.

– Да там весело, если только примут.

– А ты готов?

– Да то-то и дело, что не готов. Я грешник, хуже всех.

На следующий день прихожу и спрашиваю:

– Не надо ли тебе чего?

– Нет, Батюшка, ничего. Единого желаю: разрешиться и со Христом быти. Помолитесь обо мне, Батюшка. Далекий, неизвестный путь предлежит мне, благословите, Батюшка, идти.

– Бог благословит. Иди. Когда будешь предстоять престолу Господню, помяни меня, своего духовного отца.

– Хорошо, помяну, аще буду.

– Ну, уж, конечно, если будешь.

Сегодня прибегает послушник и говорит, что о. Феодул скончался. И верую, что пошел он в райские селения. Вот как здесь умирают, и как в миру... И вот на Страшном суде узнается, кто был разумнее: профессора, ученые, художники или такие простецы, как о. Феодул.

Потом Батюшка посадил меня вместе с собою на диван и, обняв, сказал:

– С первого же раза я расположился к Вам, и верую, что сохранится это расположение на все время, которое мне осталось жить... Оставайтесь здесь монахом до конца своей жизни. А основание монашеской жизни – смирение. Есть смирение – все есть, а нет смирения – ничего нет. Можно даже без всяких дел одним смирением спастись.

...Это время, когда я был болен, я думал, что не встану. Но за меня стали молиться, и мне дана отсрочка. Есть одна блаженная, она видела сон: как будто она подходит к скиту и видит, что меня через св. ворота выводят из скита какие-то жена и муж. «Я,– говорит,– их спрашиваю: - Куда же вы выводите Батюшку? -В монастырь. – Зачем же вы его в монастырь? Ведь в монастырь из скита только когда кто умрет выносят, а Батюшка в скиту нужен. Оставьте его. – Никак нельзя. – Тогда я начинаю со слезами просить: – Да оставьте его, пожалуйста,.. – Тогда муж тот и жена стали советоваться и решили, что можно оставить, и увели опять в св. ворота в скит».

Это она рассказала Нилусу, а он мне. Ему она рассказала, когда я еще был здоровехонек, за несколько времени до болезни, и говорила, что из этого она заключает, что со мной должно что-нибудь случиться.

Видит Господь, что всех люблю, что всех хотел бы заключить в свое сердце, и не тесно там, но что поделаешь? Не хотят некоторые, сами не идут. Да я их и не виню, все это дело диавола, они не виноваты. Были на меня гонения, да Господу вот как угодно было сделать...

Что Вы теперь читаете?

– Да, вот, Батюшка, кончил авву Дорофея, благословите начать [Петра Дамаскина](#).

– Хорошо, начинайте. В этой книге есть непонятные таинственные места. Там увидите, как святые начинали познавать смысл видимой природы. Им дела нет до видимого вещей, а смысл их они понимают...

– Да, Батюшка, я понимаю так, как говорится в псалме: «Всякое дыхание да хвалит Господа»...

– Да, да, конечно, не самое творение хвалит Господа. Как снег будет хвалить Господа? Но он сам собою доказывает славу и премудрость Создавшего его. Также огонь, ветер, град не сами хвалят Бога, а только показывают собою славу, силу и премудрость Господа. А сознательно прославляющим Бога является уже человек, который, познавая Божие творение, прославляет Бога. В этом смысле сказано: «всякое дыхание да Хвалит Господа».

Я говорю Батюшке: «А вот некоторые поэты говорят подобное, например, Лермонтов: «Когда волнуется желтеющая нива...» – «Да, это стихотворение вы хорошо напомнили мне... да... в таком смысле даже всякое творение говорит: «птицы имеют свой язык», это даже признают некоторые ученые. Поет соловей – конечно, славит Бога.»

6 марта

Пока есть время, спешу записать все, что припомню...

-Теперь ненавидят повсюду христианство. Оно есть ярмо, мешающее жить вольно, свободно творить грех. Еще Гете один раз выразился про христианство так: «Только две вещи ненавижу я: клопов и христианство». Смотрите, какая насмешка, какое кощунство. Когда он умирал, то закричал: «Свету больше, свету больше».

Страшные слова. Значит на него уже надвигалась адская тьма.

Вот так и теперь ненавидят христианство, и по смерти идут на дно ада, а здесь, в тиши спасаются, как, например, о. Феодул.

Про него с самого начала Батюшка сказал:

-У него лицо было всегда такое, как в Евангелии сказано про Иисуса Христа, что Лице Его бе грядущего в Иерусалим, какое восковое, он уже не думал ни о чем мирском, потерял всякое пристрастие к миру.

Это выражение я еще замечал у художников. Например, на одном вечере Майков и Полонский читали свои произведения, и у Майкова было оно чуть заметно, чуть-чуть мелькало во время его сильного воодушевления. Но вся полнота принадлежит, конечно, инокам.

7 марта

Сказал Батюшке про дьявольское наваждение и напомнил ему его слово, сказанное мне им раньше. На это Батюшка сказал:

– Вот и увидели больше, и чем больше будете стараться жить по-монашески, тем более будете испытывать.

Я припоминаю, что во время сего наваждения, когда мне стало страшно, я порывисто начал творить Иисусову молитву, и на первом же слове, лишь я произнес: «Господи», – сразу все прекратилось, хотя, может быть, и на время, теперь уже не помню. Когда я сказал об этом, Батюшка прибавил:

– Да и познали силу молитвы.

Кстати, запишу еще из наставлений, бывших на исповеди.

-Когда у вас бывают какие-либо мечтания, то вы сами им не противоречьте и не отгоняйте, а просто возьмите, да в них – «Камнем», а Камень есть имя Христово, Иисусова молитва. Не гордитесь, не тщеславьтесь ни сами в себе, ни перед другими. Сказано: «не труби перед собой и перед другими», а считайте себя хуже всех и свыкайтесь с мыслью, что вы приговорены к адским мучениям, что вы достойны их, и что избавиться от них можете только по милости Божией. Это нелегко, и только святые достигают того, что считают себя достойными адских мучений, и худшими всех считают только себя.

Сегодня праздник иконы Божией Матери «Споручницы грешных» и у меня в келии праздник, так как Батюшка благословил меня иконой Божией Матери как раз «Споручницы грешных».

Еще припомнил, что Батюшка говорил о совершенствовании человека и духов.

– Бога познавать могут люди по мере того, как будут совершенствоваться еще здесь на земле, но, главным образом, в будущей жизни. На небе все бесплотные духи все время совершенствуются, подражая низшие – высшим. Самые высшие духи – это серафимы, но и они не видят Бога таким, какой Он есть на самом деле, хотя каждое мгновение с огромной быстротой идет их совершенствование, и они подражают Богу, насколько им возможно. А серафимам подражают херувимы, и т. д. и, наконец, человек подражает ангелам. Итак, друг другу подражая, все стремятся к совершенству, познавая Бога, но никогда ни познать, ни увидеть Его не будут в состоянии, ибо Господь Бог есть Существо

беспредельное, а все остальные существа, как сотворенные Богом, ограничены.

Была одна попытка, не только сравниться с Богом, но даже стать выше Его, и окончилась тем, что этот серафим стал ниже всех и приобрел сразу все отрицательные качества за свою гордость и дерзость. И вот, чем больше здесь живешь, тем все более и более уверяешься, что Господь смотрит только на кроткого и смиренного. И потому так и ненавидит гордость, что это есть дьявольская, сатанинская черта.

Если Господь захочет вам, например, возвестить что-либо, то Он Свою волю возвещает серафимам, а они херувимам и так далее, и уже ангел-хранитель скажет вам, чтобы вы выехали в Оптину и остались там. Но на то, конечно, была воля Божия.

– Да,– отвечаю я,– у меня спросил один монах: «Как у вас началось желание поступить в монастырь»? А я и не знаю как. Помню, что чаще стал ходить в церковь, читать Евангелие, и подобное сему. А как именно явилось это желание – совершенно не могу сказать.

– Да, в вас было всеяно семя, а как семя растет в земле, никто не знает и не может сказать...

Еще припоминаю, как Батюшка говорил, что человек должен исполнять заповедь: «Будьте святы, якоже Аз свят есмь».

10 марта

Начал читать Петра Дамаскина. Мне нравится эта книга. Это серьезная и глубокая книга, и читать ее быстро не могу. Я сказал об этом Батюшке, и он подтвердил мои слова, что эта книга глубже аввы Дорофея. Еще бы, авва Дорофей – это азбука монашеской жизни, хотя читая ее, можно открывать все новое и новое, и для каждого она является сообразной его состоянию. Она имеет берег, и от берега можно ходить сначала по колени, потом глубже и глубже. Иной – сразу в глубину.

Запишу еще несколько наставлений.

-Есть маленький секрет, чтобы легко вставать к утрение и не просыпать: не осуждать тех, кто просыпает и опаздывает. Если не будете осуждать других, и вам будет легко... К обедне надо вставать за час до начала. Я думаю, вам полчаса достаточно, чтобы умыться, одеться и прочесть утренние молитвы, а как зазвонят – начинайте читать синодики. - За всенощной теперь привыкайте не выходить, а то потом трудно будет, так и брату скажите.

Вчера умер келейник о. Иосифа о. Пахомий. Это уже второй, как мы поступили сюда.

Вот вчера Батюшка по этому поводу говорил, что «в Оптиной верный признак того, что человек скоро умрет, если он просится поехать к родным или вообще желает уехать из Оптиной».

16 марта

Времени писать совершенно нет. Со вчерашнего дня мне дано очень много работы по библиотеке. Эти дни на благословении Батюшка кое-что говорил. На мой вопрос о страхе, который находит на меня иногда в темноте и вообще, Батюшка сказал, что это – вражие.

-Отгоняйте это псаломским словом, как учили старцы: «От страха вражия изми душу мою»...

– Книги читайте, но не входите в тонкости, не вдавайтесь в анализ, а молитесь Богу, да просветит ум ваш. Мне так сказал о. Анатолий и на мой вопрос: «Почему так?» – отвечал: «Запутаетесь». Вот так и я говорю вам.

Когда я оделся в подрясник и пришел к Батюшке о. Анатолию, он мне сказал: «Ну, брат Павел». ...И какой музыкой раздалось эти слова в моих ушах. Я, вылезший из вонючего болота – мира, весь в грязи, тине, и я – «брат». Меня называет этот великий старец своим братом. Вот и я называю вас: «брат Николай», а Николай Митрофанович остался там, за воротами... У монаха вся радость состоит в смирении, смирении и простоте.

17 марта

Теперь с начала поста я прохожу послушание помощника библиотекаря, а в библиотеке сейчас много дела.

Вот как Господь подкрепляет меня, недостойного: совершенно не тягочусь постом и даже лучшей пищи не желаю. Бывают помыслы о прежнем, но это мимолетно, даже не беспокоит. Стараюсь слушать службу, хотя это далеко не всегда удается, обыкновенно бываю очень рассеян.

Прежде я осуждал монахов, а теперь, когда сам в монастыре, – вижу, как трудно быть истинным монахом. Сам я ничуть не изменился, но остался таким же страстным человеком: пороки, грехи – те же, что в миру, только живу в келии. И не стал сразу ангелом, чего я требовал прежде от всякого монаха без разбора: молодой ли он или старый и сколько живет в монастыре, – не желал ничего принимать во внимание. Теперь я начинаю понимать на опыте, как легко рассуждать и как трудно «дело делать». Батюшка сказал:

-Если приходится пропустить что-либо из правила, то на следующий день не исполняйте пропущенное, но мне надо сказать, ибо впадете в неоплатные долги. А пропустили, так пропустили, делать нечего.

-А если, Батюшка, будут заставлять читать в церкви, как быть? Вы же еще не благословили?

– Отказываться не надо, если заставляют. Бог благословит... Веруйте: на пользу говорю вам то, что исполняете за послушание. По вере вашей и я говорю вам то, что для вас потребно. Вот приходят ко мне с верой, и я сам удивляюсь, откуда что берется, вспоминаю прочитанное и слышанное, и говорю на пользу по вере вопрошающих. А бывает так, что приходят просто из любопытства или когда не имеют цели для пользы душевной – и тогда я положительно ничего не могу сказать, говорю: молись и более ничего.

Я забыл, что, когда Батюшка говорил про ужасы в миру, он в то же время прибавил: – И среди других там находятся чистые души. Господи. Господи. Истинно: свет во тьме светит и тьма его не объят.

Апрель. 1 апреля

Пост почти прошел, и я его совершенно не заметил. Идут приготовления к празднику. Вчера и сегодня чистили церковную утварь, мыли полы в церкви. Батюшка и меня назначил на это послушание: «Это великое послушание,» – сказал Батюшка.

6 апреля

Вот уже прошел Великий пост. Сегодня Церковь празднует Вход Господень в Иерусалим, а завтра начинается св. Страстная седмица. Получил от Батюшки благословение готовиться.

7 апреля

Господь помог мне этот день. Я выстоял все службы, исполнил келейное правило, кроме пятисотницы, которую полагаю сейчас справлять, и не особенно устал, а часы и вечерню выстоял легче, чем прошлый год, так мне кажется... Сегодня я читаю сутки. Начал как положено, с вечерни, аще жив буду, то буду завтра читать утреню и потом часы. Сутки я читаю первый раз, и Господь привел мне читать их на Страстной седмице. Слава Богу.

16 апреля

Время летит. Уже прошла половина Светлой седмицы, сегодня среда. Хорошо здесь. Нет сильного подъема чувств, как бывало в миру, а ровно и тихо на душе. Я как будто забыл, что есть мир со своей мнимой радостью и наслаждениями, далее забыл о родных, хотя молюсь за них за всех каждый день.

...Я вполне удовлетворяюсь своей жизнью, своим поведением – я говорю про колею, устой жизни. В миру я даже более в свое время был доволен своей жизнью, не замечая, не чувствуя своих грехов и поступков против Бога и ближнего, а здесь я начинаю чувствовать некоторые свои грехи. Здесь совесть более обличает, и я стараюсь очищать ее по мере возможности у старцев искренним откровением помыслов и поступков. «Искренним» – потому что говорю Батюшке все от себя, никто меня к тому не принуждает, хотя и есть у меня желание оправдаться, но и в этом каялся Батюшке.

И я познал, кажется, силу и необходимость откровения, ибо сам на себе чувствую облегчение: то успокоение и умиротворение совести, которое бывает после откровения. Проступок, который все время помнишь, и он тебя беспокоит, почти забываешь, когда скажешь о нем Батюшке. Поэтому я решил быть всегда откровенным с Батюшкой, и всячески хранить свою совесть...

19 апреля

Вчера получил телеграмму от епископа Трифона. Поздравляет с праздником. Вот ее текст: «Да благословит вас Воскресший Спаситель». Коротко, но утешительно для нас, т. е. для меня и Иванушки... «Великое дело – архипастырское благословение,– сказал Батюшка.– Сам епископ может быть и грешным, как все люди, но его благословение и молитвы имеют великую силу...»

В Москве как-то раз пришли мы вместе, или я один, точно не помню, к Владыке. Он всегда принимал нас очень хорошо, также и на этот раз. Мы переговорили, о чем было нужно, и вдруг Владыка говорит:

– Эти дни я все что-то вспоминал вас и, признаться, даже молился за вас. С вами ничего не случилось особенного?

Теперь я хорошо не помню, только я ответил, что, кажется, ничего. А все может быть, что-нибудь и было..., только мы были ограждены святительскими молитвами, и ничего особенного не почувствовали.

Однако возвращусь к вчерашнему. Батюшка сказал, чтобы я зашел к нему на минутку. Мы вошли вместе. Положив поклоны, Батюшка взял со стола восковое с украшениями яичко и, подавая его мне, сказал:

– Я хотел вам дать яичко...

Я взял и поблагодарил Батюшку. Затем Батюшка спросил, не играю ли я на каком-либо музыкальном инструменте. Я отвечал:

– Нет, пробовал немного, но ничего не вышло.

– И брат Иван?

– Да.

– Так вам, значит, предстоит играть в душе, по слову: «Пою Богу моему, дондеже есмь». Эта чудная гармония замечается особенно у пророка и псалмопевца Давида в его псалмах... Это пение – достояние иночества...

Более Батюшка как будто ничего не сказал.

22 апреля

Сегодня получил очень короткое письмо от мамы. Поздравляет, благословляет и сообщает, что в Москве было страшное наводнение, так что во многих храмах на Светлую заутреню не было службы.

Надо записать про келейное правило: все читать на славянском языке, а порядок чтения такой: сначала две кафизмы со всеми молитвами и поклонами, затем две главы из Апостола (Апокалипсис на келейном правиле не читается); главу Евангелия и Помянник. Это все я, по благословению Батюшки, справляю после трапезы до чая. На вечер, от 9–10 часов, после благословения, перед сном, остается пятисотница.

Книгу св. Игнатия Брянчанинова, том 3-й, я окончил. Как-то я сказал Батюшке, что несмотря на то, что эта книга мне понравилась, есть в ней некоторые места, в которых я чувствовал некоторое сомнение, напр.,– мытарства,– Престол на небе, чины ангелов, рай и т. п.

– Все это надо духовно понимать,– отвечал Батюшка,– это только намек на самую действительность, а некоторые, не понимая, что здесь все в высшем духовном смысле сказано, соблазняются. Например, на небе пред Престолом Бога – завеса, которая раздвигалась, когда подошла к ней блаженная Феодора... Конечно, это надо понимать в духовном смысле. Подобно тому, как говорят, что у евреев было на глазах покрывало. Ведь это не значит, что действительно над ними было некое вещественное покрывало. Или еще говорят про серафимов, что они закрывали лица крыльями. Какие же могут быть у них крылья? Это значит, что они не могут видеть всей славы Божией.

24 апреля

Послушание – составление чина служб – пока или совсем отставлено от меня, по каким причинам – не знаю. Вероятно, о. Кукша сказал Батюшке, что он один сможет сделать это дело. А я теперь, главным образом, работаю на послушании в саду. Господь подкрепляет меня, грешного. На самом деле я, не привыкший к физическому труду, хотя и обладаю некоторой физической силой и выносливостью, сегодня работал почти целый день... И благодарение и слава Богу, не устал... Начинаю узнавать, что такое физическая работа как работа, а не развлечение, как бывало в миру. Слава Богу за все.

30 апреля

Завтра – 1-ое мая, память преп. Пафнутия Боровского. Братия пойдет в монастырь на бдение, а завтра на колодец...

Вчера с Иванушкой были у Батюшки. Я спрашивал о своих недоумениях и вопросах. С Божией помощью хочется записать вчерашнее.

– Батюшка, Вы не раз говорили мне, чтобы я держался за пятисотницу. Что это значит?

– Держаться, значит аккуратно и исправно исполнять ее в положенное время. Вот и о. Амвросий так говорил одному из своих учеников – схимонаху Мельхиседеку, который об этом передавал мне сам: «Держись за пятисотницу, как за спасительное вервие, не заблудишься». Почему так? Очевидно, потому, что в ней есть особая сила. О. Амвросий не открыл нам, какая это сила и в чем она заключается, но можем думать, что в произношении имени Иисуса Христа. Многие думают, что сила в том, что пятисотница ведет свое начало от древних отцов Египта и Палестины...

– А вот, Батюшка, когда справляю пятисотницу, всякая глупость в голову лезет, так мысль и скользит по всему, что придет в голову.

– Когда читают всякие другие молитвы, все еще ничего; когда же начинают справлять пятисотницу, сразу нападают помыслы. Враг сразу ополчается. Из этого мы познаем, что пятисотница имеет великую силу, если она столько ненавистна врагу...

– Батюшка, авва Доротея, преп. Петр Дамаскин, еп. Игнатий Брянчанинов – все говорят, что необходимо внимать себе, проверять свою жизнь за день вечером, а за ночь утром. Благословите Вы мне так же проверять себя.

– Бог благословит. Проверяйте себя и кайтесь в согрешениях своих. Конечно, утром припоминать нужно только грубые отступления, например, проспал и опоздал к утрени, осудил за утренией кого-либо, вольно держал себя и т. п., ибо ночь проходит у нас во сне, а у древних отцов она проходила в бдении. Еп. Игнатий говорит: «То, что отцы древних времен относят к новоначальным, может теперь относиться только к значительно преуспевшим инокам». Действительно, и вы, может быть, скажете, что теперешнее монашество мало и походит на прежнее.

Проверка своей жизни приводит к познанию своих грехов; познание своих грехов приводит к познанию своей немощи и покаянию, а это, в конце концов, приводит к мысли о Боге и о смерти... Поэтому, достаточно

будет, если мы будем вспоминать свои согрешения, проверять свою жизнь и каяться в своих согрешениях, бывших за день и за ночь: «Прости мне, Господи, что я оскорбил брата или сделал то-то и то-то».

Отогнать помыслы не в вашей силе, а не принять – в вашей. Имя Иисусово отгоняет их. А иногда нарочно помыслу попускается беспокоить вас, надо терпеть помысл, не соглашаясь с ним...

У о. Амвросия не было особенно приближенных учеников, только о. Анатолий был действительно приближенным его сотаинником, так сказать. Врагов у него не было, он всех любил, даже тех, которые его не любили; он их как бы более любил, чем других.

Май. 4 мая

...– Ну, что, ходили на колодец?

– Да, Батюшка.

– Понравилось вам?

– Да.

– Я тоже ходил десять лет. Как бодро себя чувствуешь. Отчасти это от прогулки на свежем воздухе, а главным образом, это – благодатное...

– Батюшка, а если пропустишь проверку себя утром или вечером, то вам все говорить, что было, или нет?

– Цель такой проверки себя – получить навык в этом... После проверки все говорить мне не надо, только самое важное, только грубые отступления...

– Например, проспал?

– Да, это важно.

– А пустословие? И самому неприятно, что пустословишь, но все не перестаешь.

– Да, это очень важно. Это в вас начатки внимательной жизни. Когда кто пустословит, тот не может внимательно жить, постоянно рассеиваясь. От молчания рождается безмолвие, от безмолвия – молитва, ибо как может молиться тот, кто находится в рассеянии? Внимание себе, внимательная жизнь – цель монашеской жизни. Сказано: «Внемли себе». Молчание, без которого нельзя жить, есть подвиг. Ибо, когда кто молчит, то враг тотчас говорит другим: «Смотри, какой он гордец, даже говорить с тобой не хочет». А это совсем не так. Отсюда скорби. Поэтому, кто решается на этот подвиг, тот должен приготовиться к скорбям. Да и само молчание не скоро и не легко дается.

Но потому оно так высоко и необходимо, что «молчание есть тайна жизни будущего века». Кто молчит, тот прямо готовится к будущей жизни. Батюшка о. Макарий часто говорил: «Посмотрите, все святые молчали: преп. [Серафим Саровский](#) молчал, [Арсений Великий](#) молчал. Да потому он и великий, что молчал. Когда его спросили, почему он молчит все время, он отвечал: «Поверьте, братья, что я вас всех люблю, но не могу быть и с вами, и с Богом, поэтому убегаю от вас».

У [Иоанна Лествичника](#) есть: «Когда я говорил даже о душеполезном, я часто раскаивался, а в том, что молчал – никогда».

О. Макарий говорил: «Был великий Арсений. И у нас в России был

свой великий Арсений, если бы он пошел другой дорогой. Это – еп. Игнатий Брянчанинов. Это был великий ум».

Еще в прошлую беседу про Игнатия Брянчанинова Батюшка сказал:

– Вы не знаете, что было, когда хоронили еп. Игнатия?

– Нет, Батюшка.

– Ангелы возносили его душу и пели: «Архиерею Божий, святителю отче Игнатие». Вот была ангельская песнь...

Я помню, еще до Пасхи Батюшка сказал мне:

– Есть еще один скит на Белом море за Соловками, вроде нашего. Были бы и еще, только старчества нет в них. А у нас здесь благодать. В монастыре – завалены послушаниями, но сюда к нам не хотят. То, что для нас самое приятное – сидеть в своей келии, того они не хотят.

Да, поистине, хорошо у нас в скиту. Начинаю, кажется, понимать Батюшкины слова:

– Как нам благодарить Тебя, Господи, что Ты оторвал нас от мира и привел сюда...

14 мая

11 числа получил из Москвы письмо: сообщают, что 9-го мая в 6 час. утра скончалась бабушка, пережившая всех своих 14 детей, из которых папа был последним и схоронен уже 4 года тому назад. Царство ей Небесное.

Теперь очень хорошо в скиту: все распускается, зеленеет, аромат... Утешает нас Господь, нас, живущих среди природы, нас, бежавших от мнимых удобств, суеты и зловония городской жизни. У нас на вратах, на стороне, обращенной к скиту, к церкви, написано: «Коль возлюбленна селения Твоя, Господи», – и воистину так.

Я помню обстоятельства моего поступления в скит и мои чувства... Я вижу, чувствую, что сбылись надо мною слова, прочтенные мною в книге еп. Феофана «Путь ко спасению»: «Благодать, действуя в человеке, показывает ему, дает чуть-чуть ощутить сладость духовной жизни и быстро скрывается, поставляя человека на точку безразличия, где и требуется уже от человека произволение на новую жизнь».

То, что я был на точке безразличия при поступлении в скит, я теперь хорошо, ясно вижу. Почему я склонился на иноческую жизнь, – не знаю. Теперь я склонен думать, что меня тянули сюда молитвы Батюшки, который очень желал, чтобы я и Иванушка поступили сюда, и молитвы еп. Трифона. Кроме этого, за нас молились еще и в миру, и здесь: и в скиту, и в монастыре. И в Московском Чудовом монастыре – о. Серафим, и в Богоявленском – о. Иона с келейником о. Михаилом...

Вчера Батюшка говорил нам про утреню.

– Утренняя у нас в скиту имеет громадную важность. На ней держится вся скитская жизнь, но она также представляет немалую трудность. А для нас, привыкших в миру поздно вставать, это одно из самых трудных положений скитской жизни. Поэтому не надо давать себе поблажки с начала.

«Смотрите, не просыпайте утреню, – говорил о. Анатолий, – это очень опасно. Бывали случаи, что многие от этого уходили и пропадали». Сразу надо браться за это дело, с самого начала. Вот и мне за молитвы старцев это далось ничего.

18 мая

Сегодня приехала мама, тетя Ларя и Коля. Мама прежде беспокоилась, что нам здесь трудно и плохо, а теперь, кажется, вполне успокоилась, видя нас здоровыми и благодушствующими. Это хорошо. Мама вообще хорошая, спаси ее Господи.

Оптина очень понравилась маме. Она будет говеть. Что-то Господь даст завтра?..

20 мая

Завтра уже отдание Пасхи... С тех пор, как приехали наши, я много времени провожу в разговорах и рассеянности в противоположность последним дням, поэтому и за молитвой никак не могу сосредоточиться. Что делать, надо терпеть и сопротивляться рассеянности, а Батюшка благословил ходить к ним, говоря: «Да, ходите, ходите, Бог благословит». Сейчас ко всенощной пора.

23 мая

Вечером наши уехали. Мама осталась очень довольна. Монастырь и служба ей очень понравились. Батюшка тоже понравился. Относительно нас она успокоилась. Уехали – и благодарение Богу. Теперь опять все пойдет своим порядком, прекратятся хождения в монастырь...

На следующей неделе предполагается переносить библиотеку в новое помещение. Поэтому садовое послушание от меня отставляется. Переписываю и излагаю в более правильной форме написанное о. Кукшей о выдающихся днях богослужения.

Завтра Троицын день, день св. Пятидесятницы. Аще живы будем, Бог даст, будем украшать новый храм березками. Господь все утешает меня, грешного. Со всяким послушанием я мирюсь, ничто меня не тяготит, все время у меня хорошее настроение.

Однажды я пришел к Батюшке.

– Ну, что, все хорошо? – спрашивает Батюшка.

– Да, все хорошо, слава Богу.

– Да, новоначальные всегда радуются, если идут в монастырь от всего сердца. Сказано в псалме: «Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом». Вот такие и трудятся для Господа со страхом, боясь Его чем-либо оскорбить и радуются, как? – с трепетом.

– Я, Батюшка, теперь начинаю бояться мира. Мама говорила, что они переезжают на дачу, а мне становится страшно, как это они не боятся жить в миру?

– Это ничего, это спасительный страх. Вы ушли от этого ужасного чудовища – мира, и, Бог даст, совсем отойдете от него.

Один раз я видел сон. Иду я, будто бы, по лесу и вижу: лежит бревно. Я спокойно сажусь на него и вдруг чувствую, что бревно шевелится. Я вскочил и вижу, что это огромный змей. Я скорее бежать. Выбегаю из леса, оборачиваюсь и вижу, что весь лес горит, а вокруг него, кольцом охватывая его, лежит змей. Слава Тебе, Господи, что я убежал из леса, что бы со мной было, если бы я остался в лесу? И сон этот был для меня непонятен.

Потом мне один схимник растолковал этот сон. Лес – это мир. В миру грешат и не чувствуют, не сознают, что грешат. В миру и гордыня, и лесть, и блуд, и воровство, и все пороки. Да и я жил так и не думал о том. Вдруг я увидел, что если так продолжать жить, так, пожалуй, погибнешь, ибо за гробом жизнь или благая для благих, или вечная ужасная мука для грешных. Я увидел, что чудовище шевелится, что опасно на нем сидеть. И вот, когда я отошел от мира и теперь смотрю на него из монастыря, то вижу, что весь мир горит в своих страстях. Это – то «огненное запаление», про которое говорится в великом каноне св. [Андрея Критского](#).

Как бы я здесь ни жил, а начинаю сознавать, что блажен муж, который, пришедши сюда, и ляжет здесь на скитском кладбище.

Июнь. 9 июня

Уже настал Петровский пост. Вся братия готовится на первой неделе. К нам в корпус Батюшка поместил приехавшего из Казани студента Академии – иеродиакона Никона. Он еще молодой человек. Мы с ним будем жить, Бог даст, как жили в свое время с братом Иваном. Поступает к нам в скит еще один офицер, совсем молодой человек, живет пока на испытании.

16 июня

Слава Богу. Сподобился я, грешный, принятия св. Христовых Таин в субботу. Сбываются на мне слова Батюшки: времени свободного у меня совершенно нет ни в будни, ни в праздники, иной раз даже и устанешь под конец дня.

Но, благодарение Богу, ничего, хорошо себя чувствую. Изредка приходится заглянуть в книгу. Я читаю еп. Игнатия Брянчанинова. Очень утешаюсь его сочинениями. Не знаю, как благодарить Господа и Батюшку, что имею такое сокровище. Особенно хорошо я теперь читаю у него про молитву Иисусову. Да, кажется, у него все особенно хорошо.

22 июня

С библиотекой в основном покончили, теперь будем красить пол, и библиотека открыта.

Офицер, ныне брат Александр Аваев, хотя еще и в мундире, а не в подряснике, поступил окончательно. Спаси его, Господи. Он помогал мне немного в библиотеке и очень скромно и смиренно держал себя. Удивительно, как сразу начинает смиряться человек, поступая в скит; здесь какая-то особая благодать, приятная для смиренной жизни атмосфера.

Молю Господа, да смирит меня, окаянного, я всегда был и сейчас есмь гордец...

Как-то на днях о. Никон спросил меня, как явилось у меня желание идти в монастырь, что меня побудило, какая была причина? Я ни на один из этих вопросов не мог и не могу ответить. Господь привел меня сюда. Не знаю, следует ли вспоминать то, что связано с миром. Помню, что я часто даже в играх, которые любил, чувствовал неудовлетворенность, пустоту. Я не знал, куда мне поступить из гимназии, что выбрать, какую отрасль науки, какой сообразно с этим путь жизни. Ничто мне не нравилось так, чтобы я мог отдаться тому, что выбрал.

О вере в Бога я не размышлял и не давал отчета, имея скорее превратное понятие о вещах веры, например, о монашестве.

Теперь, слава Богу, все затихло, и истина доказывается моим собственным опытом, чтением книг и тем, что вижу и слышу. Да, здесь исключительно милость Божия, презревшая всю мою мерзость. Замечу еще раз, что церковь (этому я придаю большое значение), может быть, была одна из самых главных причин, приведших меня в обитель к Богу, если можно так выразиться, если я имею право так сказать.

С 12–13 лет я ее не покидал, несмотря ни на что. Я стоял в церкви во время службы, упиваясь мечтами (я жил мечтой, не имея нигде удовлетворения). Однако эти мысли меня мало тревожили. Но я думаю: не эта ли обособленность привлекла меня к беседе с Батюшкой, к молитве, к теперешней моей жизни в скиту? Кажется, ничего другого, особенного, не было. Моя жизнь вышла из колеи безразличного отношения ко всему именно в то самое время; тогда произошел переворот, который надо считать в своем начале вполне отрицательным. О, коль благ Господь, пресекающий зло, или обращающий его к добрым последствиям Своим

человеколюбивым Промыслом.

28 июня

Вчера я каялся Батюшке, что не исполнил пятисотницы вследствие усталости...

– Бог простит,– сказал Батюшка,– но все-таки нужно укорять себя. Так учили наши великие старцы. При самоукорении это даже приносит пользу. Авва Дорофей, Иоанн Лествичник говорят, что самоукорение есть невидимое восхождение...

– Когда я творю Иисусову молитву или справляю пятисотницу, я бываю очень рассеян, мысль так и перескакивает от одного к другому, она везде побывает, только не в словах молитвы.

– А все-таки уста освещаются именем Господа Иисуса Христа,– сказал Батюшка.

Однажды я встретил в скиту рясофорного монаха о. Георгия.

– Как вы поживаете? Скучаете ли по Москве?

– Благодарение Богу, Батюшка, благодушествую.

– И я два года не вспоминал Москвы, а теперь вспоминается, даже иной раз задумаешься. Помогите вам Господи.

– Спаси вас Господи, Батюшка,– отвечал я и подумал: аще жив буду, не минует и меня эта участь.

Недели две тому назад о. Иоанн (Ив. Вас. Полевой) благословился у Батюшки пройтись немного по лесу и взять меня с собой. Я пошел и заметил, как о. Иоанн, глядя на сосны, небо, вообще на всю природу, вспоминал про Бога, смерть, бессмертие, жизнь святых и т. п., Ему вся природа вещает о Боге и дивных делах Его.

А я, грешный, глядя на все существующее, совсем не переношусь от временного видимого к бесконечному, невидимому.

29 июня

Я помню, что на меня особенно сильно действовала мысль о бесконечности, нескончаемости загробной участи. Мой ребяческий ум совершенно терялся при этой мысли. Одни слова: «Не будет конца»... – приводили меня в трепет и ужас...

Теперь я начинаю бояться мира, хотя мысли о нем и лезут в голову. Про эту боязнь я говорил Батюшке, и он сказал, что она спасительна... Припоминаю наставления Батюшки о боязливости вообще, которая скорее гибельна, чем спасительна. Это мне Батюшка говорил, когда я с о. Иоанном, пономарем, разбил украшение с церковного паникадила:

– Бояться надо только греха, – говорил Батюшка. (Мира я боюсь, потому что он всегда и всем дает повод, склоняет ко греху, он весь полон искушений, которым я не могу сопротивляться..) Монах не должен быть боязлив, труслив, а должен возлагать надежду на Бога...

Сегодня о. Иоанн (И. В. Полевой) подарил мне книгу за хлопоты во время переноски библиотеки – «Царский путь Креста Господня». Он говорит, что книга очень хорошая. Бог даст, по благословению у Батюшки прочитаю. Я как-то без благословения Батюшки ничего не могу делать. Теперь очень редко приходится беседовать с Батюшкой, он очень устает.

Июль. 5 июля

Сегодня после обедни состоялось освящение библиотеки, т. е. было молебствие с водоосвящением. Мне не пришлось быть на молебствии: я готовил сладкий чай для всей братии, устроенный о. Иоанном (Полевым).

А вчера перебрался от нас из скита в монастырь о. Анатолий. Более 30 лет прожил в скиту, а теперь его перевели в монастырь. Там умер о. Савва, бывший духовником многих из братии, к нему обращались и многие мирские. И вот на его место перевели о. Анатолия. 3-го числа он прощался с нами на трапезе, смиренно поклонился нам в землю два раза. Всегда смиренный и никогда не унывающий. Иным я его не видел. Это единственный иеромонах, которого я видел встающим на колени перед Батюшкой. (Я видел еще о. Нектария ставшим однажды на колени перед Батюшкой, 18 ноября 1908 г.) Спаси его Господи.

Не могу более писать, пришли звать на покос...

7 июля.

Завтра день Казанской иконы Божией Матери. Бдение и обедня будут в монастыре, а трапеза у нас в скиту своя. Все ходят на покос то с граблями, то с косой.

Вчера на благословении Батюшка сказал мне:

– Дьявол вам не даст сделать ни одного шагу, за каждый шаг надо бороться. Вы помните, как евреи при построении храма в одной руке держали заступ, а в другой меч? Это вообще сказано про совершение добродетелей. С одной стороны, мы должны исполнять Евангельские заповеди, а с другой, – отбиваться от врага мечом, борясь за каждый шаг.

– Батюшка, как же я должен отбиваться, какой же это меч?

– У нас один меч – молитва Иисусова. Сказано: «бей этим мечом невидимых ратников, ибо нет более сильного оружия ни на небе, ни на земле».

Если вдуматься в эти слова, становится страшно, что нет более сильного оружия даже на небе. «О имени Иисусове всяко колени поклонится небесных, и земных, и преисподних, и всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос...» Какие страшные времена придут.

Да, молитва Иисусова – вот оружие. А я, окаянный, совершенно забываю про нее, да не так скоро дается все истинно духовное, Боже, как я думал.

10 июля

Вчера вечером уехал от нас иеродиакон Никон, живший с нами. Ему очень понравилось здесь. «Мне не хочется уезжать отсюда», – говорил он мне. Спаси его Господи.

Вечером на благословении я сказал Батюшке, что прочел одну статью о молитве Иисусовой еп. Игнатия Брянчанинова.

– Я не знаю, как я жил бы без познаний, которые я там почерпнул. Батюшка, благословите по времени прочитать все его сочинения.

– Да, по времени. Да у него все на одном и том же, на молитве Иисусовой. Какая ширина. Теперь вы видите это. А прежде, может быть, видели в монашестве, как и большинство мирских, одну редьку, квас и глубочайшее невежество. Да и понятно: «Чашу жизни вкусите и видите, яко благ Господь». Да, надо вкусить, и тогда уже увидишь, какое блаженство... Ангелы могут петь. В житии св. Спиридона Тримифунтского или св. Тихона Амафунтского, не помню, говорится, что он один во всей церкви служил. Делает возглас, а ему отвечает хор чудный... То же самое было с одним священником. Тогда в церкви, кроме него, был один поляк, который после этого принял православие, как я вам об этом, помните, рассказывал.

18 июля

17-го кончился покос... Вновь я не выхожу из скита, опять нахожусь в этой животворной тишине... Никогда в миру я так не работал и не уставал. А работа полезная, среди природы, на вольном воздухе.

24 июля

Прошлый год весной, когда я возвратился из Оптиной в Москву, все меня спрашивали: «Я слышал (или слышала), что вы ездили в монастырь? Ну, как? Что?» Все были чрезвычайно удивлены тем, что я хочу поступить в монастырь. Помню, одна молодая дама, лет 22–24-х, еще только 2–3 года замужем (с мужем она живет ничего, хотя и среднего сословия), встретив меня, предлагала подобные вопросы. Я отвечал утвердительно.

– Счастливый вы человек, – сказала она.

– Да, слава Богу.

– Не все могут... Прощайте.

Мы разошлись. Так может говорить человек, который не удовлетворяется своей жизнью, т. е. если он другого считает счастливее себя. А почему бы ей не удовлетворяться своим положением? И такая неудовлетворенность у многих в миру: ищут и не находят, ибо ищут, как Батюшка говорит, не там, где можно найти.

Я воссылаю свою благодарность Господу Богу, что я здесь, в нашем скиту...

31 июля

29 июля посетил Оптину преосв. Никон – еп. Вологодский. Зашел и к нам в скит. Был в обоих храмах, у о. Иосифа и у Батюшки, а затем ушел в монастырь в сопровождении о. архим. Ксенофонта. В храме св. Предтечи Иоанна Владыка говорил всем скитянам речь. Мне понравилось, как он говорил. Говорил о необходимости и пользе для нас скорбей. ...Еще говорил:

– Хорошо у вас здесь, отцы святые, помогите вам Господи. Еще в наших обителях чувствуешь, что еще есть вера Христова, когда теперь сатана явно для всех вооружается на Церковь Христову.. Мирские люди стараются приехать поговорить в монастырь, чтобы отдохнуть, поговорить, получить совет, наставление – как бороться со страстями, немного пожить в святой обители. Мирские духовники обижаются, что к ним не идут на исповедь, они не понимают причины этого...

Всего написать не могу, да и не упомнишь...

Завтра начинается Успенский пост. Аще жив буду, и сподобит Господь Своей милости, буду готовиться. А в миру одно время были слухи об упразднении постов. Не понимают люди, что исполняют злую волю диавола во вред себе и всем. Спаси Господи и помилуй.

Август. 20 августа

Вот уже прошел Успенский пост. Время никого не ждет, летит, летит...
...Иван Васильевич рассказал, какой был случай с его дедушкой: «Как-то мы с ним заговорили о смерти. Он заболел предсмертной болезнью. Вот однажды он говорит своей жене, моей бабушке:

– Аннушка, я видел бесов.

– И что же?

– Да я сказал: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», – и они от меня побежали...»

22 августа

Сегодня приехали к нам из Москвы: мама, тетя Ларя и Коля. Сегодня же мы перешли в первый раз в другие келии.

25 августа

Мама и тетя Ларя уехали, а Коля, по благословию Батюшки, остался в гостинице, как предусмотрено, на один месяц.

Мама собственно приезжала, чтобы внести за нас и по своему обещанию на вечное поминовение за дедушку и бабушку. Мама осталась очень довольна, что очистила совесть, да и Батюшка ей очень понравился.

29 августа

Сегодня у нас престольный праздник. Хотя он и не главный, но служил о. архимандрит. Все, слава Богу, хорошо.

Прихожу вечером к Батюшке на благословение. Не успел еще и слова сказать, как Батюшка сам начинает говорить:

– Все человечество можно разделить на две части: фарисеи и мытари. Первые погибают, вторые спасаются. Берегите это сознание своей греховности. Что спасло мытаря? Конечно, это сознание своей греховности: «Боже, милостив буди мне грешному». Вот эта молитва, которая прошла уже почти два тысячелетия. Заметьте, мытарь сознает себя грешным, но в то же время надеется на милость Божию. Без надежды нельзя спастись... Господь сказал: «Я пришел спасти не праведных, а грешных». Кто здесь разумеется под праведными? Люди, не сознающие своей греховности, и все-таки грешные. Но также это сказано про бесов. Ту гордыню, в которой они стоят перед Богом, мы себе даже представить не можем. Мы не можем понять, с какой ненавистью относятся они к Богу. Бог противится, а смиренным дает благодать.

Почему не сказано, что Бог противится блудникам, или завистливым, или еще каким-либо, а сказано – именно гордым? Потому, что бесовское это свойство. Гордый становится уже как бы сродни бесу...

Один человек говорит: – Читаю я псалтирь, но ничего не понимаю. Может быть, мне гораздо лучше положить эту книгу на полку.

А старец отвечает: -Нет, не надо. -Почему же? Ведь я ничего не понимаю. – Зато бесы понимают. Они понимают, что там про них говорится, не могут вынести и бегут. Следовательно, чтением Псалтири мы прогоняем от себя бесов...»

Еще Батюшка рассказал про одну девицу, приехавшую сюда с сестрой и матерью, что она одержима бесовской силой и повредила умом, хотя в ее ум сознание иногда возвращается. Например, тогда, когда она была у Батюшки, то очень просила его, чтобы он ее спас. Батюшка говорит: «Я спасти не могу, спасает один Бог». – «Но через вас же, Батюшка», – сказала она. -Видите, – сказал мне Батюшка, – начинает рассуждать, а в гостинице мать свою бранит всякими скверными словами. Такого там шуму наделала, ругается, кричит, стекла в окнах разбила. Некая бесовская сила движет ею.

Прошлый раз Батюшка приказал маме соблюдать пост. Мама с ужасом, если можно так сказать, думала об этом. А теперь, слава Богу,

говорит, что ей легко. Мама бывала раньше на целый день больна, когда не пила кофе с молоком.

31 августа

Сегодня был первый при нас постриг. Постригали трех монастырских, а скитских не было, скитяне только ходили на постриг.

Сейчас от меня ушел Коля. Как мне его жаль. Я даже не знаю, что мне делать. Пришел и говорит: «Скука одолела,»- плачет, а Батюшке ничего не говорит. Я уговаривал его обо всем сказать Батюшке. Мне думается, что он не имеет ни малейшего понятия о монашестве, да и спрашивать с него нельзя этого, потому что он не годится в монахи.

Сентябрь. 7 сентября

Сегодня память старца о. иеросхимонаха Макария – день его кончины. Вчера за бдением вместо обычного поучения Батюшка немного сказал о старце, – очень хорошо сказал. Между прочим, Батюшка благословил всем прочесть жизнеописание «к сожалению, очень краткое; его жизнь вполне необъятна», или какой-либо том его писем к монахам. А то мы его совсем забыли, т. е. о. Макария. – «Постом, бдением и молитвою небесные дарования приим». Ничем иным нельзя получить их, другого пути нет, но к этому необходимо, как основание всего, смирение. А у о. Макария и было глубокое великое смирение...

17 сентября

Сегодня память св. мучениц Софии, Веры, Надежды и Любви. Теперь в Москве бесятся. Праздник делают попойкой, весельем исключительно плотским. В знакомых мне семьях тоже есть именинницы и, вероятно, как и прежде, тоже идет пир. Наступает вечер, съезжаются гости, говорят друг другу комплименты, пьют, едят и к ночи уезжают каждый в свой дом. Сколько суеты и сколько пустоты. О Боге и о вере редко говорят – это неинтересно, устарело...

Сколько раз мне думалось так: сижу я в храме, особенно Предтечевом и Макарьевском, – мир, тишина кругом, лампадки теплятся пред святыми иконами; бдение еще не начиналось. Тихо и чинно входит братия, молятся и молча садятся на свои места в ожидании службы. Какая мирная тишина. Как здесь хорошо.

А там, за оградой, суета, пустота, хотя все бегают, о чем-то заботятся, все заняты. Это еще ничего. А может быть, где-то происходят убийства, грабежи, ссоры, насилия, дикие оргии пьянства и проч.

Какое забвение Бога, существования души, загробной жизни. Прежде и я находился в этом круговороте... и жил, и мог жить такой жизнью. А теперь не знаю, как и благодарить Господа – я здесь в тихом скиту... Воистину дивно, как Господь оторвал меня от этого страшного чудовища – мира...

Представляются мне такие две картины: мир со всеми его ужасами и, как полный контраст, эта тихая церковь в полумраке с лампадочками..., и спокойно и радостно на душе. Слава Тебе, Боже...

18 сентября

Говорят, Батюшка заболел. Надо узнать наверное. Некоторые из поучений Батюшки я полагаю, при помощи Божией, записать. На благословении Батюшка делал мне маленькие наставления, поучал нас рассматривать свою жизнь, чтобы видеть, в каком мы устройении, много ли преуспели. Это рассматривание себя, это внимание себе необходимо. И кто этого не делает под предлогом неумения и незнания, тот пусть знает, что преуспевание, главным образом, заключается в смирении. Преуспели мы в смирении, значит идем вперед. И никто пусть не смеет отговариваться. Смолчать, перенести обиду, простить – так и сделал бы смиренный.

Опять на утрени Батюшка говорил, что должно иметь любовь друг к другу и удаляться празднословия.

– Пророк Давид сказал: «Оскуде преподобный». Почему же оскудел? Потому что «умалишася истина, суетная глагола кийждо», потому что не говорят о душеполезном, а повсюду пустословие, только и говорят о пустяках.

Батюшка сказал, кажется, что настанет такое время, когда будут о пустяках только и говорить.

– Одному иноку было видение. Стоят несколько монахов и празднословят. И видит он, что между ними и кругом их бегают грязные кабаны. Это были бесы. Потом увидал он монахов, говорящих назидующее душу, и между ними стояли светлые ангелы.

Потщимся же, братие, не погублять своих трудов за послушаниями празднословием, а более всего потщимся стяжать смирение. Пророк Давид сказал: «Смирихся и спасе мя Господь». Для спасения достаточно одного смирения. Опять сказано в одном псалме: «Виждь смирение и труд мой и остави вся грехи моя». Так сказал пророк Давид потому, что истинное смирение никогда не бывает без труда.

Я по нерадению забыл, что Батюшка говорил о старцах наших и об о. Льве. Помню только следующее: о. Лев подвергся по клеветам недоброжелателей гонению (он – основатель старчества в Оптиной пустыни), и даже преосв. Николай, увидев его окруженным толпой народа, с упреком сказал ему: «Что же ты делаешь?» – «Пою Богу моему, дондеже есмь».

Преосвященный уразумел всю глубину этого ответа... Да, Батюшка о. Лев пел Богу всем строем своей жизни.

23 сентября

Сейчас, когда я читал в церкви псалтирь, пришел Батюшка. В ожидании пономаря Батюшка немного поговорил со мной.

– Одна монахиня, уже мантийная, видела сон. Ей явилась Мать Божия и говорила, что должно ожидать ужасов. Это было в 1899 году. – Да и вообще, – сказала Она, – этому тленному миру недолго существовать: терпение Моего Сына и Господа истощается...

Когда я, будучи мирским, был за Сергиевой Лаврой в пещерном Черниговском монастыре, я пожил там дней шесть, готовился, исповедовался, как только возможно было мирянину, и приобщался. После принятия св. Таин мне было легко на душе.

Передо мною лежала псалтирь в русском переводе, я раскрываю и читаю: «Кто введет меня в укрепленный (огражденный) город» – «во град ограждения» по-славянски. Тогда мне подумалось: да ведь это (т. е. монастырь тот) и есть укрепленный город. Потом я посмотрел толкование и, оказалось, что это верно.

Нет времени записать более подробно. Хотелось хоть как-нибудь записать.

26 сентября

Сегодня день моего рождения, мне исполнилось 20 лет.

В миру большинство даже верующих людей не верят в существование бесов, а здесь это – истина. Вот какой случай рассказал мне однажды Батюшка.

«Отец Амвросий показал о. Венедикту (Орлову) бесов таким образом. Накрыв его мантией, потом подвел его к окну и говорит: – Видишь? -Да, вижу, Батюшка, вижу, что идет множество арестантов, грязных, изодранных, со страшными зверскими лицами. Батюшка, откуда столько их? Идут, идут и конца нет, и кто их пустил одних в скит? Вероятно, весь скит оцепили казаки? А арестанты эти все идут, идут, расходятся направо, налево, за церковь. -Ну что, видишь, о. Венедикт? – Да, Батюшка, что же это? – Это – бесы. Видишь, сколько должно приходиться на каждого из братии? -Батюшка, да неужели? -Ну, теперь смотри.

Снова посмотрел о. Венедикт, и уже ничего более не увидал, все было тихо по-прежнему.

Вот видите, против скольких мы должны бороться, но, конечно, Бог попускает борьбу сообразно силам каждого...».

27 сентября

Господь помогает мне, недостойному, вставать к утрени. Я просыпал утрени редко, по милости Божией.

Однажды, когда я каялся Батюшке, что проспал лишний час, или около того, не помню, Батюшка мне сказал:

-Это вас борет бес уныния. Он всех борет. Борол он и преп. Серафима Саровского и преп. [Ефрема Сирина](#), который составил известную молитву «Господи и Владыка живота моего». Смотрите, что он поставил на первом месте: «Дух праздности» – и, как следствие праздности: «уныния не даждь ми». Это – лютый бес. На вас он нападает сном, а на других уже наяву – унынием, тоской. На кого как может, так и нападает. Ведь вы не можете сказать, что находитесь в праздности?

– Да, Батюшка, почти нет минуты свободной...

– Ну вот, он на вас и нападает сном. Ничего, не скорбите...

Октябрь. 5 октября

Как-то вечером на благословении и на исповедании мною моих немощей и прегрешений за истекший день, а возможно, и за прежнее время, Батюшка начал мне говорить о самоукорении.

Я заметил и понял из наставлений Батюшки, что нужно укорять себя за свои немощи и смиряться, но всячески гнать от себя уныние, расслабление. Что бы ни случилось, унывать не нужно, а нужно сказать все старцу.

– Бог простит,– говорит Батюшка.– Укоряйте себя. Укорять себя нетрудно, а некоторые этого не хотят. Перенести укор от брата труднее, а самому укорять себя нетрудно. Кроме того, если мы и будем укорять себя, а не будем бороться со страстями: будем есть, сколько хочется, будем спать, сколько хочется – то такое самоукорение не принесет пользы. Если мы укоряем себя, впадая в согрешения невольно, то такое самоукорение законно. В борьбе со страстями, если и побеждаемся ими, но укоряем себя, каемся, смиряемся и продолжаем бороться, мы непрерывно идем вперед. Нам осталось одно: смирение. Время же суровых подвигов прошло, должно быть, безвозвратно...

16 октября

Теперь, когда я начал исполнять новое послушание письмоводителя после брата Кирилла Зленко, взятого в солдаты, я пью чай у Батюшки. Иногда разговор касается духовной жизни и монашества, отходя несколько от дела. Так, например, Батюшка говорил о монашестве:

– Не все монашество заключается в подряснике да каше. Надел подрясник, стал есть кашу и думает: я теперь стал монахом. Нет. Одно внешнее не принесет никакой пользы. Правда, нужно носить монашескую одежду и поститься, но это не все. Лампа, пока не горит, не оправдывает своего назначения – светить. Чего же не достает? – Огонька. Необходим и фитиль, и керосин, но если нет огня, если она не зажжена, она не приносит никому пользы. Когда же она зажжена, сразу польется свет. Так и в монашестве: одна внешность не приносит пользы, необходим внутренний огонек. О. Анатолий говорил, что «монашество есть сокровенный сердца человек»...

19 октября

Сегодня у нас храмовой праздник: память преп. Иоанна Рыльского. Литургию служил о. архимандрит.

Замечательно правильное наставление о. Амвросия: «Смущение нигде в числе добродетелей не писано, и происходит оно оттого, что причина, от которой смущение рождается, ложная».

Однажды Батюшка, показав мне письмо, написанное нарочно коверканым поддельным почерком, сказал:

– Вот письмо. В нем меня обзывают самыми площадными ругательными словами. Особенно за мои собеседования в монастыре. Думаю на того, на другого..., но кто бы это ни был, это мой благодетель. Может быть, Господь за это простит мне что-либо из моих грехов.

Это, вероятно, было написано каким-либо монастырским монахом. Я неоднократно понимал из слов Батюшки, что на него были гонения, что его не все любили. А епископ Трифон, благословляя нас на монашество, сказал:

– Вы знаете, есть партия против о. Варсонофия. Если к вам придут такие и будут что-либо такое говорить, то вы прямо в ноги им: «Простите, мы не можем осуждать старца».

22 октября

Сегодня в Оптиной праздник. Ведь у нас Казанский собор. И у меня в келии праздник: еп. Трифон перед нашим первым отъездом в Оптину благословил меня иконочкой Казанской Божией Матери.

Когда мама согласилась на наше решение, она вместе с нами и нашим законоучителем в гимназии о. Петром Сахаровым пришла к епископу Трифону по его приглашению. Владыка ее успокаивал:

– Не беспокойтесь, они, кроме хорошего, ничего не увидят.

Когда мы вошли к Владыке в зал, вошел и о. Гавриил, ныне иеродиакон Оптиной пустыни, а тогда еще монах, постриженник Владыки. Владыка и говорит:

– Архангел Гавриил всегда является провозвестником, а к вам Бог послал о. Гавриила.

Я забыл и точные слова Владыки, и даже смысл их, но помню, что о. Гавриил был сравниваем с архангелом Гавриилом, и относилось это к нам, настоящему обстоятельству.

Вот это я на днях рассказал Батюшке. Батюшка сказал:

– Вы тогда уже стали монахом. Владыка, как человек веселого характера, может быть, сказал шутя, но слова архиерея имеют силу. А когда вы приехали сюда в скит?

– 23 декабря, выехали из Москвы 22 декабря.

– Так, в день памяти Анастасии Узорешительницы. Это понятно. Вы разрешились от уз мира, сбросили эти оковы с себя. Нет в жизни случайных сцеплений обстоятельств, – все промыслительно...

Батюшка говорил, что о. Амвросий и о. Анатолий приняли его очень радостно. О. Амвросий встретил Батюшку стоя, чего не случалось прежде, он всех принимал или лежа, или сидя.

– У него только что была мать Параскева (кажется, блаженная). Она говорит о. Амвросию:

– Павел Иванович приехал.

– Слава Богу, – отвечал о. Амвросий. Возможно, он провидел, что я буду скитоначальником и старцем.

25 октября

Вчера на благословении я каялся Батюшке, что проспал раннюю обедню. На это Батюшка ответил:

– Бог простит. Укоряйте себя.

– Батюшка, как же надо укорять себя?

– Как укорять? Очень просто. Совесть сразу заговорит, сразу будет обличать, а вам останется только согласиться, что плохо сделали, смиренно обратиться к Богу с молитвой о прощении.

– Да, Батюшка, сначала станет как бы неприятно, укоришь себя, обличишь, и через очень короткое время забудешь об этом, как будто ничего и не было.

– Хоть минуту, хоть полминуты, а надо обязательно укорять себя так. Наше дело – укорить себя хотя бы на очень короткое время, а остальное предоставим Богу... А были св. отцы, у которых вся жизнь была сплошное самоукорение... Но нам до этого далеко. Когда мы себя укоряем, мы исполняем силы, становимся сильнее духовно. Это закон духовной жизни.

Как в нашей телесной жизни мы подкрепляем силы пищей, так и в духовной жизни наши духовные силы подкрепляются самоукорением. Вы только приняли пищу в желудок, а как пища переваривается в питательные соки, ваше тело питается ими, вы не знаете. Точно также и в духовной жизни: мы питаемся самоукорением, которое, по учению св. отцов, есть невидимое восхождение, но почему и как – мы не знаем. Это закон духовной жизни. Когда мы питаемся духовным, мы духовно становимся крепче, сильнее.

А что такое самоукорение? – смирение. А что такое смирение? – это риза Божества, по слову Лествичника... Мы идем и касаемся этой ризы тогда, когда укоряем себя...

29 октября

Приходится разговаривать с Батюшкой между делом или за чаем, и как становится понятным и ясным то, что было у меня неразрешенным вопросом.

– У Батюшки о. Амвросия спросили,– говорил недавно Батюшка,– «Что такое монашество?» – «Блаженство», – отвечал он. И действительно, это такое блаженство, более которого невозможно представить. Но монашество не так легко, как думают некоторые, но и не так трудно и безотраднo, как говорят другие. -...Я говорю на утрени мое убогое слово потому,– сказал Батюшка,– чтобы не понести ответа на Страшном Суде за молчание... Это моя обязанность...

Ноябрь. 2 ноября

Я недавно узнал от Батюшки, что он писал стихотворения, они есть в печати листками. Одно из них, «Иисусова молитва», мне очень понравилось. Об этом стихотворении я как-то и говорил с Батюшкой.

– Здесь нет ничего сочиненного,– говорил Батюшка,– все это вылилось у меня из сердца. Вам, вероятно, особенно понравился конец. Это состояние – переход к внутренней молитве в сердце – нельзя передать на словах так, как оно есть на самом деле... Его поймет и может понять только тот, кто сам его испытал... Путь молитвы Иисусовой есть путь кратчайший, самый удобный. Но не ропщи, ибо всякий идущий этим путем испытывает скорби... В стихотворении говорится: «И ты увидишь, полный изумленья, иной страны сияющую даль...» Да, именно «весь»... Все существо человека как бы изменится...

Сегодня Батюшка сказал небольшое слово-поучение. Содержание слова было о поведении инока в скиту, особенно в праздники. Чтение святоотеческих книг, научающих разумеать заповеди Христовы и тем любить самого Христа... «Сиди в своей келии, и она всему тебя научит». – Старайтесь быть всегда готовыми к смерти, ибо смерть близка и к старым, и молодым, и монахам, и мирянам одинаково: часто она приходит внезапно и неожиданно. Пусть каждый думает, что будет с его душой.

5 ноября

Сейчас за обедом и после обеда я беседовал с Батюшкой. (Я обедал у Батюшки.)

– Здесь все хорошо, говорил кто-то, я забыл – кто, о. Клименту (Зедергольму) и о. Леониду (Кавелину),– начал Батюшка,– все хорошо, только одного нет – это музыки. Хорошо бы, например, на рояли играть серьезные пьесы Бетховена или других. Что вы скажете?

– Нет.

– Почему нет?

– Нет.

– Скажите, почему вы так категорически отвечаете?

– Ну, хорошо, я вам скажу. Об этом знают только я сам да мой духовный отец – Батюшка о. Макарий: я получил внутреннюю молитву.

Про эту музыку часто говорится в псалмах: «Крепость моя и пение мое Господь...», «Пою Богу моему дондеже есмь». Это пение неизглаговано...

Я теперь уже не имею возможности выходить и ходить по скиту ночью... Вот смотрите, какая аскетическая красота, задумчивая, этот наш храм (старый). Здесь все хорошо, не нагладишься.

-Боюсь уйти самочинно, – сказал Батюшка.

Этот разговор начался с вопроса Батюшки: -Сколько у вас в Москве дома роялей?

Тут мне припомнился мой товарищ по гимназии. Он был человек не из высоконравственных: неприличные разговоры, анекдоты, плохие умственные способности, весь его наружный вид, отношение видимое к религии, его ближайшие сотоварищи, отзывы о нем моих товарищей – все это подтверждало плохое мнение об его нравственности. Однажды он принес скрипку в класс. Надо заметить: он прекрасно играл на скрипке, он был по природе музыкант. Итак, однажды, за отсутствием преподавателя вышло у нас свободное время, и этот товарищ мой, по просьбе всего класса, начал играть. Он играл наизусть, без нот. Лишь только раздались звуки, он весь переменялся: в нем не стало заметно обыкновенной легкомысленности, он стал серьезнее. Это заметили многие. Вот это я и рассказал Батюшке, а отсюда пошел и весь наш разговор:

– Видите,– сказал Батюшка,– как может отрешать от земли музыка: это чувствовал ваш товарищ, если он даже внешне изменился. Этих его

чувств никто не может понять, если сам их не испытал. А если так отрешает от земли музыка, то тем более молитва...

8 ноября

Сейчас за обедней Батюшка сказал краткое слово, напоминая нам о смысле и значении нашего иноческого призвания. Св. Иоанн Лествичник говорит: «Ангелы – свет монахам, монахи – свет миру».. Вспомните, что мы должны быть светом миру.. Вспомните, как милостив Господь, призвавший нас в эту святую обитель. Сами посудите, какие дела мы творили, как жили до призвания нашего сюда, в эту святую обитель.

Я помню, прочел у еп. Игнатия Брянчанинова слова преп. [Исаака Сирина](#): «Что есть чистота? Чистота – есть сердце, исполненное милости о всяком создании. А что есть милостивое сердце? Это горение сердца о всякой твари: о человеках, о птицах, о животных, о бесах, – словом, о всяком создании» и далее.

Я невольно остановился на словах «о бесах» и спросил об этом Батюшку: как можно чувствовать милость к бесам, когда они ищут нашей гибели, когда говорится в псалмах: «совершенной ненавистью возненавидех я...»

– Заметьте, это не сам еп. Игнатий говорит, – отвечал Батюшка, – а он приводит только слова преп. Исаака Сирского. Это единственный святой, который молился о бесах. Но как молился? Можно молиться, чтобы Господь уменьшил их муки, ослабил по неизреченной Своей милости. Но что можно этому великому святому, того нельзя нам. Все птицы высоко летают, но выше всех орел, подобно орлу и св. Исаак парит между святыми. Нам же молиться за бесов опасно.

Знаю одну начальницу общины. Она молилась за бесов. Я предостерегал ее. Она не послушалась и продолжала. Вскоре бесы стали являться ей и благодарить за молитвы о них. Последствием всего этого было то, что она пала с одной сестрой своей общины однопольным грехом, стала заниматься спиритизмом с этой же сестрой. Конечно, обе они ушли из общины. Смотрите, как же плохо она кончила...

9 ноября

Сейчас я прочел у еп. Игнатия Брянчанинова о кончине мира. Когда я читаю его сочинения, то удивляюсь его поистине ангельскому уму, его дивно глубокому разумению св. Писания. Его сочинения как-то особенно располагают мое сердце, мое разумение, просвещая его истинно Евангельским светом:

«Душа по природе христианка (слова [Тертуллиана](#)), она чувствует истину». Те места св. Писания, которые мною или вовсе не понимались, или понимались превратно, о смысле и отношении которых к жизни я имел весьма туманное представление, сейчас становятся для меня очень понятными и ясными. Конечно, не все, ибо некоторые требуют опытного понятия и духовного разума. Кроме того, я опять-таки не могу понять смысла какого-либо текста всецело. Ибо преп. Дамаскин говорит, что смысл св. Писания открывается разным людям в различной степени, притом одному открывается в данном тексте одно, другому – другое, третьему – третье, ибо глубину и смысл Св. Писания знает всецело только один Бог, Который и открывает Своим избранным по мере надобности. Этим самым преп. Петр и объясняет кажущиеся разногласия в писаниях св. отцов, ибо они, действительно, только кажущиеся, так как все св. отцы стремились к одной цели и достигали ее.

Не читающие духовных книг остаются часто в полном неведении духовных предметов и явлений, – и какое это горестное неведение. И это неведение, можно сказать, царствует в мире. Может быть и есть исключения, но обыкновенно это неведение, как некий страшный яд, разлито повсюду.

Я родился, воспитывался в хорошей благочинной семье, но не имел ни малейшего понятия о духовной литературе, даже о ее существовании. Когда мы уже собирались ехать в Оптину в первый раз, к нам на квартиру зашел о. Гавриил. В разговоре за чаем он сказал, что первым долгом нам дадут прочитать «Авву Дорофея».

«Авву Дорофея»? – подумал я, слыша первый раз это название, и мне представлялось, что эта какая-нибудь такая дрянь, что ее только и можно в печку бросить. И как это не горестно, но это так.

Все мои познания приобретены в скиту, вся формировка в нечто определенное моих убеждений и понятий произошла здесь, в скиту. Здесь, в скиту, я приобрел более, чем за всю мою жизнь в миру, более чем в

гимназии и университете. Не ошибусь, пожалуй, если скажу, что там я почти ничего не получил, хотя в миру от рождения прожил 19 лет, а в скиту не живу еще и года.

Здесь хорошо. Конечно, люди – везде люди, поэтому и в монастыре, и в нашем скиту, живут не ангелы, а люди, имеющие каждый свои пороки и недостатки. Но мне до этого дела нет. Чужие грехи и в миру очень удобно замечать, а вот свои грехи распознавать и видеть – это монашеское дело. А к этому здесь все удобства. И Батюшка говорит, что наш скит – единственный такой во всей России, и от других приходится слышать то же.

Однажды, когда я помогал пономарю в Предтечевом храме, со мной был о. Кукша. Не помню, о чем мы говорили, но мне запомнилась только одна фраза: «Как вспомнишь о старом, так даже заплачешь», – сказал о. Кукша. Это свидетельствует о том, как хорошо было прежде. Но для меня старое – мир, а настоящее – скит, и я благодарю Бога.

15 ноября

13-го числа Батюшка не пошел на бдение и меня не пустил, а мы во время бдения читали записки шамординских монахинь об о. Анатолии. [О. Сергей Четвериков](#) работает над составлением жизнеописания о. Анатолия.

Материал был собран и послан Батюшкой. Между прочим, Четверикову посланы и рукописные тетради о. Анатолия «Мистическое Богословие». Это его беседы с каким-то, кажется, профессором. О. Четвериков обещался окончить жизнеописание к Пасхе.

– Доживу ли я до Пасхи, не знаю, – сказал мне Батюшка. – Сегодня в первый раз в жизни почувствовал одышку, придя в трапезу.

Вообще, последнее время Батюшка не раз говорил о смерти. Еще как-то Батюшка говорил, что он начал очень-очень слабеть под вечер. «Иногда едва сижу...» – говорил он. Не раз также Батюшка говорил: «А туда с чем идти?»

Сейчас говорил с Иванушкой, и этот разговор заставил меня вспомнить многое позабытое, на что в свое время не было обращено ни малейшего внимания.

Первым моим духовником был протоиерей о. [Сергий Ляпидевский](#), уже скончавшийся, вторым – его сын о. Симеон Сергеевич. Несмотря на религиозность мамы, бабушки, дедушки, папы – они нас редко посылали в церковь, особенно зимой, боясь простуды. А ребенок сам пойти не может. Нас и баловали, и ласкали, но вольничать не позволяли, уйти без спросу мы не смели.

Однажды на исповеди, кажется, о. Симеон сказал мне, что необходимо ходить в церковь по праздникам. «Это долг перед Богом». Я поразмыслил об этом и согласился. С тех пор я стал часто ходить в церковь, даже в будни, когда был свободен. И это обратилось в привычку. Ходил я также и к вечерним беседам по воскресеньям. Правда, ходил больше из-за «интереса», но все ж иногда бывало что-то вроде умиления. Помню, однажды за беседованием, я, стоя на клиросе, слушал проповедь и заключил в конце концов так: «Как бы провел я время дома, не знаю, а здесь я душеполезное услышал».

Услышав однажды о грехе суеверия, я приложил слышанное к жизни и отверг все суеверное, например, приметы.

Услышав однажды о грехе воззрения на девушек и жен с похотением, я

даже опечалился: это доставляло для меня удовольствие. Как быть? Смотреть грешно, а не смотреть – лишит себя удовольствия. И решил я, что смотреть можно, только без похотения. Такой сделкой со своей совестью я как бы успокоился: взяла верх плотская сторона.

Представилось новое искушение: предложили мне учиться танцевать, но танцы назначались как раз во время вечерни. Куда склониться? Помню, был 6-й глас на «Господи воззвах» – мой в то время самый любимый догматик: «Кто Тебя не ублажит»... И туда, и туда хочется. Долго я боролся, долго был в нерешительности, и... (о позор, позор!) попрал я совесть и пошел танцевать. Совестью вспомнить. Как враг старается удалить от церкви, даже если ходишь, но с равнодушием.

Что я поступлю в монастырь, никто не верил, да я и сам это считаю чудом и милостью Божией.

– Хорошо вы сделали, что не женились, ушли от мира, – не раз говорил Батюшка, а однажды прибавил: – Вы не знаете, какая сложная жизнь женской души.

Я все более и более начинаю понимать, какое счастье, что я в скиту.

Батюшка как-то говорил, что одному святому было видение, как вкушает братия пищу: кто ест и ропщет, тот вкушает пищу, как навоз. Кто не ропщет, но и не благодарит, для того пища – ни то, ни се. А вот кто ест и благодарит, тот вкушает пищу, как мед.

То же самое относится и к монашеской жизни. Только тому хорошо жить в монастыре, кто благодарит Бога за Его милосердие, за то, что Он вселил его в монастырь, что оторвал от мира. А кто ропщет на свою жизнь, тому в монастыре очень тяжело жить...

Батюшка благословил все время читать жития святых, когда же прочту все 12 книг, тогда начинать опять сначала. Благословил читать Лествицу, затем преп. [Феодора Студита](#), Варсонофия и Иоанна преподобных.

16 ноября

– Замечайте события вашей жизни,– говорил мне Батюшка,– во всем есть глубокий смысл. Сейчас вам непонятны они, а впоследствии многое откроется.

Когда о. Анатолий еще не имел священного сана, к нему кто-то подошел под благословение. Когда мы прочли об этом в записках, то Батюшка рассказал про себя, что и к нему подходили под благословение, когда он не имел еще сана священства.

Вчера, когда я писал у Батюшки, он, читая письмо какой-то девушки, бывшей у него, рассказал мне про нее следующее: «Эта девушка прекрасно играет, она любит классическую музыку.

– Кого вы больше всего любите играть?

– Бетховена, Гайдна,– отвечала она.

– А есть музыка еще лучше.

– Какая же? Моцарта? – спросила она.

– Нет, еще лучше.

– Может быть, Баха?

– Нет, нет.

– Какая же, не знаю,– сказала она.

– Музыка души.

– Души? Музыка души, да разве есть такая? – спросила она.

– А как же. Есть.

– В первый раз слышу. Какая же это музыка?

– Это – покой души. Тот самый покой, про который говорится в Евангелии: «Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Мене, яко кроток есть и смирен сердцем и обряцете покой душам вашим, ибо иго Мое благо и бремя Мое легко есть». Вот этот самый покой. Изучали математику? Знаете, что такое знак равенства? Ну вот: покой души – блаженство – музыка, гармония всех душевных сил.

– Так вот – какая музыка...»

Так она мне понравилась. Вот придет одна такая, и все позабудешь: и тяжести, и скорби. С другими приходится все говорить «Сказку про белого бычка». Вы знаете эту сказку? (Я ответил утвердительно.) Ну вот, а такая душа сразу все снимет... Вы понимаете меня?

– Да, Батюшка.

– Я вас за то и люблю, что вы меня понимаете. Есть и еще, которые

меня понимают.

18 ноября

Вчера я уже у Батюшки не занимался. Пришел, напился чаю и ушел к себе в келию и начал просматривать материалы для составления описания скита. Сейчас это дело для меня совершенно новое и потому трудное, но я приступил к нему за послушание, вследствие чего я надеюсь и исполнить, аще Богу будет угодно. То же самое и Батюшка мне вчера вечером сказал:

– Но Господь может вас умудрить, – прибавил он. Когда в Оптиной была мама, она спросила Батюшку:

– Пробудут ли они (т. е. я и Иванушка) в монастыре все время?

Мама беспокоилась, думая, что монастырская жизнь будет нам не под силу, что она может нам скоро наскучить. На это Батюшка маме ответил:

– Пробудут, если Бога не забудут.

Мне об этом рассказал сам Батюшка.

21 ноября

В монастыре главный престольный праздник. Ходил на бдение и литургию. Не люблю я ходить в монастырь. Не нравится мне как-то самая служба, нотное пение, не нравится трапеза... Придешь в монастырь, да и думаешь, как бы опять в скит попасть поскорее.

26 ноября

Как-то я с Батюшкой стал говорить о нотном пении в церквях. Я лично его не любил и не люблю, как развлекающего мысли и внимание молящегося, вследствие чего не могущего способствовать молитве. По крайней мере это я должен сказать относительно себя... Такого же мнения и Батюшка. Нотами поющих связывает по рукам и ногам. Нет свободного творчества, чувства.

27 ноября

...Пришел к Батюшке, сказал, что было нужно, и сам Батюшка начал говорить следующее:

-Весь мир находится как бы под влиянием какой-то силы, которая овладевает умом, волей, всеми душевными силами человека. Одна барыня рассказывала, что был у нее сын. Он был религиозен, целомудрен, вообще был хороший мальчик. Сошелся с дурными товарищами и стал неверующим, развратным, словно кто-то овладел им и заставляет его все это делать. Очевидно, что эта посторонняя сила – сила злая. Источник ее – диавол, а люди являются только орудиями, средством. Это антихрист идет в мир, это – его предтечи. Про это апостол говорит: «Послет им духа заблуждения, духа лстча... Зане любви истины не прияша...» Человек остается как бы беззащитным. Настолько им овладевает эта злая сила, что он не сознает, что делает. Даже внушается самоубийство и совершается. А почему это происходит? Потому что не берут оружия в руки: не имеют при себе имени Иисусова и крестного знамения. Никто не согласится сотворить молитву Иисусову, да крестное знамение: это такие древности, совершенно отжившие свой век. -Постоянно имейте при себе Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного», и открывайте помыслы... Имя Иисусово разрушает все дьявольские приращения, они не могут противиться силе Христовой. Все козни дьявольские разлетаются в прах. Почему так, и как это происходит – мы не знаем. Знаем только, что это действительно так.

Все святые отцы говорят, что ночь особенно способствует молитве. Силы души как-то не развлекаются... Вообще ночью хорошо молиться...

28 ноября

Сейчас на благословении я сказал про тщеславные помыслы, которые беспокоят меня особенно во время келейного моего правила. Я стараюсь читать, по возможности, не спеша и вникая в смысл читаемого. Часто вот и приходит такая мысль, как будто я читаю, и кто-либо из родных или знакомых слушает меня и даже видит, хотя я их и не вижу... И мне представляется, что слушающие остаются довольны моим чтением. Вот это я сказал Батюшке.

– Да, это тщеславие, с которым надо бороться. Не принимайте этого в мысли... Не обращайтесь внимания. А если вы видите, что начинаете читать лучше и с большим чувством, то обращайтесь к Богу с благодарением и с самоукорением. Тогда этому бесу нечем будет попользоваться от вас, и он уйдет, но не совсем, он вас не оставит и на следующий раз опять пожалует. Да, у монаха все время идет брань в помыслах.

Преп. Иоанн Лествичник считает тщеславие не отдельной страстью, а присоединяет его к гордости. Тщеславие, усилившись, обращается в гордыню. Тщеславие делает то, что безголосый начинает петь, ленивый становится ретивым, сонливый становится бодрым и т. п. Преп. [Иоанн Кассиан](#), замечая это, удивляется лукавству, хитрости, злобе этого беса. И как все святые избегали тщеславия, как осторожно они к нему относились...

Батюшка о. Амвросий часто являлся в чувственном виде и наяву, давал советы, избавляя от опасностей. И это бывало при его жизни. Его спросили: как он, не выходя из комнаты, многим является наяву. Понятно, если бы это было во сне, но наяву? «Это не я, это мой ангел», – отвечал на такие вопросы Батюшка о. Амвросий.

Декабрь. 1 декабря

Сегодня день памяти св. Филарета Милостивого. По случаю дня ангела митр. Филарета Киевского и митр. [Филарета Московского](#) была полная полиелейная служба и панихида. Я читал сутки. Митрополит Филарет Киевский положил основание нашему скиту, и поэтому скитяне обязаны молиться за него.

Батюшка говорил Иванушке, что упадок и запустение обителей начинается с забвения своих основателей и подвижников.

Сегодня Батюшка отправляет Иванушку в больницу. Он чувствовал какую-то слабость. Мне ничего не говорил. Конечно, я старше Иванушки и должен о нем заботиться. Брат Никита (келейник о. Варсонофия) мне сейчас сказал, что Иванушка страдает от уныния, а мне он ничего об этом не говорил, может быть, я и утешил бы его чем-либо, хотя и не понял бы его.

А Батюшка тоже мне сказал сейчас, что словно чума, словно некая душевная болезнь, нападает на всех уныние, тоска. Жизнь становится не мила, не хочется ничего делать. Батюшка привел в пример какую-то барышню, бывшую у него. «Сидит целый день в углу без дела.

– Что же вы чувствуете?

– Тоску.

А красавица богата, недавно кончила гимназию с золотой медалью. Спаси ее Господи и помилуй». Батюшка перекрестился.

Это должно быть очень тяжелое состояние, но я его, по милости Божией, не испытал. Как мне надо благодарить Господа за Его великие милости к моему окаянству.

2 декабря

Иванушка, оказывается, покушал, чего не следует, но слава Богу, все обошлось благополучно, хотя желудок еще не совсем нормален. «Это его Филарет Милостивый спас», – сказал Батюшка.

Батюшка мне благословил читать «Лествицу». Действительно, это дивная, глубокая книга: чудное доказательство плодотворности послушания, ибо она написана за послушание.

Так вот, я недавно прочел в ней такие слова: «Не избегай рук того, кто привел тебя к Господу, ибо во всю жизнь твою ни перед кем не должен ты иметь такого почтительного благоговения» (сл. 4, отд. 72) и подумал: кто же меня привел ко Господу? Кто меня вскормил духовно (если так можно сказать), кто мне открыл глаза на жизнь, кто мне показал иночество, конечно, настолько, насколько это все может понять моя спящая, если не мертвая душа, за кого держусь?

Это Батюшка, я к Батюшке чувствую любовь, если я только могу любить, и расположение более, чем к любому другому. Я ему обязан тем, что я не в миру, я ему обязан более, чем кому-либо (плотских родителей я оставляю в стороне).

Но, кроме Батюшки, я многим обязан, и их-то я перечту. Прежде всего мы о своем намерении поступить в монастырь сказали о. Петру Сахарову, нашему законоучителю по гимназии. Он не решился сказать что-либо определенное и привел нас к еп. Трифону, своему товарищу по Академии. А еп. Трифон нас направил к Батюшке в скит. Это было перед Великим постом, в неделю о Блудном сыне. Все мы только пришли от вечерни, после которой Владыка говорил слово на тему о блудном сыне и читал акафист св. муч. Трифону. Я, Иванушка, мама, о. Петр Сахаров и неожиданно приехавший о. Гавриил (ныне эконом у преосв. Калужского) сидели у Владыки в кабинете. Владыка на беспокойство мамы о нас ответил ей:

– Не беспокойтесь, они увидят там только хорошее, и это останется у них на всю жизнь. Пусть поедут...

Я забыл упомянуть о том, что о. Петр сводил нас к Владыке, который сказал:

-Я вас направлю в Оптину, да, может быть, сделаю семейный раздор?

Мы отвечали, что имеем благословение от матери. Но о. Петр, вероятно, убоился того, о чем спрашивал Владыка и сообщил об этом о.

Симеону Ляпидовскому, и оба они пришли к маме в тот же день в гости и, конечно, были успокоены.

Затем еще о. Серафим из Чудова монастыря также является как бы приведшим нас ко Господу, ибо у него мы исповедовались первый раз, не совершая просто формальности, но желая исповеди сознательной. Подобной была также первая исповедь у Батюшки, когда я был еще мирским, она была не менее искренна. Так что о. Серафим как бы первый раз примирил нас с Богом, положил начало.

Затем еще о. игумен Иона (Богоявленского монастыря) в Москве был указан нам Владыкой, как могущий заменить нам Батюшку, когда мы жили в миру после Оптиной восемь месяцев. Во время пребывания в Москве я пользовался великой любовью о. Ионы и часто уходил от него ночью. Монастырь был уже заперт, а ключи приносили ему, и он сам меня провожал. Он очень настаивал на том, чтобы мы скорее бросали мир.

Итак, все те лица, которые так или иначе, более или менее способствовали нашему водворению в скит: 1) о. Серафим, 2) о. Петр Сахаров, 3) о. Симеон Ляпидовский (9 декабря 1907 г. о. Симеон сказал нам такие слова: «Если вы выдержите Великий пост в Оптиной пустыни, то это и будет знаком того, что вам нужно быть в Оптиной»). Так он сказал, когда мы собирались ехать в первый раз в Оптину.), 4) Преосвященный Трифон, 5) о. Гавриил, 6) о. Иоанн от Нечаянной радости в Кремле, 7) игумен о. Иона и 8) Батюшка, который принял нас в свои любвеобильные объятия.

Епископ Трифон, указывая на Батюшку, сказал:

– Пусть Вашим постоянным руководителем будет о. Варсонофий.

Все упомянутые отцы и Владыка как бы привели нас к Батюшке и вручили нас ему, доставляя нам этим тихое пристанище.

4 декабря

Сегодня память св. великомученицы Варвары. Не знаю, почему, но я как-то особенно чту память этой святой. И это особенное уважение к великомученице Варваре я стал питать недавно: после того, как побывал в Оптиной первый раз и возвратился в Москву. Я стал довольно часто ходить в храм св. вмч. Варвары (на ул. Варварке) прикладываться к ее мощам. Припоминается, что дедушка ее очень почитал.

6 декабря

Сегодня день моего ангела, и Господь сподобил меня Своей великой милости: принятия св. Христовых Таин вместе со всею братией.

Служил и Батюшка. И перед благодарственными молитвами после обедни сказал краткое слово. Вот оно вкратце:

– Мы сподобились великой милости Божией. Вы слышали, как диакон сейчас говорил: «Прости приемши Божественных Святых, Бессмертных Пречистых Небесных Животворящих Страшных Христовых Таин достойно благодарим Господа». Поистине страшное и неизреченное совершилось сейчас Таинство. Господь возлюбил нас, окажем и мы Ему любовь. На тех, кто любит Господа, указал нам Сам Господь Иисус Христос, сказав: «Аще любите Меня, заповеди Мои соблюдайте». Значит, любить Господа и соблюдать заповеди Его – одно. Отцы и братия, старайтесь иметь любовь и святыню между собою. Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оныи...

Приближаются дни, в которые воистину возвеселитесь и возрадоваться подобаше. Именно: 7, 8 и 9 декабря: в эти дни мы были приняты в скит.

Замечу, что в то время, как Иванушка, можно сказать, страдал в миру и тяготился своим положением, я был спокоен... Я стоял, как я теперь понимаю, на точке безразличия, на которую благодать поставляет всякого человека после того, как показала ему сладость иной жизни духовной – так учил еп. Феофан. Но тогда я этого не понимал.

Я вспоминаю: я и Иванушка были вместе у Батюшки. Иванушка высказал свое твердое желание, а я сказал Батюшке такие слова: «Батюшка, я вижу, что не имею никаких добродетелей, никакого твердого решения, не знаю, что делать. Поэтому, я думаю все делать за послушание, что Вы благословите, против Вашей воли и благословения не пойду».

Итак, о. архимандрит дал свое согласие. 9 числа было воскресенье, мы были у обедни в скиту... Итак, все было окончательно решено... Для Иванушки это было благим исполнением его желаний и надежд, а для меня это было почти неожиданно. Я сам удивляюсь, как я мог так легко и спокойно решиться на столь великое дело.

Только на днях, когда происходил у меня с Иванушкой разговор, я заглянул в календарь и увидел, что 9 декабря празднуется икона Божией Матери «Нечаянная Радость». Увидев, я подумал: «Да, воистину тогда

была для меня нечаянная радость, хотя я тогда почти, или даже вовсе, того не сознавал».

Принимая все это в соображение, я начинаю как бы сознавать, что только исключительно милость Божия и могла оторвать меня от мира. Об этом мне и Батюшка говорил. А когда мама была здесь у Батюшки, он ее спросил:

– Не было ли у вас в семействе кого-либо благочестивого, или были, может быть, какие-либо добрые дела?

Мама отвечала, что дедушка был очень благочестив.

– Ну вот, значит он за них там и хлопочет,– сказал Батюшка, как мне передавала мама об этом их разговоре.

Скажу несколько слов о дедушке. Я его плохо помню, мне было лет 13, когда он скончался мирной христианской кончиной. Часов в 12 дня приобщился Св. Христовых Таин, а к вечеру отошел от мира сего.

Дедушка в детстве был очень бедный, служил в лавке мальчишкой на побегушках. Под конец же его жизни у него были три богатых железных лавки.

Дедушка всегда любил посещать церковь Божию, пел иногда на клиросе. Есть в Москве, хотя и не особенно богатая, но благоустроенная церковочка в честь св. равноапостольных Константина и Елены и иконы Божией Матери «Нечаянная Радость». Она находится под горою в Кремле. Во время нашествия Наполеона эта церковь была разрушена. Не знаю, обращал ли на нее кто-либо внимание до дедушки, но только дедушка полюбил ее, поновил и пробыл в ней старостой 33 года до самой смерти. В этой-то церкви икона «Нечаянной Радости» считается чудотворной. Настоятель этой церкви, когда мы уезжали сюда, благословил нас маленькими иконочками «Нечаянной Радости». Вот в этом-то я и вижу некую связь со словами Батюшки, что «дедушка о нас хлопочет», ибо мы приняты в день празднования иконы Божией Матери «Нечаянной Радости», и я – именно нечаянно.

А что тот день был для меня днем «радости», это я начинаю сознавать только теперь, ибо только теперь начинают открываться мои внутренние очи и видеть все в ином свете, ибо только теперь начинают твердо и определенно слагаться мои убеждения и взгляды на жизнь, потому что здесь я получил новое, определенное мирозерцание... Я сознаю, что я здесь получил и дорожу этим, а иногда даже и боюсь, как бы не потерять приобретения, ибо я не надеюсь на себя, а всякий человек удобопреклонен ко злу. Только теперь я начинаю видеть, как меня хранит благодать, как она хранила меня до сих пор.

Епископ Феофан и другие св. отцы учат, что, когда благодать коснется человека, в нем появляется ревность к Богоугождению. Если он не подавит ее, то появятся дела. И эти дела он будет совершать легко, ибо собственно не он, а благодать за него будет совершать их.

Теперь я вижу, что я был под особым действием благодати в миру до приезда в Оптину в первый раз, и во время всего нашего первого пребывания в Оптиной... Наконец, при поступлении в скит Божия благодать опять заметно воздействовала. Быть может, в миру благодать и более помогала мне, но ее действие было только охранительное, дабы я не погряз совсем. Внешних, видимых проявлений, кажется, не было.

И теперь Господь хранит меня, но начинает отнимать от меня благодать, дабы испытать силу и твердость моего произволения. Теперь я кое-что понял, прозрел немного, чем обязан Батюшке и чтению книг святоотеческих по благословию Батюшки. Я понял, что монашество есть непрерывная борьба, непрестанное умерщвление плоти, и я, помня это, должен готовиться к борьбе и скорбям.

Епископ Игнатий говорил, что подвижник по Божию смотрению, подвижник Христов, значительную часть жизни проводит в скорбях, часто очень тяжелых. Поэтому мне надо запастись терпением.

Недавно Батюшка мне рассказал про Батюшку о. Амвросия (этому свидетель о. Анатолий, он был келейником у о. Амвросия). О. Анатолий и о. Исаия читали однажды Батюшке о. Амвросию молитвы попеременно: то один, то другой. Когда стал читать о. Исаия, то о. Анатолий видит, что о. Амвросий стоит на коленях на воздухе, а не на кровати. Он удивился и, быть может, испугался. Когда же окончилось правило, он спросил о. Исаию: «Видал?» – «Видал», – отвечал тот.

Значит, это было на самом деле. Вот и Батюшку о. Анатолия (покойного) тоже видели молящимся на воздухе.

Видал это о. Тимон. Увидел и испугался старичок... (Батюшка улыбнулся.) Из того я заключаю, что эти старцы были велики именно вследствие своего внутреннего делания, которое неизмеримо выше внешних подвигов, которое даже может заменить телесную немощь, так как их цель – «держат в порядке окаянную плоть», по изречению преп. Петра Дамаскина.

14 декабря

Батюшка мне не раз говорил, что про него распускают различные клеветы и выдумки, иногда очень смешные и глупые. Например, в Шамордине про Батюшку говорят, что он всякую картошку «описывает», т. е. что он очень скуп и жаден. А это не так, даже совсем наоборот. Теперь я имею возможность видеть его жизнь полнее благодаря тому, что все утро провожу с Батюшкой...

Сам Батюшка довольствуется скитской трапезой, находит ее вкуснее всего, что он кушал в миру, а у него, по его словам, в руках была «вся благая».

Келейная жизнь Батюшки отличается простотой. Также он прост и в обращении с братией.

– Простота была во время первого монашества в обращении Аввы с учениками. Авва был отцом, а не господином или начальником, к которому нельзя подойти. Эта же простота была и при наших старцах в нашем скиту. Потом после о. Амвросия и о. Анатолия эта простота стала исчезать. Теперь мне даже говорят, что я слишком просто обращаюсь. А я иначе как-то не могу. Если же некоторые злоупотребляют моей простотой, то я не виноват. Не могу же я из-за некоторых стать в холодные официальные отношения ко всем.

Однако я начал с того, что про Батюшку распускают клеветы. Так вот, однажды Батюшка, только что услышав о себе новую клевету, сказал мне:

– Все может быть. Может быть, вы будете впоследствии духовником. Там вот, я и говорю вам: опасайтесь женского пола, с ними надо быть чрезвычайно осторожным... Так сплетут, так сплетут... и смысла-то никакого нет...

Так говорил и в другой раз:

– С ними, т. е. с послушницами и монахинями, нужно быть осторожным. Мне они жалуются на о. Иосифа, а о. Иосифу – на меня. Однажды мне келейник о. Иосифа и говорит: «Вы, Батюшка, пожалуйста, им не верьте, все врут. Также они у себя в монастыре шатаются по кельям, да занимаются сплетнями... И это постоянно».

Но при этом я должен сделать оговорку, что такое шатание продолжается до той поры, пока она еще не встала на монашеский путь. Как только она встала на монашеский путь, получила монашеское устройство, все это кончается, и она прямо пойдет по рельсам. Есть

монашенки очень высокого устроения...

15 декабря

Батюшка благословил поминать, т. е. записать в свое поминание каждому из нас непрославленных подвижников, известных своею жизнью. «Это великое дело. Не столько они нуждаются в наших молитвах, сколько мы – в их молитвах. И, если мы за них молимся, то они сейчас же отплачивают нам тем же».

19 декабря

Батюшка говорил, что надо знать наизусть тропарь «Заступница усердная» (Казанской Божией Матери) и читать его ежедневно. Затем псалом 90-й «Живый в помощи Вышняго» читать также ежедневно, а молитву «Богородице Дево, радуйся» утром и вечером читать по 12 раз. Эта молитва имеет также великую силу: ее надо читать каждый час не по одному разу, но о. Амвросий говорил, что «читать за дневные 12 часов – утром, а за вечерние – вечером. Так передайте и брату Ивану...»

Женщина без веры жить не может. Или она после временного неверия опять возвращается к вере в Бога, или же начинает быстро разлагаться. Другое дело мужчина: он может жить без веры. Окаменеет совершенно, станет соляным столбом, – таким окаменелым и живет. А женщина так не может.

– Вы знаете, какой для меня день 17 декабря?

– Нет.

– В этот день я оставил Казань в 1891 году, чтобы уже более никогда в нее не возвращаться. Сегодня память трех отроков, вышедших из печи невредимыми. И меня Господь сподобил уйти из мира, который тоже есть печь страстей, именно в этот день. Отроки были брошены в печь за то, что не хотели поклониться идолам, поэтому Господь и вывел их из печи невредимыми. Также и мы, монахи, и я, и вы вышли из мира, конечно, потому что не хотели поклониться идолам. А идолы там везде расставлены: идол блуда, идол гордости, чревоугодия и т. д. Будем молить Господа, да сподобит Он нас Царства Своего Небесного. А там красота, которую воистину и «око не виде, и ухо не слыша... и на сердце человеку не взыде»...

Однажды Батюшка с преосвященным Кириллом, пораженные чудным видом в лунную ночь в Казани, невольно перешли к разговору о вечной, нетленной красоте в Царстве Небесном. – "А там-то как? А там-то как, Павел Иванович?" – говорил преосв. Кирилл. И теперь, конечно, наслаждается он тем, чего мы даже вообразить себе не можем. Блаженная душа... С ним я любил побеседовать. Да вот и с вами поговорить мне все-таки доставляет утешение...

20 декабря

Батюшка не раз говорил мне, что к нему приходят «блаженные души». Да и вообще при разговоре употреблял неоднократно это выражение. А вчера Батюшка объяснил мне, почему он называет их блаженными.

-Я их называю блаженными,— говорил Батюшка,— потому что у них есть великое сознание своей немощи, греховности, и при этом сознании – твердая вера в Бога...

А также недавно говорил следующее:

– Был человек богат, стал вдруг нищим. Это тяжело, но поправимо. Был здоров, стал больным. И это поправимо, ибо и с нищим, и с больным есть Христос. А потерять веру – великое несчастье. Оно тем ужасно, что нет у человека никакой опоры...

21 декабря

Нужды материальной я никогда не испытывал. Даже напротив, от пелен до смерти дедушки, т. е. до 13-летнего возраста, я жил чуть ли не в роскоши. Кроме того, был любимцем бабушки, да кажется, и дедушки. Одним словом, мне хорошо жилось. Помню, устраивалась у нас елка на Рождество: детское веселье, конфеты, блеск украшений – все это меня радовало.

Но хорошо помню один вечер. Я один около елки. В комнате полумрак: горит лампа, и тень от елки падает на большую половину комнаты. И вот какая мысль у меня в голове: я сыт, одет, родители утешили меня прекрасной елкой, я кушаю сладости, в комнате тепло... Но есть, я знаю, такие дети, у которых нет даже необходимого. Об елке и речи быть не может: они полураздеты, просят милостыню на морозе или, голодные, сидят в холодных подвалах...

Помню еще, как-то в Рождественский сочельник мне было как бы грустно, скучно. Трудно выразить то состояние словами – ничем не хотелось заняться, я ходил из одного угла комнаты в другой..., неудовлетворенность какая-то, но вполне безотчетная. Теперь я думаю, что душа моя жаждала духовного утешения, ибо в церкви я в тот день не был.

Да, чувствительна детская душа, она, хотя и бессознательно, но любит Бога. И блаженны те дети, которых родители учат молиться, говорят им о Боге, читают духовные книги. К таким блаженным детям принадлежал и я...

Я вижу, что все благоприятствовало мне в духовном отношении, поэтому я жестоко отвечаю и расплачусь, если не принесу должного плода, ибо «ему же много дано, много и спросится», и «Ведевый волю Господина и не сотворивый, биен будет много...»

23 декабря

Сегодня ровно год, как мы приехали в Оптину уже для постоянного жительства в скиту, а в скит пришли 24 декабря.

20 числа скончался великий светильник земли русской – протоиерей о. [Иоанн Кронштадтский](#). Скончался на день памяти св. Игнатия Богоносца. До нашего скита весть об этом дошла только 21 декабря. Как только узнали, сейчас же Батюшка пришел в церковь (за вечерней в воскресенье), и была отслужена панихида. После панихиды Батюшка сказал краткое слово об о. Иоанне.

– Он был светильником горяй и светяй: он имел дар высокой внутренней молитвы. Его деятельность была так велика, что только удивляешься, как могло выносить это его слабое тело. И вспоминаются слова апостола: «Сила Божия в немощи совершается».

Замечено, что люди высокой духовной жизни обыкновенно отходят из этой жизни за день памяти такого святого, который в свое время подвизался подобным, сродным подвигом или имел одинаковый с ним дар. Так и о. Иоанн скончался в день памяти св. Игнатия Богоносца, который был родоначальником Иисусовой внутренней молитвы... Помолимся по силе о упокоении его души...

Батюшка привел мне текст из Евангелия:

– Апостол Филипп уверовал в Господа и возвестил благую весть о Христе Нафанаилу, но тот не поверил. А когда Господь сказал ему: «Прежде даже не возгласил тебе Филипп, суца под смоковницею видех тя...», и он уверовал. Господь, видя веру его, рече ему: «Зане рех ти, яко видех тя под смоковницею веруеши: больша сих узриши...»

Это начало очищения ума, когда человек начинает видеть то, чего прежде не замечал, чего и другие не замечают, чего он даже не предполагал. Господь постепенно снимает покров с внутренних очей.

Вот Георгий-затворник, хотя он и был в глубочайшем затворе, но переписку имел, и вот что однажды писал он: -Я прежде читал светские книги, но теперь решил не читать; там красивые слова, красивые мысли... и больше ничего. А Св. Писание все тайнами повито... Там глубина, там смысл неисчерпаемый. Всего уразуметь нельзя. Подобно тому, как можно снимать с луковицы одну чешуйку, затем другую, третью и т. д. – вот то же и в св. Писании: уразумел человек один смысл, за этим смыслом есть другой, более глубокий, за вторым – третий и т. п. Вот так Господь и

просвещает разум Своих подвижников...

24 декабря

Ныне день великий и блаженный для меня: мы начали свою жизнь в скиту в числе братии в этот святой день, Рождественский сочельник. Да, велика и неизреченна Божия милость ко мне, недостойному. Мое поступление в скит есть великое чудо милости Божией. Итак, сегодня ровно год, как мы в скиту. Богу нашему слава.

25 декабря

Сейчас я узнал из разговора братии, что в монастыре во время обедни был пожар на кирпичном заводе, и что недавно скончался скоропостижно о. Илиодор – благочинный. Он служил обедню где-то в деревне, и был даже после обедни, т. е. часа в два, у Батюшки на благословении. Значит он скончался всего несколько часов назад и, как говорят, от разрыва сердца.

28 декабря

Как-то Батюшка говорил мне о том, что в Библии, кроме внешней стороны, есть еще и внутренняя, т. е., что помимо голых фактов есть глубокий преобразовательный смысл этих же самых фактов. Этот смысл открывается по мере очищения ума человека.

Так, например, «Переход евреев через Чермное море» прообразовал собою новозаветное крещение, без которого никто не может войти в Царство Небесное. Этот факт – переход через Чермное море – действительно был... Так вот все это было и составляет внешнюю сторону фактов. А внутренний смысл таков: первое движение Моисеева жезла начертало прямую линию в вертикальном положении, а второе – прямую в горизонтальном положении, ударив жезлом в сторону, повелевая таким движением сомкнуться водам... Обе линии вместе составляют крест.

Понимал ли это Моисей, исполнявший в точности Божии повеления? Надо полагать, что понимал. Вся совокупность этих событий, как я уже сказал, прообразовала таинство крещения. Человек при крещении погружается в воду и оставляет в купели, которую прообразовало Чермное море, всю свою греховность: оттуда выходит совершенно чистым, святым. Таким образом, фараон с воинством означает насилующий человека грех, власть дьявола, ибо до крещения, т. е., до искупления человека Христом, все были под властью дьявола, независимо от праведности их жизни. Крещением человек освобождается от всего этого, как израильяне избавились от фараона, выйдя из моря в безопасности от погони...

29 декабря

Батюшка при огне с трудом занимается. -Смотрите, как поздно светает... Кроме того, самые дни-то сумрачные, небо в облаках. Вот за всю зиму два-три дня всего и было ясных. Солнышка нет. Невольно вспоминается знаменитая проповедь о. Иоанна Кронштадтского: - Смотрите, – говорил он, постукивая пальчиком по аналою, – смотрите, уже не третья ли часть солнца померкла, как это говорится в Апокалипсисе...

Да вот и я помню, хоть и не велика моя жизнь, ясные, светлые дни. Помню, что на Пасху, на Светлый праздник бывала обыкновенно чудная, ясная погода...

1909 год.

Январь. 3 января. Четверг.

...Однажды, когда я беседовал с Батюшкой, он, между прочим, объяснил мне один текст из Евангелия Луки (11, 23–26): «...и проходит сквозь безводные места, ища покоя, и не обретает». Что разумеется здесь под «безводными местами»? Души людей слабых, порочных, не имеющих никаких добродетелей. Дьяволу неинтересно соблазнить, навести на грех такого человека, у которого грешить не только мыслью и словом, но действием – дело обыкновенное. Такого человека он вводит в грех без всякой борьбы, как, обыкновенно, он действует в миру.

Наконец, он решается возвратиться к тому человеку, из которого он исшел, и приходит... Когда он исшел из этого человека, человек ощутил умаление борьбы со страстями; они его как бы перестали тревожить. И предался рассеянности, перестал внимательно следить за собою, впал в беспечность. Вот в таком-то состоянии и находит его возвратившийся дьявол. Видя его не готовым к борьбе с собой, пользуясь его беспечностью, дьявол идет и берет с собой еще семь духов, злейших себя, и «вшедше живут тут, и бывает человеку тому последняя горша первых»...

Потому всегда надо внимать себе... Не помню хорошо, но как будто Батюшка говорил, что такой человек, по утишению скорбей, дал место в себе гордости, это и способствовало тому, что он пришел наконец в такое бедственное положение...

4 января

Недавно к Батюшке пришел исповедоваться и побеседовать монастырский иеродиакон о. Варсис. После исповеди он и говорит Батюшке:

– Благословите, Батюшка, буду к вам ходить...

– Да ты ведь и так ходишь?

– Нет, Батюшка, ходить на откровение помыслов. Я их никому не открывал. А теперь иногда спрошу что-либо у старших, а они смеются. Вот я и решил просить у вас благословения ходить к вам на откровение помыслов...

Рассказывая это мне, Батюшка сказал:

– Он мне говорит про монастырь, а я думаю: про монастырь что и говорить, ведь и у нас в скиту тоже самое...

Это мне Батюшка говорил и объяснял ослабление монашества ослаблением и разворотом жизни в миру, ибо естественно, что слабый мир дает и слабых монахов.

Взять, например, меня. Какой я монах, какой я послушник? Даже и не похож на монаха. Не велика моя жизнь, но так как я жил с самого рождения все время в миру, и притом еще в городе, то он, т. е. мир, оставил на мне свою печать.

«...В Св. Писании, например, в Апокалипсисе и даже в Ветхом Завете, встречается слово «острова». Например: «И острова будут уповать на Бога». Как острова могут уповать? Под словом «острова» понимаются монастыри. А означает весь текст то, что к пришествию антихриста разве в монастыре еще сохранится вера...»

И вот представляется мне иногда следующее: я спокоен. Я знаю, что теперь вьюга, мороз, но в келии все равно тепло. Стены не пропускают холода, только слышно, как в трубе воеет ветер. И появляется какое-то невольное чувство радости, что я не на морозе, а в теплой келии. Подобное чувство я ощущал в миру...

С этого внешнего чувства я перехожу на духовное, внутреннее и думаю: весь скит с его плохонькой деревянной оградой есть теплая уютная общая келия, где все мы греемся и радуемся, что мы не в миру, ибо там мороз, там веют вихри ложных пагубных учений, унося из души бедного неопытного юноши все хорошее, все святое. Там всякому грозит опасность замерзнуть духовно, там редко кто согреет. Там метель, которая

совершенно засыпает глаза, так что они ничего не видят, там слепнет человек. Там буря зла... И слава Богу, что я здесь; я постоянно должен благодарить Бога, помня, где я, и откуда вывел меня Господь.

7 января. Среда

Прошли, пролетели, промелькнули святые Рождественские дни: прошли, т. е. отошли в вечность. Прошли как-то очень быстро. День летит за днем, и время незаметно.

– Это оттого, что наши старцы,– говорил как-то наш Батюшка,– очень мудро распределили время в течение каждого дня, дали каждому делу свое определенное время.

Вот уже второе Рождество, второй Новый год встретил я здесь и провел...

Вот еще что я хотел записать. Не помню, кому первому мы сказали о своем намерении поступить в монастырь: отцу ли Серафиму или отцу Петру Сахарову. О. Серафиму было сказано, как духовнику на исповеди: до исповеди мы его не знали и даже не видели никогда. А к о. Петру мы пошли, как к знакомому, посоветоваться. А кроме того, он с еп. Трифоном близок и нас направил прямо к нему. Теперь мне видно, что это не случайно, значит, нам нужно было пойти именно к нему. Всюду Божие промышление, только мы его весьма часто не замечаем. В особенности надо это сказать о мирских: у них все – случайное стечение обстоятельств, которого на самом деле никогда не бывает.

Недавно скончался в Москве известный своим старчеством о. протоиерей [Валентин Амфитеатров](#). Он был вначале настоятелем церкви во имя св. Константина и Елены и «Нечаянной Радости», потом, кажется, в Архангельском Соборе, а затем на покое жил, лишившись зрения. Он был в церкви настоятелем, а мой дедушка – старостой.

Когда мы сказали маме о нашем желании, то мама, хотя и предполагала, но все же была поражена и решила съездить посоветоваться с о. Валентином. Я с ней поехал. Когда мама объяснила о. Валентину цель нашего приезда, он ответил, что теперь никому советов не дает, а в особенности в таком деле, «о котором он и не может советовать».

– Я никогда не был монахом,– сказал он,– как я буду советовать...

Затем, кажется, начал молитвенно желать нам всего хорошего и прощаться. Тогда я, обращаясь к нему, сказал:

– Благословите, Батюшка, меня на монашество,– кажется, я так сказал, но если и не сказал слова «на монашество», то подумал это, и о. Валентин мог думать, что я не просто прошу благословения, а на монашество. На мою просьбу он встал и благословил меня со словами:

– Бог Вас благословит. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Слова он говорил медленно, с любовью, и крестное знамение положил на меня широкое и также медленно, и, наконец, поцеловал, насколько помню, в лоб. Это было как-то странно для меня, неопределенно, и по получении благословения я тотчас же и забыл о нем. А теперь я чувствую, что это было именно благословение на монашескую жизнь.

11 января. Воскресенье.

9 числа Батюшка дал мне прочитать книгу под заглавием: «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу».

Сравнительно недавно Батюшка рассказал мне следующее:

-Хочу рассказать вам про одного англичанина... Не знаю, занимаются ли современные англичане подобными вопросами... Так вот, однажды сидел этот англичанин и пристально глядел в окно. Вдруг он говорит:

– Теперь мне это понятно...

– Что тебе понятно? – спросила его жена.

– Теперь мне понятно,– сказал он,– как наши тела после всеобщего воскресения мертвых будут прозрачны.

– Почему же это тебе стало понятно? – спросила его жена.

– Вот,– отвечал он,– я гляжу на стекло и думаю: ведь стекло прозрачно, тогда как его составные части: земля, уголь и др. – вовсе не имеют этой прозрачности. Поэтому и тело человека, обратившееся по его смерти в прах и землю, может по Божию велению, восстать в ином, нетленном, светлом виде.

12 января. Понедельник

Недавно Батюшка рассказал мне следующее:

– Я в гимназии учился хорошо, шел первым по классу. Были у нас тогда полугодовые репетиции. Я сдал все хорошо и, приехав домой, размышлял о том, что я буду читать, вообще строил в своей голове различные планы, ибо свободного времени было около двух недель: с 24 декабря по 7 января. Пришел, сел за стол. Передо мной лежала бумага. Я беру перо и пишу: «Возрождение». Что такое? Какое возрождение? и начинаю писать далее: «Давно, в дни юности минувшей»... А было мне тогда всего пятнадцать лет.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Давно, в дни юности минувшей,
Во мне горел огонь святой;
Тогда души моей покой
Был безмятежен, и живущий
В ней Дух невидимо хранил
Ее от злобы и сомненья,
И силой чудною живил.
Но жизнью я увлекся шумной;
Свою невинность, красоту,
И светлый мир, и чистоту
Не мог я сохранить, безумный.
И вихрем страстных увлечений
Охваченный, я погибал...
Но снова к Богу я воззвал
С слезами горьких сожалений,
И Он приник к моим стенаньям
И мира Ангела послал,
И к жизни чудной вновь призвал,
И исцелил мои страданья.

Не чудно ли это? Мне было всего 15 лет, а я написал вперед всю мою жизнь.

Сегодня с увидел на столе это стихотворение. Батюшке его кто-то прислал в количестве ста экземпляров, из которых я, с благословения Батюшки, взял два.

16 января Пятница

13 числа я занимался с Батюшкой вечером до 12 часов ночи, а 14-го – до 10 часов, а с 10 до 12 часов мы беседовали.

Много было сказано, не упомяну всего. Но что-то святое, великое, высокое, небесное, божественное мелькнуло в моем уме, сознании во время беседы. Беседа коснулась духовной монашеской жизни, смирения, и высота смирения как бы чуть-чуть показала себя моему внутреннему человеку. Батюшка для выяснения монашеской жизни взял пример из жития св. [Иоанна Дамаскина](#). Батюшка передал мне известную историю отсечения и исцеления его руки. Затем Батюшка начал говорить:

– Когда Дамасский калиф увидел, что над Иоанном совершилось чудо, то уверовал в Бога, познал невинность Иоанна и предлагал ему прежнее место при дворе своем. Но Иоанн отказался и просил только одного, именно: чтобы пустили его в иноческую обитель. Делать нечего, и калиф отпустил его.

Тогда Иоанн отправился в обитель св. Саввы. Приходит и объявляет о своем желании посвятить себя иноческой жизни. Его, конечно, принимают и отдают в послушание старцу. Старец, принимая его, спрашивает:

– Зачем ты пришел сюда? Ты ищешь чудных откровений, видений, высших таинств? Нет, еще рано, ты недостойн. Сначала тебе надо приобрести смирение.

Иоанн же отвечает:

– Одного ищу я – спасения души своей.

– Да, сначала тебе надо приобрести смирение и послушание.

– Я на все готов.

– Так хорошо. Вот тебе послушание: не смей отсесть ничего писать.

Иоанн ничего не возражал и перестал писать, хотя и нелегко ему это было, ибо он не мог писать и в защиту св. икон. Наконец, он не вытерпел и написал чин погребения, который полностью принят церковью и до сих пор совершается нами. Тогда старец сказал Иоанну:

– Так. Ты ослушался. Иди и чисти за это везде отхожие места.

Иоанн смирился и пошел исполнять новое послушание и, вероятно, немалое время исполнял его.

Так как же вы полагаете? Старец по глупости и грубости наложил на Иоанна таких два тяжких послушания? Великая мудрость была у старца. Смысл всего становится ясным из первых слов, которые сказал старец,

принимая Иоанна. Он поставил смирение выше всего, ибо оно составляет имеющего его выше всех. Святцы называют смирение ризою Божества. Смирение – первое условие спасения: только им мы и можем спастись.

Далее Батюшка, насколько помню, в связи с этим говорил:

– Путь унижений, смирения и терпения – тяжел. Многие за него брались, решались идти им и не выдерживали. Хотел идти этим путем и еп. Игнатий Брянчанинов и не выдержал. Ведь он был и в Оптиной. Хотя он и считается наставником современного монашества, ибо желающий понять сущность монашества в настоящее время без его сочинений этого сделать не может (его сочинения дают ясное понятие об иночестве), а все-таки он не Арсений Великий. Правда, святой, а все же не Арсений. У нас сохраняется предание, что Батюшка о. Лев сказал про еп. Игнатия Брянчанинова:

– Если бы пошел иным путем, то он был бы второй Арсений Великий.

17 января. Суббота

– Хорошо жить в монастыре,– продолжал Батюшка,– когда живешь внимательно, вникаешь во внутренний смысл жизни. Если же видеть только щи, кашу, аккуратное хождение к службам, одним словом, видеть только внешность, то так жить очень скучно. А если жить, вникая во внутренний смысл жизни, то увидишь дивную премудрость и глубину во всем. В этом отношении незаменимую услугу оказывают жития святых. Какой чудный смысл во всех событиях!

Теперь мне становится понятно, почему братья Николай и Иван Беляевы пришли из мира сюда... та завеса начинает немного приподыматься для меня...

...Так может относиться любящий, нежный отец к своим детям. Простота обращения иногда поражает меня. Эта простота самая искренняя, нисколько не оскорбительная, а напротив, вожденная. В эти дни я особенно расположился к Батюшке, особенно почувствовал его значение для меня... Когда я уже уходил от Батюшки, он стал говорить о признаках своей смерти... И еще в начале беседы Батюшка сказал:

– А хотелось бы мне еще пожить... Страшно умирать, страшно умирать...

Затем опять среди разговора:

– Боюсь, что мне придется отвечать за чад моих духовных. Я все думаю, что мало для них делаю, мало забочусь и о себе, и о них. Ну, уж о себе как бы так и надо, а об них-то...

24 января. Суббота

Когда я прочел «Слово о смерти» еп. Игнатия Брянчанинова, многое мне уяснилось, чего я прежде совершенно не понимал. Эта книга незаменима в своем роде... Вот и теперь вижу я во сне различные муки, например, сегодня... Господи, Господи, накажи здесь, как хочешь, только избавь вечных мучений...

«Замечательно, что люди неверующие или мало верующие, например, материалисты и др. далее тела, далее видимого не идут, отвергая существование души, ангелов, бесов, даже Бога, но когда говорят о вечных муках, то они никак не хотят допустить здесь что-либо вещественное, чувственное, относя муки к угрызениям совести и т. п. Это противоречие в них замечали великие люди, замечал его, кажется, и митрополит Филарет».

25 января. Воскресенье

Батюшка мне не раз говорил, что он очень любил детей, и однажды рассказал следующее:

– Я очень любил устраивать «детские пиры». Эти пиры одинаково мне и детям доставляли радость. Устраивал я их обыкновенно в праздники. Приходили ко мне эти бедные дети на квартиру, все одетые в праздничные одежды, конечно, очень скромные, ибо приходили многие из подвалов. Я выбирал одного или двух мальчиков побольше и указывал им дорогу, куда идти. На это они мне кричали: «Знаем, знаем». И все они, не более двенадцати человек, мальчики не моложе 4–5 лет и до 10–11 и девочки не старше 8 лет (во избежание соблазна) отправлялись за город версты за три, в лес.

Я по немощи своей брал себе извозчика. Немного ранее отправлялся туда же и мой деньщик с таинственными узлами. Когда все собирались в назначенное место, я, прежде всего, давал детям набегаться по лесу, наиграться вволю. Потом, когда они немного устанут от беганья, проголодаются, я их усаживал на траве около разостланного прямо на траве длинного и широкого полотенца, на котором стояли тарелки со сметаной, творогом, вареной холодной говядиной, яйцами, черным и белым хлебом. Кажется, и все, а может быть, еще что было, вот, например, масло, ну и более ничего.

Когда они наедятся этого, я их начинаю поить чаем, причем давал им дешевых конфет и пряников; конечно, был сахар, может быть, варенья немного, ну и все. При этом мы разговаривали. Бывало, забрасают вопросами. Также им рассказывал о чем-нибудь полезном для души, о чем-нибудь духовном. Все слушали с удовольствием и вниманием.

Так и сидим, бывало, в лесу на холмике часов до 10–11 вечера. Взойдет луна. И без того чудный вид на Казань делается еще красивее. Перед нами поляна, за нею река, а за рекою – Казань с своим чудным расположением домов, садов и храмов...

И хорошо мне тогда было, сколько радости испытывал я тогда, и сколько благих семян было брошено в эти детские восприимчивые души. И все это удовольствие стоило мне рублей десять. А что тогда для меня были десять рублей?

Наконец нужно было возвращаться домой. Приезжал домой, ложился спать и вставал на следующий день здоровый, бодрый и шел на службу.

Возвращаясь с «пира», я думал: «А где теперь мои товарищи? Как они теперь проводят время в ресторанах с блудными, развратными девками?» Господи, Господи... Про меня они говорят:

– Не с ума ли он сошел? Все с детьми, да монахами... Слышали? Ну ладно бы один раз, а то каждый праздник. Нашел удовольствие.

Но некоторые на эти пиры смотрели снисходительно. Удивительно, но в общем многие мои сослуживцы-товарищи были хорошие люди...

28 января. Среда

Сегодня сороковой день по кончине о. Иоанна Кронштадтского. Батюшка, согласно постановлению Синода, служил обедню, панихиду и говорил краткое слово. Батюшка был также и на трапезе, где мне пришлось читать житие св. Григория Омиритского (19 декабря). Какое это чудное житие! Какая премудрость в словах и речах этого святителя!

Вчера Батюшка пошел к повечерию на правило. Когда он шел оттуда, я провожал его, и Батюшка начал говорить мне следующее:

– Я поехал в 1890 году в Оренбург, где пробыл отрочество и юность, проведя детские годы в селе. Теперь это уже не тот город. Нет в нем уже той патриархальности, простора: все изменилось. Так вот, когда я поехал в Оренбург к матери за благословением на иноческую жизнь, я ходил в этом городе по всем улицам, а также и за город ходил... И все там мне напоминало мою прошлую жизнь с ее скорбями и радостями, с ее светлыми и темными происшествиями, ибо были, конечно, уклонения в шуию... Так и сейчас: я стою на правиле, а воспоминания одно за другим целой вереницей проносятся передо мною. Я говорю: «Господи! Зачем это? Ведь они мешают мне внимать молитве...» Но помимо моей воли они идут передо мною. И опять воспоминания как радостных, так и тяжелых событий производят на меня отрадное впечатление, и последние – даже более отрадное.

Конечно, если бы была прежняя келия для правила, то еще более возникло бы воспоминаний. Прежде было правило там, где теперь новый храм. Когда начал строиться новый храм, то будто кто-то мне сказал: «Теперь тебе будет легче», – и действительно, так и вышло. Я почувствовал ослабу, а какие скорби и гонения раньше были... Только я твердо сказал себе: «Что бы то ни было, не уйду из скита. Умру, а не уйду...»

Недавно, а также и вчера утром Батюшка говорил, что современное монашество стремится исполнять во всем свою волю. Авва Дорофей говорит: «Я не знаю монаху иного падения, как последствие своей воли».

30 января. Пятница

Батюшка во время разговора в первый раз назвал меня своим «сотаинником». Я этого не ожидал и не знаю, чем мог это заслужить. Спаси Господи Батюшку. Я все более и более начинаю видеть, что Батюшка – великий старец. И к моему сожалению, Батюшка все чаще и чаще говорит о своей смерти, что дни его «изочтены суть». «Я совершенно один, – говорил как-то Батюшка, – а силы слабеют». – Мы: я и Батюшка о. Амвросий – все вместе делали, друг друга утешали в скорбях. Приду, да и скажу: «Батюшка, о. Амвросий, тяжело что-то». – «Ну что там тяжело? Теперь все ничего. А вот придут дни...» Да, а теперь-то они и пришли. Монахов много, много хороших, а утешать некому. Теперь я понял, что значит: «Придут дни»...

Февраль. 8 февраля. Воскресенье

Вся эта неделя быстро и незаметно прошла. В келии с Батюшкой я много занимался и только сегодня, как будто, немного вздохнул свободно. Сегодня Прощеное воскресенье. Погода чудная, весна. Весело блестит солнышко на снегу, с крыш и деревьев капает вода. Елки и сосны покрыты снегом, который третьего дня обильно выпал и покрыл белой пеленой весь скит, поэтому вершины сосен и елей блестят на солнце, и снег, лежа на темнозеленых хвоях, кажется еще белее.

Недавно Батюшка сказал мне про монашество:

– Монашество – есть блаженство, какое только возможно для человека на земле, выше этого блаженства нет ничего. И это потому, что монашество дает ключ к внутренней жизни. Блаженство внутри нас, надо только открыть его. Полное блаженство – на небе, в будущей жизни, но нижняя ступень его – на земле. В той жизни оно только продолжается.

Когда Батюшка говорит подобные вещи, я чувствую что-то великое, святое, но это, как бы, мелькнет передо мной и исчезнет.

Сейчас ходил прощаться в монастырь. Завтра первый день св. Великого поста.

Приезжал на эти дни брат Кирилл, сегодня уехал.

Его Батюшка отечески любит, он отвечает, по-видимому, тем же. Когда он уже уехал, Батюшка сказал, как бы в раздумьи, и сказанное не имело отношения к предыдущему: «Придется ли еще увидеться с Люшей»? – (Так Батюшка называет обыкновенно брата. Кирилла, брата Никитушку, а иногда и меня.) Я на это ничего не ответил, но сложил в сердце своем словеса сия.

9 февраля. Понедельник

Сегодня возвратился в скит о. Кукша, ездивший в Калугу для посвящения в иеромонахи.

10 февраля. Вторник

Сегодня Батюшка сказал, что ему возвещается, будто враг хочет между мной и Иванушкой посеять плевелы, чтобы поселить между нами вражду, ненависть. Батюшка предупредил меня от этого зла, говоря, чтобы мы поддерживали между собою любовь, чтобы не дали врагу ничего пожрать. Это же самое Батюшка сказал еще и в прошлом году, когда мы только что оделись в подрясник. И это я должен свято соблюдать, т. е. всячески поддерживать единство и любовь.

13 февраля. Пятница

Сейчас я зашел к Батюшке на благословение после вечерни. После благословения и откровения моих немощей за этот день Батюшка сказал мне следующее:

– Это все ничего, если укоряем себя и смиряемся. А то вот многие на небо лезут, подвиги накладывают на себя, а смиряться не хотят. Смиряться, смиряйтесь. Да, я скажу вам, брат Николай, не хотят смиряться. Это язва, язва современного монашества...

14 февраля. Суббота

Сподобился я сегодня принятия св. Христовых Таин. Вот уже прошла и первая седмица Великого поста. Не прошла, а промелькнула. Не заметил я и поста, не почувствовал его тяготы.

21 февраля. Суббота

19 февраля Батюшка мне сказал:

– Я вам, брат Николай, не раз уже говорил и еще скажу: приходит мне мысль – все бросить, уйти в какую-нибудь келию. Страшно становится жить, страшно. Только боюсь сам уйти, а посоветоваться не с кем. Если бы жив был Батюшка о. Варнава, то поехал бы к нему, но его уже нет. А сам боюсь: боюсь, как боится часовой уйти с поста – расстреляют. В таком положении начинаешь понимать слова пророка Давида: «Спаси мя, Господи». ...Если взять только одну часть фразы, то само собой разумеется, что никто не хочет погибели и не говорит: «Погуби меня, Господи». Все и всегда могут сказать: «Спаси мя, Господи». Но он далее прибавляет: «Яко оскуде преподобный».

Не к кому обратиться, Господи, спаси мя. Только теперь мне становится понятным: отчего бежали св. отцы от мира, а ведь именно бежали... хочется и мне убежать в пустыню...

Незадолго до этого, как-то вечером, Батюшка сам, не по моему вопросу, а сам начал говорить:

– Прежде я не понимал, что делается в миру, а теперь, когда приходится мне сталкиваться с ним, он поражает меня своей крайней сложностью и безотрадностью. Правда, бывают радости, но они мимолетны, мгновенны. Да и какие это радости? Самой низшей пробы. А у нас блаженство, даже немного как бы походит на рай. Бывают, конечно, и скорби, но это временно. «Хорошо, кто заботится о внутренней созерцательной жизни, ибо она даст ему все».

23 февраля

Ровно два года назад в вечернее время я и Иванушка с о. Гавриилом были на Брянском вокзале в Москве, намереваясь отправиться в Оптину пустынь, не имея о ней ни малейшего представления. Недели за две до того времени я не знал, что Оптина существует. Таким образом, выехав 23 февраля из Москвы, 24-го мы впервые увидели Оптину, т. е. в день Обретения главы св. Иоанна Предтечи – обрели Оптину, как тихое пристанище от житейских бурь и зол. Не смею думать, что это произошло без промысла Божия.

После бесцельного скитания по жизненной пустыне, я нашел здесь воистину богатое сокровище, утаенное от премудрых и разумных и открытое, доступное младенцам, простецам и нелукавым сердцем. И для меня оно было сокрыто, и я едва бы нашел его сам. Я был сюда приведен, не знаю почему, как и для чего...

Обратило на себя мое внимание еще следующее обстоятельство. Еп. Трифон сказал, чтобы мы приходили в Богоявленский монастырь к вечерне с мамой и с о. П. Сахаровым. Это было в воскресенье «о блудном сыне». Мы пришли. Еп. Трифон сказал очень хорошо проповедь на эту тему. После вечерни мы отправились к нему. Входим мы четверо, и в это время входит о. Гавриил, как бы встречает нас. «Вот Вам как раз послан Архангел Гавриил, – сказал Владыка полушутя, полусерьезно, – с ним вы и поезжайте».

И в это воскресенье была окончательно решена наша поездка в Оптину. Меня, как блудного сына, Оптина как бы уже приняла в свои объятия. Это все не простая случайность, нет, это все имеет великий смысл.

Удивительно, что я, до сих пор не желавший подчинять свою волю и разумение кому бы то ни было, в деле обретения Оптиной и водворения в скиту даже совершенно не участвовал своей волей: все делалось по указанию и благословию духовных лиц.

Март. 1 марта. Воскресенье

[Числа 23–24](#) я открывал Батюшке свои помыслы. Батюшка и ответил мне:

– Прогонять помыслы, противиться им могут только святые, а нам от них надо бегством спасаться...

– Да, Батюшка, когда очнусь, начинаю творить молитву Иисусову...

– Вот про это-то я вам и хотел сказать. Сразу у вас нет своих сил бороться с помыслами, призывайте Господа Иисуса, и имя Его будет прогонять от вас помыслы. В грех они, как я уже сказал, поставиться не могут. Например, разве вы виноваты, что, когда отворили дверь келии, вас охватил ветер и засыпало снегом. Никакой в этом вины нет. Но если вы видите, что вам не под силу идти при такой вьюге, то можно спастись только бегством, именно: захлопнуть дверь. А другой, покрепче, пожалуй, и пойдет по этой вьюге. Нам до таких далеко. Они могут, подобно Давиду, выходить на единоборство, но не с голыми руками. Заметьте, с чем вышел Давид на Голиафа? С камнем. А что значит камень? «Камень же бе Христос». Вдумайтесь-ка в это.

В этот же вечер Батюшка говорил мне:

– Нам, т. е. стоящим на таком посту, несущим такое послушание, нельзя отдыхать. Сегодня я очень плохо себя чувствовал и думаю: надо отдохнуть, лягу. «Брат Никита,– говорю я,– сегодня не будем отпирать женскую половину, в первый раз за три года. А я лягу и часов до трех не будите меня». Лег, а помысл говорит: «А может быть, там пришла какая-нибудь раба Христова со скорбью, или другой какой насущной нуждой своей,– как же так? Надо отпереть». Позвал брата Никиту, сказал, чтобы он открыл, а сам встал: вскоре вся слабость прошла. А там, действительно, пришли такие, которых надо было принять. И вот как Господь подкрепляет в таких случаях...

Подобные же происшествия Батюшка рассказывал и раньше. Например, Батюшка не мог совершенно читать при огне вследствие страшной рези в глазах. Когда Батюшку посвятили во иеромонахи, он заявил, что при огне служить не может, а о. архимандрит отвечал, что Бог поможет. И действительно, Батюшке была дана возможность служить при огне. А теперь даже и пишет, и читает, и вообще имеет возможность работать при огне, так как этого требует его положение.

8 марта

Сегодня воскресенье, неделя св. Иоанна Лествичника, но ему службу не правили, так как память 40 Севастийских мучеников иж во езере приходится на понедельник, а служба правилась им сегодня. Вчера за бдением я первый раз читал паремии. Итак, пришлось читать паремии св. мученикам.

14 марта

Однажды Батюшка говорил мне: «За советом надо обращаться к одному кому-нибудь. То, что я сейчас говорю, чрезвычайно важно, и блаженны те, кто это знает. Бывает так, что придет кто-нибудь в Оптину, посоветуется с одним, потом с другим, иногда у трех-четырех побывает. Каждый советует по-своему, и у вопрошающего получается смущение: он не знает, как поступить, чьему совету последовать. А нужно было спросить у того, к кому он первому пришел, и что тот посоветует – принять во внимание, считая это за волю Божию.»

17 марта

Иногда Батюшка рассказывает и говорит много, что хотелось бы записать, да нет времени и возможности. Сегодня после обеда Батюшка стал ложиться отдыхать. Я был с ним, укрыл его, когда он лег. Когда Батюшка раздевался, он начал говорить:

– Ни у меня, ни у вас, конечно, нет в мыслях расстаться друг с другом. Но право, хорошо помереть в такие годы, когда душа ваша еще не очерствела, и у нас в скиту...

– Да,– говорю я,– мое желание – остаться навеки в скиту и лечь здесь в могилу. Но только пр. Иоанн Лествичник говорит, что «неочистившиеся, аще желают смерти, поступают безумно...»

– Зачем же желать вам смерти; право – желать этого предоставляется мне. А все может случиться: у Бога свои расчеты, и кого из нас раньше потребуют отсюда – неизвестно.

Что еще говорил Батюшка, я не помню хорошо. Нет свободной минуты, а потому пишу кое-как.

22 марта. Вербное воскресенье

Пользуясь свободной минутой, запишу кое-что. 14 марта Батюшка дал мне две деревянные ложки – одну лично мне, а одну – для Иванушки. В тот же день Батюшка сказал мне следующее:

– В Казани был архиепископ Афанасий. Про него много чудесного рассказывали. Например, когда он только что приехал в Казань, он поспешил в Кафедральный собор. Отслужив обедню, молебен и сказав краткое слово, он начал благословлять народ. В общей массе, в толпе, подходит также какая-то барыня. Он благословляет ее, а руку целовать не дает. Она подумала, что он сделал это, спеша окончить благословение. Но все же она опять подошла под благословение, и опять он, благословив, не дал поцеловать руки. Она подходила к нему несколько раз, и повторялось то же. Тогда она говорит ему: «Владыка святой, неужели я такая грешная, что недостойна поцеловать у вас руку?» – «Вот еще, – говорит преосвященный, – у меня рука, словно у мужика». Барыня покраснела, поняв, что Преосвященный узнал ее мысли, ибо он сказал то, что она подумала, подходя под благословение. Было и еще много подобных случаев, доказывающих его прозорливость...

Характерная черта многих святых: позвать гостей, радушно принять их и угостить – замечалась и у преосвященного Афанасия. Он любил в праздники позвать к себе гостей. Так и было однажды. После обедни сразу из церкви с гостями он приходит к себе. Попив чайку и несколько побеседовав с гостями, Преосвященный предложил им пообедать. Приказав келейнику подавать обед, он с гостями сел за стол. Подают огромную, прекрасно приготовленную щуку. Посмотрев на нее, Владыка говорит:

– Ее кушать нельзя, она проклята.

Все несколько удивленно посмотрели на Преосвященного.

– Она проклята, ее есть нельзя, – повторил Владыка. Призывает келейника и приказывает убрать ее со стола. Тот даже не решается убрать. Тогда Преосвященный велит позвать повара. Тот приходит. Владыка смотрит на него и, замечая завязанный палец, спрашивает:

– Что у тебя с пальцем?

– Порезал нечаянно, Владыка святой.

– А что ты при этом сказал?

– Простите, Владыка, я сказал: чтобы ты была... нехорошо сказал.

– Ну, вот видишь, теперь ее есть нельзя. Эту бросьте, а другую надо приготовить. Вот видите, даже проклятие простого человека – повара, так сильно действует...

– Собственно, Батюшка,– спросил я,– непонятно, как это узнал владыка Афанасий, и почему нельзя после проклятия есть?

– Проклятие повара произвело в рыбе какие-то изменения, которые Преосвященный заметил своими прозорливыми очами. Вследствие этих изменений нельзя стало кушать рыбу. Этим объясняется, почему в миру, в богатых домах, в самых дорогих кушаньях нет того вкуса, который мы ощущаем в наших кислых щах: там все делается без молитвы, с руганью и проклятиями, а у нас в монастыре с молитвою и благословением.

В заключение всего запишу слова Батюшки, сказанные мне однажды: «Духа держитесь: дух животворит...»

29 марта. Пасха. Господня Пасха

Это уже третья, встречаемая нами в Оптиной пустыни, и вторая по скитскому житию. Бывая почти целый день у Батюшки, я не мог избежать некоторой сутолоки. Но, несмотря на это, здесь праздник всеми встречается духовно. Окончив послушание до 8 часов вечера, я пришел в церковь для слушания Деяний св. Апостолов. Здесь, в полумраке перед Плащаницей, под благоговейное чтение вполне могут утишиться суетные помышления. Тихо и спокойно отправился я в монастырь, где и встретил радостный и великий праздник.

Тихо и мирно на душе. Слава Богу.

30 марта

Насколько помню, в Великую Пятницу, на страстной седмице, Батюшка сказал такую истину, засвидетельствованную св. отцами:

– Если бы желающие поступить в монастырь знали все скорби, присущие иноческой жизни, то никто бы не пошел в монастырь. Поэтому Господь нарочно скрывает от них эти скорби. А если бы люди знали блаженство, ожидающее иноков, то весь бы мир без оглядки побежал в монастырь.

Апрель. 12 апреля

Эти дни я был чрезвычайно занят, все время проводя при Батюшке. Сегодня уезжает брат Кирилл, он много помог мне в письменных работах. Спаси его, Господи.

Вчера была память св. Варсонофия, и Батюшка был именинник. На днях Батюшка говорил мне, что он, будучи в Казани еще мирским, очень любил становиться в Соборе около мощей св. Варсонофия. Когда у Батюшки начало появляться желание богоугодного жития, он часто обращался к св. Варсонофию, как бы предоставляя на его решение, какой путь жизни избрать ему. И угодник Божий не оставил втуне молитву с верою к нему прибегающего и указал Батюшке иноческий путь, и даже сподобил его принятия при пострижении своего имени. И первым шагом к сему, быть может, было то, о чем Батюшка рассказал мне 14 марта перед бдением:

– В Казани, когда была поставлена в первый раз на сцене опера «Гугеноты», я был в одной ложе в театре с некоторыми моими хорошими знакомыми. Я очень любил оперу. Внезапно напала на меня тоска, а в душе как будто кто-то говорил: «Ты пришел в театр и сидишь здесь, а если ты сейчас умрешь, что тогда? Господь сказал: «В чем застану, в том и сужу...» Уйди скорее из театра... С чем и как предстанет душа твоя Богу, если ты сейчас умрешь?» Мне стало страшно. Я вполне согласился с этим внутренним голосом и думаю: «Надо уйти». Тогда начинает говорить другой голос: «А что скажут твои знакомые? Да стоит ли обращать внимание на всякий пустяк...» Опять первый голос: «Иди, иди скорее, твои знакомые сейчас забыли о тебе, а потом можешь что угодно сказать на их вопросы».

Началась борьба, но первый голос взял верх, и я решил уйти. Тихо поднялся со стула, едва слышными шагами добрался до двери, быстро закрыл ее за собою и быстро пошел к выходу. С лестницы почти бежал. Быстро надел пальто, выбежал на улицу, крикнул извозчика и полетел домой. Только тогда, когда я уже вошел в свой уютный номерок, я свободно мог перевести дыхание. Здесь я решил уже никогда не ходить в театр, и действительно не ходил.

Потом об этом, как и обо всем, с течением времени я позабыл. Затем прошли годы, я снова вспомнил... и захотелось мне узнать, какое число было тогда, чья была тогда память. Я справился и узнал, что тогда было 4

октября, память святителей Гурия и Варсонофия, Казанских чудотворцев...

Господи, да ведь это меня св. Варсонофий вывел из театра. Теперь я думаю: какой глубокий смысл в событиях нашей жизни, как она располагается точно по какому-то особенному таинственному плану.

Вспомнилось и мне, как я жил перед отъездом в Оптину в первый раз, т. е. когда коснулась меня благодать Господня. В Университете, по окончании гимназии, я успел проучиться немногим более полугода... После Рождества мои мысли и стремления к богоугождению начали несколько формулироваться, и я стал посещать Университет, хотя и ежедневно, но с некоторою целью... Приходил в Университет и был там до 9 часов, в 9 часов отправлялся в Казанский собор к обедне, предварительно заходя по дороге к Иверской, если там народу бывало не очень много. Отслушав литургию, стоя иногда даже всю литургию на коленях, я не спеша отправлялся домой и заходил по дороге в часовню Спасителя у Москворецкого моста и, помолившись там, без задержки направлялся домой.

Дома думали, что я в Университете, а я в Казанском соборе, ибо я никому из домашних ничего не говорил, был откровенен только с Иванушкой.

25 апреля

22 апреля Батюшка мне сказал, что исполнилось ровно три года, как он вступил в управление скитом. Память преп. Виталия.

Сегодня Батюшка рассказал мне про то, что в 1870 году, когда поджигали г. Оренбург и выгорело 7/8 его, мать Батюшки со своей сестрой и с ним, тогда еще Павлом Ивановичем, со всем домом и имуществом были чудесно спасены от пожара.

– Для пожара был выбран ветреный день,– говорил Батюшка,– ветер быстро разнесся по большей части города. Адское пламя уже надвигалось на наш дом. Тогда мы положили на повозку свои пожитки и выехали за город, а незастрахованный свой дом мы оставили на волю Божию. Была ночь. Мы скрылись за уцелевшую часть вала, построенного во время Пугачева и даже ранее. Что делать? Старушка мать встала на молитву: «Господи, спаси нас.» – И я встал и говорю: «Матерь Божия, спаси нас...»

И вдруг ветер переменял направление, пламя полетело в другую сторону. Наша часть города уцелела...

Прошло два-три месяца, разговор о пожаре не умолкал в городе. И однажды некто Силин сказал:

– Вы спрашиваете, почему уцелела эта часть города? Да вот почему: кто-то живет монахом, да еще, быть может, в монастырь поступит, вот ради него и спас Господь эту часть города.

Я тогда еще не думал о монашестве, и поэтому только улыбнулся на слова этого человека, но потом не раз вспоминал их. Он сказал истину про меня... Видите, как дорого Господу монашество.

30 апреля

Я помню, как еще зимой Батюшка сказал мне:

– В человеке заключается три части: тело, душа и дух. Это видно из слов Богоматери, сказанных ею на приветствие праведной Елизаветы: «Величит душа моя Господа, и возрадовался дух мой о Боге, Спасе Моем». Здесь очень ясно видно разделение: одно – дух, а другое – душа, а что тело и душа суть две различные части – это очевидно. И заметьте эту последовательность: начинает хвалить Господа душа, и от этого приходит в веселие и начинает радоваться дух. Это относится ко всякому человеку, когда он молится или прославляет Бога. Молитва начинается при посредстве сил души, и ум прислушивается к словам молитвы. Затем смысл молитвы как бы затрагивает дух человека, и дух, вынужденный Божественною силою молитвы, возрадуется...

Я постарался припомнить то, что говорил тогда Батюшка, но не знаю, верно ли я передал это.

Май. 6 мая

Сегодня уже отдание Пасхи. Батюшка пошел служить в монастырь за о. архимандрита, ибо тот что-то устал.

Вчера Батюшка говорил мне о том, какая борьба была у него в душе, когда послали на войну в Муллин. Когда Батюшке объявили о назначении, он почувствовал всю трудность этого послушания, но не отказался, а принял его как от руки Господней, хотя оно было плодом недоброжелательства некоторых.

– Здоровье мое было плохое. Как поеду,– думал я,– куда такому хилому старику проехать несколько тысяч верст... Я думал, что не доеду... Затем были в уме и другие мысли, а именно: как ты будешь оправлять требы, крестить младенцев, когда ты ни разу не крестил. Как ты будешь отпевать усопших, когда ты ни разу не отпевал? Как ты будешь ладить с начальством и врачами, если они будут над тобой издеваться? Как ты сразу из скита вступишь в многолюдство, да еще в женское общество сестер милосердия? (Батюшка говорил, что все эти мысли были бесовскими клеветами.) Как на твоё здоровье повлияет климат, к которому ты не привык? И прочее и прочее...

Но я только отбивался молитвой Иисусовой. Когда я это пересилил, враг переменил свои действия, он начал возбуждать к клеветам на меня едущих со мною... Это было очень тяжело... Так продолжалось до Харбина.

Когда же я был отправлен в Муллин, я избавился от «гонящих мя», свободно вздохнул и попал словно в рай. Одна природа чего стоит: синие горы, леса, степи с миллионами цветов. Между мною и окружающими установились простые дружественные отношения. Главный врач оказался хохол, и все другие были истинно русские люди и верующие, в том числе, конечно, сестры милосердия (некоторые из них и сейчас относятся письменно к Батюшке). Хорошо мне там было.

Я думаю: несмотря на то, что для Батюшки все слагалось так неблагоприятно, он, будучи верен добродетели послушания, получил возмездие. Много скорбей понес Батюшка. Враг сильно ополчился, но Божия благодать не оставляла Батюшку.

10 мая

Вчера Батюшка ходил в монастырь, да легко оделся, а было холодно. Еще вчера он почувствовал себя не совсем хорошо, а сегодня – еще хуже, даже не пошел к обедне и трапезе. Вчера пришлось немного побеседовать с Батюшкой. Не берусь записать всю беседу, отмечу только некоторые мысли:

– Молитва бывает,– говорил Батюшка,– во-первых – устная, во-вторых – внутренняя, сердечная, в-третьих – духовная. Внутреннюю сердечную молитву имеют весьма немногие, а имеющие духовную молитву встречаются еще реже. Духовная молитва несравненно выше внутренней сердечной. Имеющие ее начинают познавать тайны природы, они смотрят на все с внутренней стороны, постигают смысл вещей, а не внешнюю их сторону. Они постоянно бывают охвачены высоким духовным восторгом, умилением, их глаза часто источают слезы. Их восторг для нас непонятен. Доступный нам восторг самых великих художников, в сравнении с их духовным восторгом, есть ничто, ибо он душевнее.

Просвещение научное может быть усваиваемо всеми народами без различия, но нравственное просвещение и чистота свойственны только христианину...

В монастыре достигнуть нравственного усовершенствования удобнее, чем в миру... Как в миру, так и в монастыре волнуют человека страсти, но в миру с наслаждением предаются страстям, если не на деле, то в слове и мысли, а в монастыре идет борьба против влечения страстей, за что и получается от Господа награда и нравственное очищение...

Преп. Серафим Саровский говорит, что кто в монастыре не творит молитвы Иисусовой, тот не монах... и страшно подумать, что добавляет: «тот обгорелая головешка»... Да, необходимо иметь какую-нибудь молитву, хоть самую маленькую.

14 мая

Вчера одна молодая девушка, служившая в горничных в Калуге, принесла Батюшке подарок: крест медный и бархатные, вышитые серебром воздушы.

– Сердце умиляется,– говорит про нее Батюшка,– эта девушка лет 18-ти. Она была у меня в 1905 году. Побывав в Оптиной, она возымела намерение когда-либо еще побывать и принести мне подарок. Для этого она решила накопить денег. Получает она теперь на один рубль более прежнего: пять рублей в месяц. Целые три года она копила деньги. Наконец, накопила и привела в исполнение свое желание, а именно: съездила в Киев помолиться у Печерских чудотворцев и у других киевских святынь и купить там подарок для Батюшки Варсонофия в Оптину. Крест купила за семь рублей, а воздушы за десять рублей, всего, значит, 17 рублей, да еще самая поездка в Киев обошлась рублем 20. Выходит 37 рублей, а в Оптиной еще проживет, израсходует, и сама блаженствует.

– Теперь я спокойна,– говорит,– взяла благословение у Киевских угодников Божиих, сделала подарок Батюшке.

Конечно, принята Богом ее жертва.

18 мая

Сегодня Духов день. Очень мне понравилось за обедней то, что в 2–3 саженьях от храма на яблоню сел соловей и пел. И как же он пел! Было слышно в храме. Сколько простоты, сколько самой чистой поэзии.

«Лица людей святой благочестивой жизни имеют на себе отпечаток этой святости. Эти лица имеют ту особенность, что при взгляде на них, они как-то поражают и производят сильное впечатление. И даже по прошествии продолжительного времени не забываются. Таких людей видел я. Однажды я подумал, не видение ли вижу, ибо было что-то неземное».

Это мне Батюшка недавно говорил и называл имена таких святителей, но я забыл их.

24 мая

Я недавно просил у Батюшки благословения выписать цветочных семян и посеять у себя под окном. Батюшка благословил, сказав, что эта моя мысль – самая невинная. Батюшка тоже любит цветы, и прежние старцы любили. О. Анатолий, кажется, сам участвовал при рассаживании цветов.

Я с детства любил цветы. Бывало, сам копал грядки, клумбочки для цветов. Сажал, сеял, пересаживал. А иногда даже и воровал цветы у бабушки, за что мне в один прекрасный день и попало.

Мне иногда приходилось заменять келейников у Батюшки, правда редко и ненадолго. Иногда помогал Батюшке ложиться отдыхать после обеда. Батюшка всегда ложится с четками, надев их на руку. Однажды пришли к Батюшке на благословение только что поступившие и одевшиеся послушники. Я был в соседней комнате и слышал кое-что из наставлений Батюшки. Между прочим Батюшка сказал: «Никогда не ложитесь даже без четок, пусть они непременно будут при вас».

Я одно время спал без четок, а потом стал опять с четками, по примеру Батюшки. А теперь я узнал наверное, что нужно ложиться с четками.

Июнь. 6 июня

Многое нужно бы записать, да не знаю, удастся ли.

Когда Батюшка говорит о молитве Иисусовой, я всегда чувствую некоторое воодушевление и интерес. Так было на днях: «Был в Петербурге митрополит Гавриил. Жил он хорошо. Он много читал о молитве Иисусовой и сам несколько раз занимался ею, но, несмотря на это, все же у него были какие-то недоумения и сомнения относительно молитвенного подвига. Тогда он задает своим близким вопрос:

– Кто может разрешить мне мои сомнения и указать на главное условие успеха в молитве?

Ему отвечают:

– Владыка святой, позовите монаха о. Клеопу, он Вам, пожалуй, кое-что скажет.

– Едва ли,– говорит Владыка,– ведь он необразованный. Верую, что он хорошей жизни, но мне нужно не то... Ну, а все же, пусть придет.

Позвали к нему о. Клеопу.

– Ты кто будешь?

– Грешный Клеопа.

– Садись.

– Тот, молча, садится.

«Да, это должно быть, действительно, монах»,– подумал митрополит.– Я тебя позвал для того, чтобы спросить тебя, в чем заключается главное условие успеха в молитве? Можешь ли ты мне на это дать ответ?

– Успех в молитве достигается терпеливым пребыванием в молитвенном подвиге. Враг всячески старается оторвать подвижника от молитвы Иисусовой. С этой целью он борет и справа, и слева. То внушает мысли, что не стоит трудиться, ибо все равно ничего не достигнешь, смотри, мол, сколько времени ты трудишься и еще ничего не достиг.

Или борет с другой стороны, внушая мысли, что ты уже достиг святости, что уже не надо творить молитвы Иисусовой, что это совершенно лишнее. Также и подобные им помыслы будут бороться подвижника с целью сбить его с молитвенного пути, но он должен терпением побеждать их. т. е. терпеливо продолжать начатый подвиг молитвы и не прекращать его ни в коем случае,– это сказал о. Клеопа, зная хорошо эту борьбу из личного опыта.

Услыхав от о. Клеопы эти мудрые слова, Владыка обнял его, поцеловал и сказал:

– Ты в одну минуту разрешил все мои недоумения и вопросы.

Вот что значит опытное знание. Итак, в молитвенном подвиге главное – это терпение...»

Вчера, т. е. 5 июня, Батюшка решил дать себе небольшой отдых от суеты, поэтому и стал читать различные книжечки, из которых одна содержала в себе описание гонений на христиан первых веков. Прочтя вслух про гонения Диоклетиана, Батюшка сказал:

– Все эти гонения и мучения повторятся, очень может быть. Теперь все это возможно.– Кажется, Батюшка даже говорил, что все монастыри будут закрыты и имеющие власть христиане свергнуты, и что это время не за горами.

3 июня в 9 вечера к нам в Оптину приехал наш Калужский преосвященный Вениамин. Мы, скитяне, ходили встречать его в монастырь, а 4 июня Владыка служил литургию. С владыкой приехали два архимандрита, оба из Оптинских братий. Имени одного я не знаю, а другого зовут о. Лаврентий.

Меня позвали в алтарь, надели стихарь и поручили прислуживать за литургией и молебном о. Лаврентию. После литургии и молебна Владыка сказал краткое слово. Около часа он приехал в скит. Был дождь. Мы все встретили его. Владыка прошел в старый храм, затем к французскому графу Дю-Шайля, который помещен Батюшкой в нашем корпусе, насколько помню, 2 июня.

Кстати уже о графе. Его зовут Александр Максимович. Уверовав в истину православия в далекой Франции, кажется, в г. Лионе, он там же решил перейти в православие, что и сделал. Ему около 35 лет. Мать простила его, но отец не прощает и, кажется, даже проклял. Он, приехав воссию, был у митрополита Антония. Тот указал ему Оптину, и он жил в гостинице несколько месяцев. Он предполагает поступить в Духовную Академию.

12 июня

Сегодня день открытия мощей св. Благоверной княгини Анны Кашинской. Я, грешный, сподобился исповедать свои грехи...

Затем я вспомнил, что иногда у меня бывают помыслы, осуждающие Батюшку. Я сказал это Батюшке. Батюшка, выслушав, сказал:

– А вы отвечайте на это помыслу: «Это не мое дело, за это старец отвечает, а не я».

14 июня

Когда мы с Батюшкой ехали на дачу, я сказал:

– Батюшка, я вот замечал, что чтение книг безбожных и вообще несогласных с моим мирозерцанием, хотя и не изменяет моих взглядов, но все же оставляет какой-то осадок.

– Да,– отвечал Батюшка,– св. отцы и наши старцы советовали читать книги своего направления и чтением еще больше укреплять и развивать свое убеждение.

24 июня

Служил о. архимандрит с Батюшкой и о. Нектарием, Перед обедом пришел к Батюшке мальчик-реалист, лет 12–14-ти. Он оказался внуком о. [архимандрита Моисея](#), т. е. сыном племянницы о. Моисея.

18 июня приехали в Оптину мои три брата: Владимир, Сергей и Митрофан. 21 числа они уехали обратно в Москву. Спаси их, Господи. Но я мало нашел в них общего со мною. Я сказал об этом Батюшке.

– Да,– ответил Батюшка,– это метко определяет пословица: «Пути разошлись».

Они мало изменились по наружности. Кажется, мало изменились и в своем внутреннем устройении. Все же хорошо, что они приезжали в Оптину. Будем надеяться, что это им будет на пользу.

29 июня

Сегодня день ангела Батюшки. По мирскому имени он назван в честь ап. Павла. Батюшка собирается ехать на собор монашествующих в Троице-Сергиеву Лавру.

Июль. 1 июля

Сегодня утром в 4 часа Батюшка уехал с о. архимандритом в Калугу, откуда отправятся на съезд в Троице-Сергиеву Лавру. Вероятно, еще куда-либо заедут. Когда отошла утренняя, я пошел к Батюшке. Помолившись, Батюшка вышел через св. ворота к подъехавшему тарантасу. Когда он сел в него, то еще раз благословил всех нас, и лошади тронулись. Мне стало грустно, и я поспешил уйти в келию...

Когда Батюшка воротится? И кто мне его заменит? Придя в келию, я помолился и за Батюшку, и за себя. Не скрою, я поплакал.

Вчера, т. е. 30 июня, Батюшка дал мне полотняный носовой платок: «Возьмите от меня на память.»

– Спаси Господи, Батюшка, – ответил я.

Уезжая, Батюшка говорил, чтобы я во время его отсутствия занялся собой. Как-то на днях я каялся Батюшке, что проспал утреню. На это Батюшка ответил:

– Укоряйте себя, Бог простит. А вот когда я уеду, вы уже не просыпайте. Входите в прежние рамки. Займитесь это время собой... Побезмолвствуйте... Просыпание утрени и другие немощи происходят от недостатка решимости. Надо сделать во что бы то ни стало, тогда Господь помогает за такую решимость. Вот, например, вы решили оставить мир, и Господь помог вам, и вы его оставили. И так во всяком деле и всегда.

2 июля

14 мая в воскресенье на литургии читалось Евангелие воскресное и пророку Елисею ([Лук. IV, 22–30](#)). Это Евангелие кончается словами: «Он же (т. е. Иисус Христос) прошед просред их идяше».

Когда я вечером пришел к Батюшке на откровение и благословение, то он очень неожиданно для меня спросил:

– Вы помните, какое сегодня читалось Евангелие?

– Простите, Батюшка, забыл.

– Там говорилось, что евреи, разъярились на Господа, возвели Его на гору «да быша Его низринули». «Он прошед посред их идяше». Что же это значит? По отношению к Господу Иисусу смысл ясен, т. е. что иудеи до того разъярились на Него, что хотели Его сбросить с горы, но Он, пройдя среди них невредимо, пошел далее своим путем. А по отношению к нам это имеет другой смысл, а именно: разъяренные евреи обозначают страстные помыслы, которые тщатся ввергнуть нас в бездну. Но ум наш проходит сквозь них невредимо, и пройдя, оставляет их сзади себя, и идет вперед и вперед, приближаясь к Горнему Иерусалиму – Царству Небесному. Заметьте, не только проходит сквозь них, но идет и далее...

Георгий, Задонский Затворник, пишет про себя, что он, еще будучи в миру, был идеалистом, всюду искал красоты. Он и сам был красив. Познакомившись с одной красавицей, он даже сделал ей предложение, на что она согласилась. И кажется, в ту же ночь он видит сон: как будто перед ним стоит красавица, каких он никогда не видел, перед которой та, которой он сделал предложение – ничто. И он в изумлении говорит: «Кто ты? Как твое имя?» – «Мое имя – целомудрие,» – и он просыпается. «Так вот она где, красота! Ничего мне не надо». – И он удалился в затвор, все презрев.

Да, иногда Господь вразумляет и при помощи чувственных образов. Георгий-затворник в миру искал красоты, но искал там, где ее нельзя найти, не понимал он, что надо искать ее в совершенно ином, а Господь этим сном поставил его на путь истины.

17 июля

Сегодня в начале 10 часов утра приехал Батюшка. Дождь помешал покосу, мы шли с поля на паром, и увидели, что Батюшка с о. Пантелеймоном – иеродиаконом монастыря, тоже въезжают на паром. О подробностях, Бог даст, напишу после.

20 июля

О подробностях собора писать затрудняюсь, по разным причинам. Скажу только то, что все обошлось благополучно и мирно. Батюшка и о. архимандрит возвратились здоровыми. Все, слава Богу, хорошо.

Август. 2 августа

Недавно Батюшка говорил мне о молитве Иисусовой. Сочинения еп. Игнатия Брянчанинова необходимы, они, так сказать, азбука, слоги. Сочинения же еп. [Феофана Вышенского](#) суть уже грамматика, они глубже. Их даже преуспевшие читают с некоторым затруднением.

– Недавно один иеромонах,– сказал Батюшка,– спрашивал о молитве Иисусовой и просил меня указать книги. Я ему ответил. Он, видно, хочет познать эту молитву из одного чтения. Необходимо познать ее личным опытом, надо приступить к ней самому.

– Молитва Иисусова,– продолжил Батюшка,– безбрежное море. Невозможно исчерпать его. Невозможно всего описать в книгах. Многие начинают, но мало кто кончает. Поэтому мало имеющих внутреннюю молитву. Это великое делание теперь почти совсем забыто... Никто о нем даже не беседует.

Мы слишком отвлеченно думаем об адских муках, вследствие чего и забываем о них. В миру совсем забыли об этом. Дьявол всем нам внушил, что ни его (т. е. дьявола), ни адских мук не существует. А св. отцы учат, что обручение геенны, все равно как и блаженство, начинается еще на земле, т. е. грешники еще на земле начинают испытывать адские муки, а праведники – блаженство... только с той разницей, что в будущем веке и то и другое будет несравненно сильнее.

9 августа

7 августа в 8 часов утра в Оптину принесли св. икону Калужской Божией Матери. Было бдение в монастыре, куда ходили и мы, а после бдения с пением тропарей и кондака Божией Матери мы понесли икону в скит, где она стояла в старом храме всю ночь, а вчера утром, часа в три, Батюшка и другие служили перед иконой молебн с акафистом, после чего понесли по келиям. Вчера же все св. икону проводили до парома, а служащие с певчими отправились и далее, до каких пор – не знаю.

26 августа

Мало приходилось писать и редко, времени совершенно нет. На днях Батюшка говорил о том, как опасно уходить из монастыря, и в заключение рассказал такие два случая. Первый, кажется, современный, т. е. бывший, может быть, лет 5–10 назад.

«Один богатый купец имел сына, этот сын поступил в одну из св. обителей, но не ужился в ней и ушел в мир, т. е. из чертогов царских – в вонючее болото. Вскоре после ухода он женился и жил с женой и детьми в своем доме. Потом он понял, чего лишился, но было уже поздно. И вот однажды удалось ему как-то достать у старьевщика старый рваный послушнический подрясник. Принес он подрясник домой и в большие праздники удалялся в самую дальнюю комнату – моленную, надевал этот подрясник и предавался горькому плачу, вспоминая свое житие в св. обители.

И вот еще: однажды в баню пришел какой-то человек с маленьким сыном. Разделись. Отец сел на лавку, а сын все смотрит ему на спину. Тогда отец спрашивает сына:

– Ты что смотришь мне на спину?

– У тебя на спине, папа, какое-то черное пятно.

Тогда отец понял, что невинному чистому младенцу были открыты глаза, и что это черное пятно ничто иное, как параман, ибо он прежде был монахом»...

Сентябрь. 3 сентября

...Недавно, когда я провожал Батюшку в монастырь, мы, по обыкновению, зашли на могилы старцев. Поклонившись старцам, Батюшка указал рукой на памятник, стоящий прямо за главным алтарем Введенского храма. Потом спросил меня:

– Я вам рассказывал об этом памятнике?

– Нет,– ответил я.– Ну, так вы напомните мне как-нибудь, я вам расскажу.

Недавно я и напомнил Батюшке, а Батюшка мне рассказал следующее: «Давно это было, кажется, еще при старцах о. Льве и о. Макарии. Однажды в Оптину приехала молоденькая девушка именем Варвара, красавица собой. Ей очень понравилась Оптина. Но все же нужно уезжать, и она поехала со своей матерью из Оптиной. Едут, а по дороге из Козельска несут на кладбище гроб. В гробу лежит молодая девушка.

Тогда был обычай (едва ли он теперь сохранился), что девушку на кладбище всегда должны нести тоже девушки. С этой целью, когда одна такая умирала, собирали отовсюду девушек, одевали их в белые одежды, украшали цветами, тоже белыми. Они все вместе брали на руки гроб, тоже белый и украшенный белыми цветами, и несли его сами на кладбище. Вот такая похоронная процессия и встретила на дороге этой девице Варваре. Она, полная восхищения от этой картины, воскликнула:

– Вот счастливая, вот счастливая.

Мать удивилась этим восклицаниям и говорит:

– Что ты, глупая. Я тебя повезу в Москву и Петербург. Там ты будешь у меня первой красавицей на балах.

Но дочь не слушала ее, пораженная этой белой похоронной процессией.

Приехали они домой, но чистая девушка почувствовала себя чужой среди блеска и роскоши и захотела опять в Оптину. Наконец отпросилась и поехала. В Оптиной она поговела, приобщилась и собралась уже ехать домой. Села в тележку и поехала, но когда стала спускаться к реке Жиздре, лошадь вдруг понеслась и прямо в Жиздру. И когда выловили девушку, она была уже мертва.

Собрались на совет старцы: что делать и где хоронить эту девушку. И решили похоронить ее за главным алтарем, дав ей первое место в своей пустыни за великую ее любовь к Оптиной. Вот такая девица Варвара.

Видите, как Бог слышит молитву и видит восторг чистой невинной души, не огрубевшей в земных удовольствиях. Она сочла только счастьем, а Господь исполнил ее желание...»

5 сентября

Рассказал мне Батюшка и про о. архимандрита Моисея: «Однажды мужичок привез в Оптину целый воз яблок для продажи, ибо тогда еще в Оптиной не было яблок, т. е. садов. О. Моисей вышел к мужичку и спросил:

– Какие это яблоки и какая цена?

Мужичок, думая, что о. Моисей не понимает толку в яблоках, хотел обмануть и отвечает:

– Это – «Добрый крестьянин», яблоки – первый сорт.

О. Моисей видит, что это недозрелая антоновка и говорит:

– Как, как они называются?

– «Добрый крестьянин».

– Да этого крестьянина не Антоном ли звали?

Мужичок понял, что о. Моисей узнал сорт яблок и в смущении отвечает:

– Простите, батюшка, значит мне обратно ехать?

– Зачем? Позови ко мне о. эконома.

Когда тот пришел, о. Моисей приказал ссыпать яблоки в подвал, а мужичку дал ту цену, какую он запросил с самого начала...»

8 сентября

6 сентября Батюшка рассказал мне про о. игумена Вениамина Наифской пустыни, что около Казани. Рассказ был о том, что в отношении ученика к старцу главное – вера ученика.

– Если спрашивают с верой, то Господь по вере спрашивающего и открывает ему Свою волю. Даже мирские священники по вере обращающимся к ним открывали волю Божию. Святые отцы говорят, что если с верою спросить младенца, то и через него Бог откроет Свою волю. А если спрашивать с испытующим духом, то Бог внушит и пророку сказать ложь.

Я вам не рассказывал про о. игумена Вениамина, как он, не имея никого, к кому бы мог обратиться за советом, решил спросить у первого встретившегося ему младенца. Давно у него было желание построить колокольню в обители, а средств и благодетелей не было. Тогда он решил пойти в ближайшую деревню и у первого младенца спросить: строит колокольню или не надо. Идет, проходит около версты и видит, что идет женщина с маленькой девочкой. Когда они приблизились к нему, он, благословив их, спрашивает девочку:

– Как тебя зовут?

Та отвечает:

– «Мася».

– Сколько тебе лет?

Она отвечает, что ей чуть ли не 30 миллионов лет, а мать сказала, что ей около четырех лет.

– Ну, хорошо, так скажи мне: строить мне колокольню или нет?

– Шстрой (т. е. строй).

– Спаси тебя Господи, деточка, – сказал о. игумен и возвратился в обитель. В этот же день приказал он нанимать рабочих, готовить леса и вообще сделал надлежащие распоряжения. На следующий день приходит к нему какой-то подрядчик и говорит:

– Вот, Батюшка, явилась у меня мысль пожертвовать вам в обитель заготовленный у меня кирпич – один миллион штук, только смущаюсь я тем, что вам некуда будет употребить.

А о. игумен и говорит:

– Спаси вас Господи, ведь я начал строить колокольню, и кирпич очень нужен.

– Ну вот и слава Богу, – отвечает подрядчик, – так я вам сегодня же начну перевозить кирпич.

И пошло дело, и выстроил хорошую колокольню. Вот видите, что значит вера...

20 сентября

Числа 16–17 Батюшка прочел мне 1–2 страницы из своего дневника. В этот же день произошли некоторые события, имеющие связь с тем, что Батюшка прочел мне. Об этом писать я буду позже, если Бог даст, ибо это имеет великую важность, а без благословения Батюшки я не решаюсь.

15 сентября была прекрасная лунная ночь. Когда я пришел на благословение к Батюшке, Батюшка сказал мне, что ему хотелось бы пройтись по скиту, но что нет на это возможности. И вспомнил Батюшка те времена, когда в такие чудные ночи он имел возможность ходить по скиту:

– Хорошо бывало тогда у меня на душе, отрадно и покойно. Похожу по скиту и возвращаюсь потом в келью свою. А в келии у меня было всегда чистенько, перед иконами сияет лампадочка, а в окно смотрит поющая и ликующая ночь, наполняя мою келию синим светом... Да, бывают в жизни иногда такие минуты, что их никак нельзя передать на словах. Я не могу передать вам то блаженство, какое я тогда испытывал, необходимо самому это почувствовать... Вот и теперь такая же поющая и ликующая ночь. Мир вам. Идите с Богом.

Я пошел от Батюшки с каким-то тихим, хорошим настроением. Быть может, Батюшка поведал мне часть своих чувств, высоких и святых, насколько можно было передать их на словах и насколько могла их воспринять моя душа.

Выйдя от Батюшки, я пошел тихо и остановился взором на кресте перед колокольней, облитой лунным светом. Я залюбовался этой картиной. Дубы и сосны стояли неподвижно, получив от лунного света какую-то особенную красоту. Все молчало, в безмолвии своем поя хвалебную песнь Вседержителю Богу. И я стоял безмолвно и неподвижно, как бы боясь нарушить эту тишину. Наконец, я пошел в келию и встал на молитвенное правило – пятисотницу.

17 сентября Батюшка говорил на утрени слово, напоминая нам о том, где мы и зачем сюда пришли. Между прочим, Батюшка говорил, что «сущность нашего иноческого жития – борьба со страстями... и что нельзя самочинно проходить путь иноческой жизни...»

23 сентября

Утром, когда я пришел к Батюшке для занятий, Батюшка сказал мне:

– Вы поступили в скит через святителя Трифона. Это – великое дело. Конечно, в лице его действовал своими молитвами св. мученик Трифон. Вы должны ему молиться каждый день. Быть может, вы его какой-нибудь потомок, святые зорко следят за своим потомством. Ведь вы знаете, какая благодать дана св. мученику Трифону. Он охраняет от злых духов.

– А вот, Батюшка, я прочел его житие перед первым моим приездом в Оптину. Оно мне понравилось, но то место, где повествуется, что святой приказал бесу явиться в лице черной собаки, мне тогда не понравилось, ибо я тогда этому не очень верил. Я имел о духах самое отвлеченное и строго не вещественное понятие. И вот что я сейчас вспомнил: когда я жил у о. Кирилла (умер иеросхимонахом Кириаком), еще в первый мой приезд в Оптину, явился один из запоздавших посетителей. Было часов 9–10, когда он подошел к гостинице и видит, что дверь заперта. Тогда он постучал ко мне в окно и попросил, чтобы я ему открыл. Я пошел открывать, но не взял с собою огня, а была темная весенняя ночь (Великим постом было дело).

Я отворил дверь и жду, когда придет этот постоялец, чтобы запереть дверь опять, и вдруг вижу, что из тьмы как бы отделяется тьма и двигается ко мне, и входит на лестницу уже в виде черной собаки средней величины, наклонившей голову немного набок, медленно переступает она лапами по ступеням и идет к двери. Я в страхе захлопнул дверь, и все исчезло. Через несколько секунд вошел постоялец, я ему, конечно, не сказал ни слова.

– Господи, – сказал Батюшка. – Господи, – и, помолчав, продолжал, – всегда захлопывайте дверь, когда к вам будет приходить эта собака. А она будет приходить, она не оставит вас, еще много раз придет к вам...

26 сентября

Сегодня день моего рождения по плоти, мне исполнился 21 год. Вчера Батюшка благословил меня иконой Нерукотворенного образа.

25 числа, когда я с Батюшкой трапезовал, у нас началась беседа, и много хорошего было сказано. Батюшка сказал, чтобы я прочел теперь же из «Невидимой брани» о четырех страшных и последних искушениях, бывающих перед смертью. Надо знать их и готовиться к ним...

Я как-то начал писать, но не дописал, быть может, допишу сегодня. 16–17 сентября Батюшка прочел мне немного из своего дневника и сказал:

– Я писал тогда каждый день и перечитывал свой дневник так: приходит, положим, 20 августа или другое число, и я беру все свои дневники и прочитываю то, что думал, чувствовал и делал в то же число и месяц в другие годы. Великое дело – так следить...

В 1888 году 17 сентября я видел сон, будто входит ко мне в номер Старец и, указывая на часы, спрашивает:

– Сколько времени?

Я отвечаю, глядя на часы:

– Полчаса седьмого.

Старец опять:

– Сколько времени?

Я отвечаю:

– Полчаса седьмого.

Старец опять:

– Сколько времени?

Я даже в некотором раздражении:

– Полчаса седьмого.

Старец:

-Через три года в этот день и час ты умрешь.

И я просыпаюсь, подхожу к окну, отдергиваю занавеску, беру стоящие на столе часы и смотрю: они показывают 35 минут седьмого. Я был поражен: вот какие еще сны бывают, соответствующие действительности. И подумал я: надо исправлять свою жизнь.

Проходит два года, уже и третий подходит к концу, наступил уже сентябрь месяц. Значит скоро умру. Поехал я тогда в Раифскую пустынь. Приехал я туда 13 сентября, в день обновления храма Воскресения. Была пятница. 14 сентября – Воздвижение Креста, а тогда как раз на новую

колокольню подымали крест, и подумал я: не мой ли это крест возносится? 15-го было воскресенье. Я подготовился и 17 числа приобщился св. Христовых Таин, но не умер. Пришел к себе в гостиницу, в номер и думаю: не поступить ли в св. обитель? И начал подыскивать себе место. И в этот же день 17 сентября 1891 г. я получил от о. Амвросия благословение поступать в скит (смерть для мира). Это было его последнее благословение. Смотрите, как все премудро происходило.

27 сентября

-Все это предзнаменовало то, что предстояло мне в духовной жизни: 13 сентября – обновление храма, это значило, что мне надо прежде обновить храм свой душевный. Затем 14 сентября – Воздвижение креста, т. е. что когда храм обновлен, то на него надо воздвигнуть крест, крест духовной жизни. Это воздвижение бывает и общее, и частное. Оно бывает с каждым человеком, но многие, проживши всю свою жизнь не заметили ничего подобного. И, наконец, 15 сентября было воскресенье, т. е. когда на мой душевный храм воздвигнут крест, и душе остается только воскреснуть к духовной жизни.

Затем Батюшка говорил о тех скорбях, которые он переносил, будучи послушником, и на которые он в душе своей отвечал так:

– Лучше умру, а не уйду из скита.

К Батюшке был не расположен скитоначальник о. Иосиф, будучи раздражаем по действию диавола другими. Зная это, я спросил:

– Как же вы относились к о. Иосифу?

-Я относился к нему как к своему начальнику, на все брал у него благословение, например, выйти из скита и пройти. Я только перестал открывать ему помыслы, а стал открывать их о. Венедикту, и то решился на это не иначе, как с благословения о. Иосифа.

28 сентября

Сегодня проспал до 7 часов и не успел даже вычитать часов. Спросил у Батюшки за чаем, когда нам ехать в Москву, на что Батюшка отвечал:

– Да вот поезжайте 1 октября вечером, в навечерие свв. Киприана и Иустинии, которым дана благодать охранять от брани блудной страсти и всякого увлечения плотского, а это вам предстоит.

29 сентября

27 числа в воскресенье Батюшка сказал мне:

– Если Богу угодно, и вы займете какое-либо начальственное положение в монастыре, то знайте, что это – тяжелый крест. О. Амвросий говорил: «Монаху простому нужен терпения воз, а настоятелю – целый обоз». Затем Батюшка говорил, как побеждать страсти, чтобы приобрести чистоту сердца: для этого необходимо читать жития святых и современных подвижников, как живые яркие примеры этой борьбы со страстями, и вообще читать святоотеческие писания...

Сегодня ходил с Иванушкой к о. архимандриту за благословением ехать в Москву. Он благословил и выдал нам удостоверение.

Октябрь. 1 октября

Сегодня вечером думаем выехать из скита. Ходил в монастырь, в лавку и на могилки старцев, и просил их св. молитв. В 9 часов служили молебен Спасителю, Божией Матери, св. Иоанну Предтече, св. Николаю, св. Киприану и Иустинии деве и всем святым.

Сейчас прошелся по скиту. Тишина в скиту. Слышно даже, как падает лист в лесу. И из этой-то тишины я теперь собираюсь ехать в суету и шум московской городской жизни.

19 октября. Понедельник

Вот снова я в скиту. Опять те же сосны глядят на меня с высоты. Опять тот же простор и тишина... Постараюсь записать все по порядку... Утром 16 числа я с Иванушкой пошли к еп. Трифону. По дороге зашли в часовню Спасителя и в Казанский собор... Остальное время я провел дома. На прощанье прочитал домашним мои выписки из аввы Дорофея, еп. Игнатия и проч.

Утром 17 числа мы приехали в 10-м часу на скитский конный двор, слезли с тележки и отправились к Батюшке. На трапезе был некто «Поселянин», мне Батюшка говорил про него и прежде.

Побеседовать с Батюшкой еще не приходилось как следует, все больше урывочками да и при людях. Но часто вижу, что Батюшка доверяет мне и любит меня. Когда мы были у вл. Трифона, он спросил нас:

– Ну, как вы там живете, как чувствуете себя?

Я отвечал, что все слава Богу, хорошо.

– Да,– продолжал Владыка,– когда о. архимандрит и о. игумен по дороге в Лавру останавливались у меня, я спрашивал о. игумена о вас. И скажу вам, он относится к вам сердечно.

22 октября вечером

...Сейчас мне нет времени все записывать. Под конец разговора Батюшка сказал:

– Знаете, говорят, что есть у нас в Оптиной великий подвижник, имеющий дар внутренней молитвы?

– Нет, Батюшка.

– Это рясофорный слепой послушник о. Иоанна.

26 октября

После чая я спросил Батюшку:

– Может ли быть Иисусова молитва в человеке страстным?

– Может, – отвечал Батюшка, – может, но вот как: в первый период молитвы Иисусовой страсть, действуя в человеке, побеждает его, а во второй период при всяком возбуждении страсти человек побеждает страсть. Страсть остается в человеке до самой смерти, и бесстрастие может быть только относительное. Это мы можем видеть из того, что многие подвижники (напр. преп. Иаков), проведя всю жизнь в подвигах, впадали в грех.

Я помню, в Казани был блаженный Николушка. Он говорил, обращаясь к людям доброй жизни: «Как покойники-то? Спят?». Я тогда не понимал смысла этих слов, и понял их только здесь в скиту, и удивился глубине смысла их. Он страсти называл покойниками. Покойник лежит, значит он существует, а не исчез, ибо мы его видим. Так и страсть в проходящем молитвенный подвиг и достигшем уже внутренней молитвы подобна покойнику.

Я спросил:

– Непарение мысли, т. е. внимательность при молитве считается первым даром в любом случае, или это касается только молитвы Иисусовой?

Батюшка ответил, что только молитвы Иисусовой. А когда я пришел на благословение и стал на колени, Батюшка сам начал говорить:

– Спрашивают, как легче спастись? Один только смиряется, а не трудится, а другой только трудится целый день на всех послушаниях, а другой смиряется – с таким вопросом обратились к пр. Варсонофию Великому, а он ответил (я говорю, конечно, приблизительно к его словам): «Чадо, ты не так ставишь вопрос. В псалме сказано: «Виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя...» Отсюда ясно, что истинное смирение никогда не бывает без труда, а истинный труд никогда не бывает без смирения: одно должно быть необходимо сопровождается другим, иначе мы не будем получать никакой пользы. А если будем и трудиться, и смиряться, как сказано в псалме: «Виждь смирение мое и труд мой», то получим награду – оставление грехов, как сказано: «И остави вся грехи моя». Поэтому необходимо упражняться и в том и в другом».

27 октября

Вчера опять с Батюшкой читали об Иисусовой молитве. Под конец беседы Батюшка Заповедал мне творить молитву Иисусову устную и на военной службе, но хранить эту тайну, не открывая ее никому, не уча никого, хотя, быть может, и будут встречаться люди хорошие.

– Теперь решают так,– говорит Батюшка,– молись, не молись – все равно не достигнешь молитвы. Теперь прошли те времена. Это, конечно, внушенная дьяволом мысль. Иисусова молитва необходима для входа в Царство Небесное. Многим бесполезно иметь внутреннюю молитву, ибо они могут возгордиться этим. Поэтому Бог дает молитву молящемуся, но не достигшему внутренней молитвы, дает или перед смертью, или даже после смерти, ибо и по смерти идет рост молитвы Иисусовой. Когда я это прочитал, я усомнился; верно ли я это понимаю? И начал искать подтверждения этому и нашел во многих творениях св. отцов, а также и у Паисия Величковского. А теперь мы прочитали еще и здесь (в книге «На горах Кавказа»). Это меня очень радует.

31 октября

Сейчас возвратился с утрени. Немного думаю отдохнуть, попить чайку и в семь часов выезжать в Козельск для призыва на военную службу. Сейчас, слава Богу, нет ни уныния, ни страха. Быть может оттого, что даже не верится, как я могу покинуть, хотя и на время, милый скит и Батюшку.

Ноябрь. 1 ноября

Вчера в полчаса седьмого я отправился к о. архимандриту, первый его келейник, брат Феодор, тоже призывается, мы вместе и поехали в Козельск.

Вчера была только поверка, но продержали нас порядочно – 10 до 5 часов вечера.

3 ноября

Сегодня около 3 часов дня пришла мне очередь ставиться. Я вышел, когда меня вызвали: начался осмотр. Признали расширение жил на левой ноге, и я зачислен в ополченцы 2-го разряда, т. е. мне теперь служить не придется.

Батюшка так обрадовался, даже несколько раз переспросил. Потом, когда мы вышли, Батюшка сказал:

– Должно быть, еп. Трифон молился за вас.

После трапезы многие обступили меня и начали расспрашивать, я старался каждому из них ответить на его вопрос.

5 ноября

Сегодня ходил к о. архимандриту за благословением продолжать монашескую жизнь. Внешне ничего не изменилось, но все-таки приходится настраивать себя на монашескую жизнь. Поездка в Москву, все ожидания и думы, и в особенности четырехдневное пребывание в Козельске среди новобранцев, оставили некоторый след. Но Бог даст, все снова пойдет своим чередом. Брат Кирилл прислал мне открытку, спрашивает, как мое дело. Спаси его, Господи, за память. Иванушка 1 ноября снова уехал в Москву лечить зубы еще. А я послал маме письмо, сообщая о моем положении.

7 ноября. Суббота

Приехал Иванушка из Москвы. Побеседовать с ним не пришлось, скоро бдение. Батюшка служит.

8 ноября

Вчера на бдении Батюшка говорил нам слово вместо поучения.

– Сегодня,– говорил Батюшка,– святая Церковь празднует в честь св. бесплотных Сил Небесных, в лике которых св. Архистратиг Михаил занимает одно из первых мест. Я помню, когда я был еще новоначальным послушником, был какой-то праздник, и скитская братия была в монастыре. Когда все стали подходить ко кресту после обедни, я слышу, что стоящий около меня человек, нагнувшись к мальчику, по-видимому, его сыну, говорит:

– Вот смотри, идет ангельский чин.

Эти простые слова очень повлияли на меня. Да, действительно, монах должен быть подобен ангелу.

Св. Иоанн Лествичник говорит, что вместе с монахами борются и ангелы, т. е. что монаху в борьбе со страстями и дьяволом помогают ангелы. Бывший прежде ангел – Денница, а ныне отверженный падший злой дух – дьявол везде и всегда старался и старается посеять злобу, вражду и всякое возмущение. Он воздвиг гонение на христиан, он породил массу ересей, он воздвигал всякие немирствия и беспорядки, и ныне он старается посеять то же самое, и увы, часто успевает.

Ко мне приходят вести, что один ропщет или скорбит на другого, а один обижен другим. Ко мне приходят с жалобами. А что я отвечаю таким? Конечно, одно: надо помириться; пойди, попроси прощения, поклонись... Некоторые, к сожалению, медлят, и проходит иногда значительно время во вражде. Это не должно быть так, честные отцы и братия. Монах должен быть исполнен любви к Богу и ближнему. Что такое монах? Монах есть исполнитель всех заповедей Божиих. А все заповеди сводятся к двум: 1) Возлюби Бога всем сердцем твоим, всею душою своею и всею крепостию своею и 2) Ближнего твоего, как самого себя. Эти две заповеди совмещают в себе весь закон и заповеди Божии. Ангелы на небесах в любви. Вся жизнь монаха должна быть – любовь.

Наши великие старцы: отец Лев, о. Макарий, о. Амвросий, о. Анатолий – действительно имели любовь эту. А какой чести и славы сподоблялись они еще при жизни за эту любовь, можно видеть из следующего. Когда Батюшка о. Анатолий по приглашению о. Иоанна Кронштадтского поехал для соборного служения с ним, и когда началась литургия, то о. Иоанн увидел, что с о. Анатолием служат два ангела.

Неизвестно, видел ли их сам о. Анатолий или нет, но о. Иоанн ясно видел их...

Я счел нужным напомнить вам именно в этот день о высоком назначении монаха... Да будет между нами согласие и любовь. Старец преклонных лет о. иеросхимонах Игнатий, скончавшийся лет 12 назад, говорил мне так: «В мое время вся Оптинская братия отличалась взаимным согласием и любовью, а в особенности скитяне». Постараемся, братие, и мы следовать этому...

Иногда выражают мне некоторые свое желание высшей монашеской жизни, высших подвигов. А что может быть выше прощения обид, оскорблений, терпения скорбей и немощи братской? Вы, вероятно, помните случай из жития прп. Пахомия. К нему приходит инок и говорит: «Авва, благослови меня, я хочу предать себя на мучение, дабы иметь мученический венец». А прп. Пахомий говорит: «Ни, отче, советую тебе оставаться в обители, нести всю тесноту иноческого жития и немощи собратий и отречься от своей воли,— и это вменится тебе в мученичество».

Видите, значит всякий монах, терпящий все благодушно, имеет мученический венец.

Это слово мне очень понравилось. Батюшка говорил, что смирение и любовь – самые высокие добродетели и должны быть исключительной чертой всякого монаха.

14 ноября

Помню, за 2–3 дня до призыва Батюшка многое говорил о себе, главным образом, про монашескую жизнь. Говорил Батюшка, как трудно ему приходилось, когда он был рясофорным монахом, какие были на него гонения:

– Я все это говорю вам для того, чтобы показать, что нам нужно надеяться только на Бога. Иногда приходилось так, что впору уходить из скита. Но я решил: лучше умереть, нежели уйти. Я имел твердую надежду на Бога и Его Пречистую Матерь... И кто тогда мог подумать, что этот всеми уничижаемый послушник через несколько лет будет игуменом скита и старцем?.. Не напрасно сказано в псалме: «Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в них же несть спасения, а на Бога». Только эта твердость и вера помогли мне перенести все это. Но при всех этих скорбях Господь неизреченно утешал меня. Любил я читать св. отцов, а в особенности, Псалтирь,– и какие глубины открывались мне. Так вот я вам и говорю: всегда надейтесь только на Бога, но никак не на человека. Тогда всякое зло будет отпадать от вас, как отрубленная ветка».

Хочется записать одну из бесед с Батюшкой о молитве Иисусовой. Помню, когда я пришел к Батюшке под впечатлением прочитанного в книге «На горах Кавказа», Батюшка сказал:

– Я долго не мог понять, что такое соединение ума с сердцем. В сущности говоря, это означает соединение всех сил душевных воедино для устремления их всех к Богу, что невозможно при разъединенности их. Этот закон единения я усматриваю не только в молитве Иисусовой, а везде. Какую, например, имеют красоту нота или звук, взятые в отдельности или в беспорядке? Можно сказать, никакой. Но эти же самые звуки в произведениях гениальных композиторов дают нам воспринять великую силу и красоту. Про живопись и др. я уже не буду говорить... В наших беседах с вами я не ограничусь этим, я пойду далее. Это такой узел, что сколько его ни развязывай, он все будет узлом.

Молитва Иисусова не имеет пределов... Ум, когда упражняется в чтении св. Писания, молитве и тому подобном, очищается от страстей и просветляется. Когда же он погружен только в земное, то он становится как бы неспособным к пониманию духовного.

Страсти легко побеждать в помыслах, но когда они перейдут в слова и дела и укоренятся, то – очень трудно, почти невозможно...

Много говорил Батюшка, но где же все упомянуть, как все записать...

19 ноября

Третьего дня, т. е. 17 ноября, Батюшка рассказал нам с о. Никитой, как ровно двадцать лет назад, 17 ноября 1889 г. он чуть не умер. В августе 1889 года числа 26–28 Батюшка был в первый раз у о. Амвросия.

На желание Батюшки поступить в монастырь о. Амвросий посоветовал ему дослужить до пенсии, т. е. еще два года прослужить, и тогда поступать, а пока жить в миру богоугодно и до Рождественского поста, т. е. с августа до 15 ноября, поговеть 4 раза. Это Батюшке показалось странным и непонятным: почему так? Но все было исполнено, и вот 17 ноября Батюшка вдруг почувствовал себя дурно, послали за доктором и за священником:

– А мысль мне говорит: ты сейчас умрешь. Я только об одном молил Бога, чтобы приобщиться св. Таин. Ужас смерти овладел мною. Наконец, приходит священник. Начал меня исповедовать, я ничего не могу сказать, только «грешен», «грешен». Священник сделал мне несколько вопросов, разрешил меня и приобщил. Я успокоился, хотя доктор сказал, что до утра едва ли доживу.

Я лег на кровать, накрыли меня одеялом, и я остался один. Вдруг слышу, словно какой-то голос с неба: «Дон» – это ударили к утрени в женском монастыре, а в душе моей кто-то сказал: «Будешь жив...» Мне стало страшно, и я уснул. На утро мой денщик приходит и поднимает осторожно с головы моей одеяло, думая увидеть меня уже умершим, а я ему говорю:

– Ты что, Александр?

Денщик обрадовался и говорит:

– Да Вы живы, Ваше Высокоблагородие?

– Да, жив.

Отвечаю, хотя после этого и лежал два месяца, борясь со смертью. Я просил раскрыть дневное Евангелие и прочесть мне его. Александр взял и начал читать притчу о бесплодной смоковнице: «Во грядущее лето посечеши ю, аще не сотворит плода». Я и подумал, что действительно, я бесплодная смоковница, хотя и полагал раньше, что имею разные добродетели, потому что был по внешности исправен. И решил я переменить свою жизнь. Ждал я смерти и на следующий год в этот день, но остался жив, и ныне уже прошло двадцать лет с того времени...

22 ноября

Все утро до трапезы был у Батюшки. Батюшка зачем-то ездил в монастырь, кажется к о. архимандриту. По возвращении из монастыря, Батюшка мне рассказал, что получил письмо из Москвы от бывшей у него девицы Самариной. Она принадлежит к высшей аристократии. Когда она была у Батюшки, она говорила, что у нее болит нога неизлечимой болезнью, что все доктора г. Москвы отказались излечить ее. Это продолжалось, кажется, восемь лет. Батюшка посоветовал ей съездить к пр. Тихону. Она съездила, и вот прислала письмо, что в два дня исцелилась.

23 ноября

Сегодня я читал сутки. Служил Батюшка с о. Нектарием. После панихиды Батюшка сказал краткое слово, напоминающее нам о нашем высоком иноческом звании, в особенности о соблюдении заповедей: о любви, послушании, нестяжании. Как на высокий пример исполнения этих добродетелей, Батюшка указал нам на наших великих покойных старцев о. Макария и о. Амвросия, память которых мы сегодня почитаем (день ангела при крещении) . Опять Батюшка благословил прочитать их жизнеописание.

24 ноября

Сегодня во второй раз приехал к Батюшке келейник о. Илариона – составитель книги «На горах Кавказа». Привез с собой мальчика лет 18-ти с просьбой принять его в нашу обитель.

Кстати уже запишу слова пр. [Симеона Нового Богослова](#) о внутренней молитве Иисусовой: «Если кто не соединится с Господом Иисусом здесь на земле, то и никогда не соединится с ним».

Это мы с Батюшкой прочитали в книге «На горах Кавказа», в том месте, где говорится о необходимости молитвы Иисусовой. «Это страшные слова, – говорил Батюшка, когда я был еще послушником. Я начал искать подтверждения сему, ибо это говорит только один пр. Симеон. И вспомнил текст Евангелия: «Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят». Если переставить слова, выходит так: Бога узрят только чистые сердцем. А внутренняя молитва Иисусова и есть соединение ума и сердца для устремления к Богу...»

Я не помню слова Батюшки в точности, а поэтому боюсь писать смело, так как могу написать что-либо неправильно.

26 ноября

Вчера вечером долго занимались с Батюшкой делом. Только под конец Батюшка рассказал про себя, как Господь охранял его от женского пола в миру, как не попустил ему жениться, хотя и было много невест...

– Я помню, когда я был маленький,– рассказывал еще Батюшка,– у нас была картина в доме. Она изображала следующее: стоит Петр Великий, а перед ним на коленях молодой человек, около которого стоит его отец, приговоренный к ссылке в Сибирь за какое-то преступление. Этот молодой человек просит Петра I освободить его отца, потому что он стар, не сможет перенести тяжелых трудов, кроме того в нем нуждается семья.

– Лучше меня сошли в Сибирь вместо отца, ибо я молод, силен и свободен,– сказал юноша.

Петр Великий прослезился и ответил:

– Освобождаю этого отца за то, что у него есть такой сын.

Так мне рассказал про эту картину мой отец, и учил меня молиться за него. Да и вообще учил меня молиться: возьмет, бывало, меня и поставит с собой и велит прочесть «Богородицу», «Царю Небесный» и еще что-либо. Учил меня читать 90-й псалом, и я его тогда выучил наизусть в один день. Конечно, я и теперь молюсь за него каждый день...

Вечером

Сейчас возвратился от Батюшки. Очень устал. Батюшка говорил мне о покойном о. Анатолии, великом старце:

– Он любил Бога, как только можно было Его любить. И это чувствовалось всякому, кто к нему приходил...

29 ноября

Вчера за бдением Батюшка говорил слово о внешнем и внутреннем монашестве. Говорил хорошо. Указывая на поучения пр. аввы Дорофея, как на прекрасные, поучающие нас внешнему и внутреннему монашеству.

Вот пр. Дорофей и учит, как соединять одно с другим. Внутреннее монашество есть очищение сердца от страстей при содействии молитвы Иисусовой.

Декабрь. 5 декабря

Сподобил меня Господь принятия св. Христовых Таин.

Припоминается мне Батюшкина беседа о г. Погожеве, известном более под псевдонимом «Поселянина». Он пишет статьи духовно-нравственного содержания.

– Вы себе представить не можете, какая громадная разница между теперешним его лицом и прежним. Ничего нет общего...

Я помню был он у нас в скиту за трапезой лет 15–17 назад. Я сидел в уголке около портрета о. Паисия Величковского, а он сидел на первом месте около иеромонаха. Я залюбовался им. Не подумайте, что я говорю про телесную красоту, нет, я говорю про внутреннюю красоту, которая выступала наружу в выражении его лица и даже во всех его движениях.

Было лето, окна в трапезе были растворены. Он сидел как раз перед окном, спиною к читающему. Помню, подали уже второе или третье, он скушал две-три ложки, и, положив ложку, устремил свой взгляд в окно, и чувствовалось мне, что смотрел он на храм, на чудные сосны, затем все выше и выше в голубые небеса с мыслью о великом и бесконечном Боге. Я подумал тогда: – Господи, каким же должен быть внутренний мир этого человека?... До тех пор я уже знал его по сочинениям, а тогда и просто полюбил его. Я попросил о. Иосифа благословения познакомиться с ним, и о. Иосиф прислал его ко мне в келию, и там была у нас беседа с ним первая и последняя...

Вот я ему и говорю теперь, когда он был у меня:

– Вы помните тогдашнюю нашу беседу?

– О, да, она вся у меня здесь, – он прижал руки к сердцу.

– Помните, я тогда говорил о внутреннем или, как его называют иногда, о мистическом монашестве, которое вам собственно и нравится... Так вот поступайте к нам в скит, вам еще не поздно. Но только не думайте, что сразу нужно на небо взлетать и мертвых воскрешать. Нет, сначала нужно упражняться во внешнем монашестве, перешагнуть его, а приступать сразу ко внутреннему нельзя, нужно потерпеть всякие скорби, унижения и озлобления и внутри себя от диавола, и совне от неразумных собратий. Сначала нужно пройти весь искус. Иногда даже будете чувствовать отвращение и ненависть к монашеской жизни. Нужно испытать борьбу со страстями, стяжать смиренное о себе мнение и многое другое. Поступайте к нам в скит, дам вам келию. Будете ночью выходить

любоваться чудным звездным небом... И сами посудите, что принес вам мир? Какую получите вы от него пользу?

– Хорошо. Теперь я буду приезжать в скит. Ну, а если я поступлю в скит, то меня заставят бревна таскать, а я этого не могу...

– Нет, вас не заставят бревна таскать, прежде всего потому что вы не сможете ни одного бревна поднять. Послушание всегда дается сообразно с силами...

– Видите, вот в этом у него дикое понятие о монашеской жизни, хотя про монашество он всю жизнь писал. А почему? – потому что не проходил личным опытом монашеской жизни.

Когда Батюшка кончил говорить, я спросил:

– А что нужно относить к внешнему и что к внутреннему монашеству?

– Над этим вопросом потрудились много и еп. Игнатий, и еп. Феофан. Еп. Игнатий написал об этом отдельную статью во втором томе, а еп. Феофан отдельную книгу «Внутренняя жизнь». Внешнее монашество – это упражнение в подвигах: пост, бдение, сюда же относится исправное по внешности посещение церковных служб, трезвенность и пр. А внутреннее монашество – это борьба со страстями, очищение сердца.

7 декабря

Запишу некоторые слова Батюшки. Помнится, однажды, перед вечерними молитвами, Батюшка сказал так:

– Долго я не понимал слов псалма: «Глас Господа, посещающий пламень огня», и уже в монастыре я подумал так: на земле мы имеем огонь, пламень которого имеет и жар, и свет. Но между адом и раем огонь разделяется так: свет находится в раю и веселит праведников, а жар без всякого света жжет грешников в аду, ибо пишется, что бездна адского пламени находится во тьме, и даже грешник не может видеть никого другого... Господи, спаси и помилуй. Чем хочешь накажи, Господи, здесь, только помилуй там.

Сейчас приходил Иванушка. Он в очень опасном положении: он все хочет уходить, сам не знает куда, говорил, что на Афон. А мне думается, что это просто вражье искушение. Он ухватился за одну мысль, что если не получаешь пользы в известном месте, то ищи другое. Да спасет его Господь.

9 декабря

Вчера вечером я оставался у Батюшки до пол часа первого ночи. Пока Батюшка слушал вечерние молитвы, я пошел в моленную справлять пятисотницу, как вдруг меня Батюшка быстро позвал к себе и сказал так:

– Адские муки несомненно существуют, и эти муки будут вещественны. Души праведников и грешников имеют даже одежду. Например, ведь святители являлись в святительских одеждах. Там, может быть, будут города и т. п. Все видят адские муки в условиях земного существования, только там будет не это грубое тело, а более тонкое, вроде газообразного. Но все это будет до Страшного суда, а что будет после него, того никто не знает, даже ангелы. Это тайна...

16 декабря

...Недавно Батюшка подвел меня к иконам и говорит:
– Помолимся,– помолились, и Батюшка опять:
– У вас есть от естества миролюбие... Развивайте его в духовном направлении. Из вас может выйти хороший монах.
...Спаси, Господи и помилуй Батюшку.

21 декабря

Провел день у Батюшки за письменными работами. Сейчас уже 12 часов – полночь. Под конец немного побеседовали. Батюшка выразил мне свои самые искренние чувства отеческой любви и вдруг добавил:

– Вот ведь и о. Анатолий, великий старец, был как-то особенно расположен ко мне. Быть может, он и подозревал, что я буду на его месте и старцем, и начальником скита. Ведь его пророчества и поныне сбываются...

Затем я стал одеваться, чтобы идти в свою келию, а Батюшка говорит:

– Не думайте, что вы случайно попали сюда. Нет, ваше поступление в скит глубоко промыслительно. Что бы я стал делать без вас? Конечно, дело бы шло, но не так...

25 декабря

Была чудная, тихая, ясная морозная ночь. Часов в 8 я лег, около 12 часов встал и пошел к Батюшке. Батюшка решил в монастырь не ходить, а править утреню у себя. Оба келейника, о. Кукша и я остались при Батюшке. Отправив утреню, мы разошлись. Обедня началась в 7 часов. После обедни пошел я, как обычно, в трапезу, от трапезы к старцам на могилки. Затем к Батюшке, уложил его отдыхать, а сам ушел в келию, затопил печь, поручил ее Иванушке и пошел готовить общий чай. После общего чая опять к Батюшке, он дал мне книгу «На горах Кавказа», я почитал ее до вечерни. Придя до звона к вечерне, я сел, творя молитву, – и тихо стало у меня на душе... После вечерни – на трапезу и к Батюшке. Батюшка завтра опять служит.

И я теперь в келии у себя. Перед образами горит лампада. Тихо кругом. За все слава Богу. Вот и Иванушка, как будто, образумился.

27 декабря

Вчера утром я пришел к Батюшке после чая. Мы немного побеседовали. Батюшка говорил о трудностях спасения в нынешнее время.

-А вы,- сказал Батюшка,- избрали благую часть. Желал бы я видеть вас в рясофоре и мантии, но не знаю, буду ли жив.

Но недолго пришлось нам беседовать. Батюшка прилег немного отдохнуть, а я сел читать «Отечник» еп. Игнатия Брянчанинова.

- Вы хорошо сделали, что стали читать эту книгу. Она составлена так: еп. Игнатий выписывал то, что отвечало на волнующие иноческие вопросы. С этой стороны, этот труд его незаменим. Многие недоумения сразу разрешаются какой-либо выпиской.

Это мне Батюшка сказал, когда встал.

Тут начали приходиться исповедники, монашки, нищие, славильщики-мальчики, а там пришло и время трапезы. Другая часть дня прошла после трапезы быстро, ибо было повечерие и бдение.

28 декабря вечером

Была у меня беседа с Батюшкой...

– Когда скончалась моя мать, я не поехал ее хоронить, я был уже в скиту, а поручил все сделать одному доверенному лицу. После ее похорон мне переслали тысячу рублей, и я решил эти деньги дать о. Иосифу на вечный помин родителей.

Я был тогда уже рясофорным. Не знаю почему, меня записали на главную таблицу, как и следует по сумме вклада, как раз после о. Иосифа. И я, и все, конечно, слышали, как всегда поминали: «Иеромонаха Иосифа, монаха Павла» и далее. И вот мне помысл говорит:

– Ты будешь после него начальником и старцем, ты будешь его преемником...

Я отвечаю:

– Как я могу им быть, когда я всеми унижаем, презираем, гоним и неспособен по болезни глаз?

Проходят годы, я остаюсь таким же бедным послушником... Проходят годы, настает японская война, и я еду на войну, по назначению за послушание и говорю своему помыслу:

– Ну вот, как же я буду старцем? Когда возвращусь?

Потом оканчивается война, и я возвращаюсь в скит.

Когда я приезжаю в скит, то узнаю, что о. Иосиф так заболел, что до утра даже, кажется, не доживет... И действительно, меня назначают духовником, старцем и начальником скита.

Вот я и говорю вам, что нет ничего случайного в жизни нашей. Даже то, что кажется пустяком, имеет свой смысл... Но если бы я не был начальником скита, вас бы не приняли в скит...

Я никому не говорил никогда, а вам скажу: когда я был у о. Варнавы, он мне многое предсказал, и многое уже исполнилось. Он сказал мне:

– Будут тебе все кланяться. Будешь жить и творить молитву Иисусову.

Вышел я от Батюшки, иду под впечатлением беседы, а вокруг меня поющая и ликующая ночь. Тихо и ясно. Полная луна освещает наш укромный скит. Все блестит и торжествует. Сосны и все деревья, покрытые белым инеем, недвижно стоят в своем уборе, в безмолвии своем славя Бога; оба храма: и старый, и новый – словно дворцы какие стоят, облитые лунным светом... Все очень хорошо...

1910 год

Январь. 7 января

Главный престольный праздник скитский. Был на водоосвящении, потом за обедней. Служил о. архимандрит. Когда Батюшка ложился отдыхать, он мне сказал:

– Да, все чему учит св. Церковь, истина. И загробные муки существуют.

А сейчас на благословении я сказал Батюшке, что замечаю в себе рассеянность и нерадение. Когда я это сказал, Батюшка прижал мою голову к своей груди, положил свою руку и накрыл своей полумантией, и, осеня меня и мою голову крестным знаменем, прочитал псалом 90 «Живый в помощи Вышняго».

14 января

Сейчас пробило 12 часов. Полночь. Я только что возвратился от Батюшки. Сначала мы занимались письмами, а потом беседовали. Между прочим, Батюшка говорил, что в его положении, т. е. старца и аввы скита, он замечает не только ежедневно, а ежечасно козни врага, от которых может укрыть только Господь.

Иванушка опять хочет уходить. Батюшка сказал мне сегодня:

– Будем же плакать и молиться о нем.

И мне стало страшно за него. А после трапезы, когда Батюшка ложился отдохнуть, он мне сказал:

– Уж вы-то не уходите, будем вместе жить.

21 января

Пришел Иванушка и не дал ничего записать. Упорно настаивает на своем желании уходить из скита.

23 января

19 числа, в день памяти пр. Макария, до обеда я был у Батюшки. Батюшка сел на диван и посадил меня рядом, как раз под портретом о. Макария. Я читал книгу «На горах Кавказа». Эта книга написана с целью уяснить желающим заниматься молитвой Иисусовой путь ее прохождения, цель и плоды.

Между прочим, я прочел там место о том, что хорошо трудиться на молитвенном пути, созерцая «несозданную красоту» Бога в тишине, удаляясь от всякой суеты. Это место очень глубоко, и я прочел его Батюшке. Батюшка ответил, что это, вероятно, из творений пр. Макария (19 беседа).

21 числа, когда я утром пришел к Батюшке на занятия, он, благословив меня, спросил:

– Сегодня какого святого память? Пр. [Максима Исповедника](#)?

Я ответил:

– Да.

– Обратили ли вы внимание на кондак этому святому?

Я говорю:

– Нет.

– Дайте мне псалтирь. Читайте.

Я начал:

– «Свет трисиянный всельшийся в душу твою, сосуд избран показа тя, всеблаженне...»

– Здесь говорится про молитву Иисусову, – прервал мое чтение Батюшка, – теперь дальше читайте.

– «...являюща Божественная концем неудобопостижимых разумений ты сказуай, блаженне, и Троицу всем, Максиме, воспроповедуй ясно присносущую, безначальную».

– Ну вот, теперь понятно, почему о. Амвросий всегда под подушкой имел творения св. Максима Исповедника. Его творения очень глубоки и таинственны.

Батюшка добавил:

– Прежде было так: кто замечал, что он нужен обители, тот смирялся и более всех, а теперь лишь заметят, что нужен, возгордятся и тронуть его нельзя.

И еще сказал Батюшка:

– Да, вот теперь мне становится понятным, как прежде жили старец и ученик единократно. Как старец говорил с учеником, так я только с вами говорю.

Глубокая истина. Ученик должен быть всегда при старце, который должен знать и чувствовать все, чем дышит и что переживает ученик. При многолюдстве это невозможно. Не потому ли такой преданный ученик, как еп. Игнатий покинул своего старца, о. Льва?

31 января

27 января вечером Иванушка уехал в Москву. Что скажет еп. Трифон?

В этот вечер мы с Батюшкой сначала писали письма и проч., а потом беседовали. Батюшка говорил о страстях и особенно о блудной, о том, что блудная страсть и сребролюбие одинаково сильны, от них никто не застрахован, хотя, конечно, каждому возрасту соответствует преимущественно одна страсть. У старых – обыкновенно скупость и сребролюбие, а у молодых – блуд.

28 числа вечером я спросил Батюшку:

– Вы мне сказали, что молитву Иисусову за церковной службой надо творить только тогда, когда не слышишь, что читают, или когда плохой чтец, так что трудно разобрать. Также и относительно пения. Когда вы мне это говорили, то специально упоминали, что так учил о. Амвросий. Но вот я прочитал у еп. Игнатия и у преп. Серафима Саровского, что надо молитву Иисусову творить за службою все время. Здесь я чувствую разногласие, а потому хочу понять, как примирить между собою оба эти учения?

– Прежде всего, каждый учит по своему личному опыту, кроме о. Амвросия, так учили о. архимандрит Моисей и о. Макарий. А несомненно они были опытны и имели внутреннюю молитву. Затем, одно приличествует новонаначальному, другое уже приобретающему внутреннюю молитву. Имеющему внутреннюю молитву, молитва также свойственна и естественна, как дыхание. Что бы он ни делал, молитва у него идет самодвижно, внутренне. Так и за службой в церкви молитва у него идет, хотя он в то же время слушает, что поют и читают. Этого не понимал ученик одного старца и просил его разъяснить, как же это так: и слушает, и молитву творит.

Старец отвечал:

– Скажи мне, брат, что мы сейчас делаем?

– Беседуем.

– Да. А скажи, мешает ли нашей беседе то, что мы дышим?

– Нет.

– Ну вот, также и молитва идет у тех, кто стяжал молитву внутреннюю. Она им так же естественна, как и дыхание. Поэтому сказано: «Молитва да прилепится дыханию твоему». Даже когда человек спит, молитвенное действие не прекращается у него в сердце по слову: «Аз сплю, а сердце мое бдит». Но этого мы не имеем. Мы просыпаемся, и не

имеем даже на устах имени Господа Иисуса.

Теперь скажу и о службах. Наша молитва не получила еще такой собирательной силы. Наши мысли не имеют еще сосредоточенности. Мы еще не можем так глубоко вникать в молитву Иисусову, а поэтому мы за службой, если будем творить молитву, то будем плохо слушать, что читают и поют, да и в самой молитве будем окрадываться рассеянностью, и получится, что ни к тому, ни к другому не пристали. И ничего не выйдет.

Внимать словам читаемого и поемого легче, нежели охранять себя от расхищения мыслей во время молитвы Иисусовой. Поэтому и следуйте этому правилу. Конечно, иногда бывает, что полезнее человеку творить молитву, нежели слушать службу, вследствие каких-либо внутренних обстоятельств. Здесь надо иметь рассуждение.

Батюшка это очень хорошо говорил, но я не в состоянии передать все так, как оно было сказано. Также я сказал Батюшке, что мне приходят тщеславные помыслы, что я буду то старцем, то игуменом и пр.

– Да и я так думал,– ответил Батюшка,– желать этого не следует, а, конечно, все может быть, и поставит вас Господь на это место, а возможно что и укроет вас где-либо в келии. Но простите меня Господа ради, я считаю последнее выше.

Еще Батюшка говорил мне:

– Всякому человеку нужно претерпеть время искушения и борьбы – тяжелое болезненное состояние... Кто не испытал этих болезней, рождающихся до монастыря в миру, то ему необходимо испытать их в монастыре. И вам это предстоит, ибо вы не испытали этого в миру.

Затем, когда ложился отдохнуть, Батюшка сказал:

– Вот видите, через какие горнила приходится проходить монаху на иноческом пути с начала и до конца. Вот тут-то и нужна молитва Иисусова, и без нее ни одна душа не выдержит. Пока я жив,– сколько продержит меня Господь,– вам ничего, а когда меня не будет, вы будете предоставлены самому себе. Поэтому запасайтесь терпением заранее. А созерцанием всего этого не смущайтесь и не унывайте. Раскройте пр. Феодора Студита и увидите, что все это и тогда было. А теперь запасайтесь терпением.

Неоднократно приходилось мне слышать от Батюшки, как он говорил мне и другим:

– Лицемерие, двойственность, лукавство вообще погрешительны, а на монашеском пути – это погибель. Надо твердо идти по пути, никуда не сворачивать, не служить и нашим и вашим.

Февраль. 7 февраля

Вчера получил от Иванушки письмо, которое сжег, так как он не желает, чтобы кто-нибудь знал о том, что там написано. Батюшке показал. Пишет, что в Оптину не вернется, едет на Афон по благословению еп. Трифона.

Все это время было очень много занятий по разным отчетам, каких прежде никогда не требовалось. Так было много работы, что сейчас ничего не помню из того, что можно было бы записать.

11 февраля

Сейчас мне Батюшка говорил о том, как он переносил скорби, когда был послушником, рассуждая так:

– Должно быть, я достоин всех этих скорбей. Значит все они нужны, чтобы смыть с меня гордыню и прочие страсти.

Переносил Батюшка скорби, никому не говоря о них, не жалуясь, стараясь не озлобляться на обидчиков.

Мало только перенести оскорбления, надо позаботиться и о том, чтобы не озлобиться на нанесшего оскорбление.

14 февраля

Сейчас пришел от Батюшки. Открывал свои помыслы. Сначала сказал свои оплошности, бывшие за день, потом сказал, что иногда приходит помысл, особенно за службой, на правиле, что монашеская жизнь безотраднa, идет день за днем, и главное – ожидать впереди нечего, все те же службы, та же трапеза и пр.

– Это один из самых ядовитых помыслов,– сказал Батюшка.– Монах все время должен быть как бы в муках рождения, пока не придет в меру возраста совершения Христова. А пока еще жив наш ветхий человек, он и дает себя знать всякими страстями, тоской, унынием..., и что теперь для такого человека отяготительно, то впоследствии будет для него великим утешением, например, хождение к службам и утрени. Тогда применимо будет к такому человеку псаломское слово: «Возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем». Тогда уже в нем будет все исполнено светом и радованием о Господе.

Вы хорошо сделали, что сказали мне этот помысл, он многих заклеывал, так и уходили из обители...

19 февраля

Все эти дни был очень занят, иногда и нужно было бы что-нибудь записать, да нет времени.

– Иногда бывает,– говорю я Батюшке,– что читая что-либо, никак не могу понять, что читаю,– я говорю не про внутренний смысл, а про внешний. Словно какой туман найдет: читаешь, перечитываешь, и ничего понять не можешь.

– Тогда нужно,– отвечал Батюшка,– закрыть книгу, сесть и сотворить сто молитв Иисусовых. Можно и встать, и даже поклоны положить, а можно и по скиту пройтись с молитвой Иисусовой.

28 февраля. Прощеное воскресенье

Все эти дни ночевал у Батюшки. Как-то Батюшка сказал:

– Вход в рай, в вечное блаженство открывается не нашими трудами и добрыми делами, а заслугами и искупительной жертвою Спасителя Христа Бога нашего. Прежде всего это совершается через таинство крещения, которым смывается первородный грех Адама, и человек становится способным к принятию Божественной благодати Господа Иисуса Христа, которою мы вводимся в жизнь вечную. А наши добрые дела, т. е. совершение Евангельских заповедей, нужно только как доказательство нашей любви к Господу, ибо сказано в Евангелии: «Любяй Мя, заповеди Моя соблюдет». Без любви к Господу невозможно блаженство, нельзя войти в рай, обязательно спросят: – «А ты любил Господа?» – «Любил.» – «А чем ты это докажешь?» – «По силе моей, сколько мог, исполнял заповеди Божии, которые и есть доказательство любви.» – «Ну, иди.»)

А если бы вход в рай открывался не заслугами Спасителя, то тогда (не) могли бы войти в него язычники, магометане, евреи и пр. Поэтому мы должны надеяться не на свои дела, а на милосердие Божие...

– Одна мысль постоянно стоит передо мной, – сказал Батюшка, – как спасти мне свою душу? Нет во мне ничего доброго. Вам все известно: получаю благодарственные письма, да и лично получаю благодарности. Но я тут не при чем. Это действует на них через меня благодать Божия по вере их... И благодарю Бога, что хоть это сознание своей греховности есть. И надеюсь, что по Своему милосердию Господь спасет меня: не уничтожит сердца сокрушенного и смиренного.

Утешаюсь я еще словами о. Анатолия – великого старца: «Ничего не имеет грешный Анатолий, разве только кто вздохнет о нем к Богу?» И я искренно прошу всех помолиться обо мне и вас прошу: помолитесь. Я сравниваю себя с моими предшественниками – старцами о. Макарием, о. Амвросием, о. Анатолием, и вижу все свое ничтожество, а до других, поверьте, мне дела никакого нет...

Март. 2 марта

Несколько раз был у Батюшки. Пришел однажды, когда Батюшка только что окончил исповедь.

– Очень утомился,– сказал Батюшка.– Как будто ничего не делаешь: сидишь да разрешаешь от грехов, так может показаться со стороны. А на самом деле не так: исповедь ведь очень утомляет. Если Господь сподобит вас, то убедитесь в этом из личного опыта.

4 марта

За утреней слушал молитвы к исповеди, как и вся братия. К вечеру за день устаю, да и ноги утомляются. Самый трудный пост в скиту – это 1-я седмица св. Великого поста. Но и она, по милости Божией, не особенно отяготительна для меня. Кроме того, помогает сознание, что велики дни сии, что иначе и быть не может. И удивляюсь я тому, что делал я раньше, нарушая святой пост, не понимая и не сознавая его святости и необходимости. Мне часто приходилось слышать от Батюшки, что «от невоздержания всякое зло происходит», что «пост возбуждает к молитве», «мы познаем силу поста и его значение хотя бы из того, что он как-то особенно ненавистен врагу: «Приходят ко мне на совет и на исповедь – советую соблюдать святыя посты. Со всем соглашаются, а как дело коснется поста: не хочу, не могу и пр. Враг так возбуждает, не хочется ему, чтобы соблюдались святыя посты».

12 марта

Все эти дни ночевал я у Батюшки, да почти целые дни проводил там, только часа на два приходил в келию. Может быть, что-либо и записал бы, да совершенно не было времени. Сегодня буду ночевать в келии.

Вчера Батюшка говорил, что доживем мы до страшных времен, но что благодать Божия покроет нас. Это он сказал под впечатлением разговоров о новейших изобретениях, которые, имея как бы и добрые стороны, всегда оказываются вредными более, чем полезными. Так же помню, как Батюшка говорил:

– Гипноз, т. е. открытие много сделало. Конечно, он был и прежде, но теперь про это все узнали. Судя по всем открытиям, я думаю, что недалек и конец...

Вечером

Получил письмо от Иванушки с Афона, и забилося мое сердце и почувствовал я к нему жалость. Он написал из Пантелеймонова монастыря о том, между прочим, что очень сильно расхворался.

14 марта

Сегодня все время до трапезы провел у Батюшки. Вчера мы занимались обычными, но весьма нужными делами. Однажды я сказал Батюшке:

– Пока вы живы, я всегда могу спросить, что читать и как читать. Ну, а когда вас не будет, что тогда? Что мне читать и в каком порядке читать? Ведь обратиться не к кому. Вот я и хотел вас спросить об этом, не можете ли вы указать мне порядок чтения?

– Здесь быть определенного ничего не может. Общее правило такое: вначале надо прочесть книги, учащие о деятельной жизни, а потом уже о созерцательной... Вас Сам Господь будет учить...

25 марта

Был за обедней в монастыре, как это полагается для всех. Утомился несколько от долгой службы. После монастырской трапезы зашел к Батюшке, После благословения братии Батюшка немного говорил. Мне понравилось, как между прочим Батюшка рассказал, что когда он был маленький, лет 7–8, ему очень понравилось житие пр. Малха, память которого 26 марта. Однажды после чтения этого жития отец сказал ему, что, если он будет любить Бога, Господь спасет его от видимых и невидимых врагов. И в этот же день, 26 марта, Батюшка был пострижен в рясофор.

30 марта

Почти целый день писал, но все же урвал времечко сходить в рухольную. Сейчас пришел от Батюшки. Под конец Батюшка сказал мне так:

– Смиряться, смиряйтесь. Вся наука, вся мудрость жизни заключается в этих словах: «Смирихся и спасе мя Господь». Смиряться и терпите все. Научитесь смирению и терпению, а в душе мир имейте. Поверьте, у кого в душе мир, тому и на каторге рай...

Апрель. 16 апреля. Великий пяток

Сегодня аз, грешный, сподобился пострижения в рясофор. Хотелось бы описать все подробно, но сегодня не смогу, Бог даст потом, аще жив буду. Сегодня память св. мучениц Агапии, Ирины и Хионы.

20 апреля. Светлый Вторник

Опять к нам приехал Иванушка и принят в скит. Вчера день прошел тихо, слава Богу. Весна в полном разгаре. Деревья распускаются, кусты уже зеленеют нежной зеленью, а зеленый ковер уже давно разостлан по скиту. Птички поют, бабочки порхают, и вообще вся природа ожила.

27 апреля

Все собираюсь описать пострижение в рясофор и не могу найти времени, опишу хотя бы часть.

Утром 10 апреля я пришел к Батюшке и получил от него благословение идти в монастырь к часам, после которых и назначен был постриг. И так, я пошел, со мною пошел из скита брат Иларион, впоследствии монах Ириней. Из скитских нас было двое: он и я. Зашли на могилки старцев.

В 9 часов ударили к часам. Они правились в Казанском Соборе. После часов мы пошли в храм пр. Марии Египетской, там все уже было приготовлено для пострига. Вскоре пришел о. архимандрит. Мы стали по очереди подходить под благословение. Когда все получили благословение, о. архимандрит спросил нас: «Желаете вы получить пострижение в рясофор?» – На это мы отвечали, что желаем. Тогда начался чин пострижения. Передо мной шел брат Мирон (впоследствии Мельхиседек), а за мной брат Митрофан.

Архимандрит сказал нам слово. Главное, на что он обращал наше внимание – это смирение и старческое руководство.

Все пошли из храма в скит к Батюшке. Подхожу и я к выходу из храма, а здесь стоит брат Игнатий (юный канонарх), монастырский послушничек, и поздравляет меня. Это было первое поздравление после о. архимандрита. Я поклонился ему и сказал: «Спаси Господи»,– и пошел дальше. Нужно было зайти в рухольную за камилавкой... Из рухольной быстро пошли на могилки к старцам принять благословение, а потом догнали монастырских. Пришли в скит. У ворот встречает нас (меня и о. Илариона) вратарь о. Алексей. Он поздравил нас. Вошли в скит, я положил земной поклон и пошел к Батюшке. Здесь меня поздравила вся монастырская братия. Я был очень рад, что не опоздал, и вместе со всеми вошел к Батюшке.

28 апреля

Все вошли и встали на колени. Батюшка сказал: «Положите три поклона». Потом он стал молиться. Затем Батюшка начал свое слово:

– Прежде я говорил вам и теперь повторяю: смирение – это все. Есть смирение – все есть, нет смирения – ничего нет. Вы получили рясофор. Это не есть какое-то повышение, как например, в миру, когда дают офицерский чин. Там получивший считает своим долгом гордиться этим повышением. А у нас не так. На монашеском знамени написаны слова: «Кто хочет быть первым, да будет всем слуга». Смиряться и смиряйтесь. Теперь вас более будет утешать благодать Божия, но и враг будет озлоблять.

Припомните, как вы поступали в монастырь, какие препятствия строил вам враг, чтобы не дать вам возможности поступить в св. обитель. Но Богу угодно было, чтобы вы поступили в монастырь, и враг как бы ослабил свою борьбу с вами, вас стала более утешать благодать Божия. А теперь враг опять с большей силой будет нападать на вас. Поэтому предупреждаю вас – будьте готовы к скорбям и искушениям. Надо все терпеть.

Более не помню сейчас. Затем Батюшка приветствовал нас с пострижением, и начал благословлять не по старшинству, а кто как стоял. И когда всех благословил, пожелал нам всякого успеха и сказал, чтобы зашли к о. Иосифу на благословение, что мы и сделали. О. Иосиф только благословлял и давал листочки.

Далее я поклонился у церкви до земли, пошел и у корпуса встретил о. Нектария и о. Иоанна-пономаря, они оба очень ласково поздравили меня, но слов я не помню. И наконец, я пришел в свою келейку, сотворил поклоны поясные и земные и возблагодарил Создателя за Его ко мне милости.

29 апреля

По немощи своей мы сели за стол подкрепиться чаем, хлебом, огурчиками и капустой. Вскоре я остался с Батюшкой один...

– Батюшка, года полтора или два тому назад вы дали мне по моей просьбе листики со стихотворением: «Молитва Иисусова». Я говорю: «Зачем так много?» А вы мне ответили: «Я хочу, чтобы вы шли этим путем, т. е. молитвой Иисусовой». Потом я говорю вам: «Вы мне дали эти листики и сказали, чтобы я шел этим путем, а одет я в подрясник 29 января, в день памяти св. Игнатия Богоносца». А вы мне ответили: «Больше сих узриши».

– Право, я совсем об этом забыл. Конечно, на вас теперь действует особая благодать... Вот и продолжайте путь молитвы Иисусовой... Я уже говорил вам, что монашество есть внешнее и внутреннее. Миновать внешнее нельзя, но удовлетвориться им одним тоже нельзя. Внешнее монашество можно уподобить вспахиванию земли. Сколько ни паши – ничего не вырастет, если ничего не посеешь. Вот внутреннее монашество и есть сеяние, а пшено – молитва Иисусова, которая освещает всю внутреннюю жизнь монаха, дает ему силу в борьбе, в особенности она необходима при перенесении скорбей, искушений...

Потом вот еще что. В Великую Субботу перед Светлой заутреней я был около Батюшки. Вот Батюшка мне и говорит:

– Вы, быть может, заметили, что я теперь стал к Вам строже. Мне, когда я был пострижен в рясофор, о. Анатолий в свое время сказал так: 'Теперь для вас начинается новая жизнь. И какое дает себе направление и настроение монах в первое время по пострижении в рясофор, то останется у него до гроба».

– Вот как,– я говорю,– а я думал, что настоящая монашеская жизнь начинается с пострижения в мантию.

– Да, время пострижения в рясофор имеет великую важность в жизни монаха. Поэтому вам надо быть теперь особенно внимательным к себе и избегать смехотворства, это я вам говорю.

Май. 1 мая. Фомина суббота

Вчера бдение провели у Батюшки. Сегодня ходил к ранней обедне в монастырь, а сейчас только что вернулся с крестного хода на Пафнутиев колодец.

Погода чудная. Все ликует. На небе ни облачка. Скит просто радуется. Красота.

2 мая

День прошел тихо. Читал преп. Марка-подвижника.

6 мая

3 мая в понедельник вечером Батюшка оставил меня у себя. Батюшка сказал, что когда он был послушником, всеми гонимым и презираемым, настроение его было более радостное и светлое, чем теперь... Теперь ему приходится читать иные книги – книги душ человеческих. Затем Батюшка говорил мне:

– Не слушайте врага, внушающего вам, что впереди то время, когда вы по-настоящему займетесь чтением. Для вас теперь-то и идет самое учение.

13 мая

Однажды Батюшка спросил меня:

– Когда вас постригали в рясофор?

– 16 апреля.

– Каких святых?

– Св. муч. Ирины, Агапии и Хионии.

– Что значат эти имена?

Я посмотрел:

– Агапия – любовь, Ирина – мир, Хиония – снежная.

– Это значит, что вы должны иметь, по слову апостола, мир и святыню со всеми. Кроме этих добродетелей мира и любви, должны очиститься от страстей, Хиония – значит снежная. Вот и вам надо очистить свою душу, чтобы она была белоснежная, как сказано в псалме: «паче снега убелюся». А что дальше сказано? «Слуху моему даси радость и веселие». Это есть предвкушение блаженства по мере очищения, а потом уже «возрадуются кости смиренные». Здесь в псалмах тонкая последовательность...

Как-то на днях мне Батюшка сказал: «Вас Господь привел сюда. Словно вы для Оптиной, а Оптина для вас...»

18 мая

В пятницу 14 мая Иванушка написал Батюшке письмо, а я это письмо передал. Прочитав его, Батюшка назвал это письмо страшным и решил, что Иванушке лучше жить в Москве, конечно, в монастыре. И вот на днях служили молебен напутственный, потом панихиду по старцам, а вчера Иванушка уехал. Мне его сердечно жаль.

24 мая

Не помню хорошо – записаны ли у меня приблизительно такие слова Батюшки или нет:

– Доживу ли я до того времени, когда вы будете в мантии? Да... а тогда бы я сказал: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко...» Все это доказывает великую любовь ко мне Батюшки.

27 мая

Есть немного времени, запишу то, что хотел. 26 октября 1909 г. я остался у Батюшки, стали мы читать книгу «На горах Кавказа» о молитве Иисусовой, необходимость которой Батюшка признает. Начали беседу, я почти ничего не говорил, а только слушал.

– Псаломское слово – троекратное повторение слов: «Обышедше обыдоша мя и именем Господним противляхся им» (пс. 117 ст. 10–12) вполне понимают делатели молитвы Иисусовой, хотя бы им этого никто не растолковывал... Это одно из самых ясных мест о молитве Иисусовой, коих очень много в Псалтири...

Томительное, часто безотрадное состояние, предваряющее получение молитвы Иисусовой внутренней, не бывает обязательно с каждым... Но общий порядок стяжания молитвы Иисусовой тот, что достигают ее трудами и скорбями, в числе которых имеет себе место томительное состояние духа. – В Казани, когда я был еще на военной службе, митрополит Петербургский Анатолий прислал мне только что вышедшую в печать книгу: «Откровенные рассказы странника». Я прочитал ее и говорю себе: «Вот еще путь спасения, самый краткий и надежный – молитва Иисусова. Надо принять это к сведению».

Достал я себе четки и начал Иисусову молитву. Вскоре начались разные звуки, шелесты, удары в стену, окно и проч. явления. Их слышал не только я, но и мой денщик. Мне стало страшно и ночевать одному, я стал звать к себе денщика. Но эти устрашения не прекратились, и я через четыре месяца не выдержал и бросил занятия молитвой Иисусовой. Потом я спрашивал о. Амвросия об этом. Он мне сказал, что не должно было бросать.

31 мая

Сегодня утром Батюшка взял Библию, раскрыл 3-ю книгу Ездры и, указывая на место, отмеченное синим карандашом, сказал мне: «Читайте». Я прочел: «ибо век потерял свою юность и времена приближаются к старости: так как век разделен на двенадцать частей и девять частей его и половина десятой части» (гл. 14, 10–12).

Батюшка закрыл Библию и начал говорить:

– Вообще эта книга таинственная. Многие делали вычисления, и у большинства конец падает на наше время, т. е. на 20-е столетие...

Июнь. 9 июня

Под св. Пятидесятницу правили бдение у Батюшки. Во время правила Батюшка после чтения синаксаря немного с нами побеседовал. Между прочим Батюшка объяснил нам, что значат слова псалма: «Молнии и дождь сотвори». Под молнией разумеется гнев Божий на людей за грехопадение их в лице праотца Адама. И этот гнев продолжался до воплощения Христа Спасителя, когда была дарована людям благодать, которая в псалме названа «дождем». Вот вкратце беседа Батюшки.

В день Св. Духа беседовали с Батюшкой о молитве Иисусовой. Началось с того, что он задал мне вопрос:

– Какой признак Промысла Божия о человеке?

Я не умел ответить. Тогда Батюшка начал говорить:

– Непрестанные скорби, посылаемые Богом человеку, суть признак особого Божия промысла о человеке.

Смысл скорбей многообразен: они посылаются для пресечения зла или для вразумления, или для большей славы... Но приобретение внутренней молитвы необходимо... Одна устная не достаточна, а внутреннюю получают весьма немногие. Вот некоторые и говорят: «Какой же смысл творить молитву? Какая польза?» – Великая, только не надо ее оставлять.

Был у нас в скиту иеромонах Михаил. Он творил молитву, это я знаю, хотя и не входил с ним ни в какие отношения. Когда он скончался, и все ушли из его келии, я обратился к нему и говорю: «Батюшка, Батюшка. Помолись ты за меня». И вдруг я вижу: он улыбнулся. Сначала я испугался, а потом ничего. И это была такая улыбка, которую я никогда не забуду... Он читал Псалтирь... Я подошел к аналою, взял псалтирь и развернул, где у него была закладка, т. е. где он кончил. Последний псалом в жизни он читал 117-й. Там говорится: «Отверзите врата правды, вшед в ня исповемся господеви». Так может говорить душа, обретшая внутреннюю молитву...

Мы раскрыли псалтирь, и стали читать этот псалом. Он мне всегда нравился, а здесь еще более понравился. Затем Батюшка дал мне книгу Паисия Величковского, указав, что именно прочитать в ней.

13 июня

10 июня Батюшка делал мне напоминание, что со сном надо бороться.

– Надо иметь желание и решение встать, тогда вы встанете вовремя. А если нет желания и решения встать во что бы то ни стало, то если бы над тобой колокольня была, и то проспишь.

Кроме того, молитесь своему ангелу-хранителю, а также св. Варсонофию Тверскому и Казанскому, которому дана благодать помогать от многоспания.

И еще говорил мне:

– Я вам и раньше говорил, что нужно приходить к службам до звона, чтобы звон заставал вас уже в храме. Почему так? Потому что в это время Матерь Божия входит в храм. Это я читал где-то прежде, Потом читал про Киевского о. Паисия.. Это был подвижник-монах юродствовавший. Однажды он пришел к вечерне, отзвонили. В храме нет никого. Пономарь, оправив все, вышел из храма. Остался он один. Вдруг он слышит шелест, как будто кто идет. Он посмотрел и видит Величественную Жену высокого роста в сопровождении св. ап. Петра и еще кого-то. Она оглянула храм и произнесла такие слова: «К вечерне отзвонили, а монахов нет». Затем, обратившись к о. Паисию, благословила его, осенив широким крестным знаменем, и пошла из храма, поднимаясь в то же время от земли. О. Паисий вышел за Ней из храма, провожая ее взглядом. Она поднималась все выше и выше, пока не исчезла совсем из глаз о. Паисия...

Когда и о. Анатолий – великий старец – обращался к о. Макарию, то он ему тоже сказал, что необходимо ходить к службам до звона, что это очень важно.

– Почему? – спросил о. Анатолий.

– Потом скажу, – отвечал тот и через несколько лет сказал: – Потому что в это время Божия Матерь входит в храм.

Также 11 июня Батюшка дал мне записочку с напоминанием, что надо читать письма о. Макария. Батюшка служит в монастыре.

18 июня. Петровский пост

Мы все готовимся. Сегодня Господь сподобил меня исповедаться. В рясофоре я исповедуюсь в первый раз.

19 июня

Сегодня Господь сподобил меня принятия св. Христовых Таин. До трапезы я читал Батюшке из книги «На горах Кавказа» о третьей степени молитвы Иисусовой.

20 июня

Вчера перед повечерием немного почитал дневник Батюшки. Я думаю внимательно его прочитать, ибо он есть отображение жизни и поступков Батюшки, которые для меня весьма важны.

Сейчас немного походил с Батюшкой по скиту. Погода чудесная. На душе спокойно. Слава Богу. Необходимое дело – откровение помыслов и дел. Необходимость эту я ясно вижу на самом деле.

22 июня

Сегодня Батюшка мне сказал:

– Дал бы Господь пожить мне еще хотя до вашей мантии, чтобы вы укрепились в духе. Есть мантия вещественная, и есть мантия духовная. Надо, конечно, укрепляться в духе.

– А в чем же состоит это укрепление в духе? – спросил я.

– В самоотвержении Господа Иисуса Христа. В отвержении чего бы то ни было. Во вменении всего, яко уметы ради Господа. Это очень сложная психика духовной жизни.

27 июня

Недавно я заметил, что пятисотница умиротворяюще действует на душу. Однажды я встал на совершение пятисотницы недовольный чем-то, с некоторым ропотом, осуждением и неразлучным с ним самооправданием. Когда же я кончил ее, что почувствовал в теле некоторую усталость от поклонов, а в душе умиротворение.

29 июня

Был за бдением у Батюшки, обедня была в скиту и после нее молебен. А после молебна – общий чай по случаю мирских именин Батюшки – св. ап. Павла.

После чая я пошел к Батюшке. Батюшка сказал:

– Когда я учился, нас посылали в кузницу делать подковы. Там я видел, как мастер, сделав для ружья какую-то часть, начал ее закаливать, чтобы она не испортилась, когда ее будут пускать в дело.

Так вот и я хотел бы закалить вас, ввиду ожидающих вас впереди скорбей и искушений от демонов-бесов, от человеков, от соблазнов мира, которые вы должны будете перенести, пока не выйдете на широту христианской любви и свободы.

Я, помолчав немного, сказал:

– Батюшка, я прежде думал, что иноку бывают искушения только в начале или в половине его подвига, а недавно я прочел у еп. Игнатия, что монаху от начала его иноческой жизни и до гроба нужно быть готовым к перенесению скорбей и искушений.

Не помню, что на это сказал Батюшка. Вскоре я начал читать книгу «На горах Кавказа» о молитве Иисусовой. Между прочим я прочел следующее: «Иноку, решившемуся проходить молитвенный подвиг, предстоят немалые труды, постоянные и многолетние, а также и разные скорби, но придет время, когда молитвенник увидит «Утро Воскресения Христова» и получит отраду.» Как только я прочел это, Батюшка и говорит:

– Вот вы сейчас говорили, что всегда будут скорби. Да, но внутреннее состояние человека будет уже другое...

Я понял так, что хотя скорби и будут, но достигший молитвы будет их переносить легко, ибо с ним будет Христос, Который будет наполнять неизреченною радостью сердце подвижника, и эту радость о Господе не пересилит никакая скорбь.

В трапезу ходил в монастырь разговляться, ибо конец Петрова поста.

Июль. 4 июля

Последнее время я очень занят послушанием, мне даже временно дали помощника из монастыря – брата Игнатия. Ходил два раза к о. архимандриту и в монастырь по разным делам.

18 июля

Давно не писал, и многое нужно записать. 5 июля я спросил Батюшку о значении и смысле заключения 5-го тома сочинений еп. Игнатия. Не берусь описать этот разговор, скажу только следующее:

– Пятый том сочинений еп. Игнатия, – говорил Батюшка, – включает в себе учение св. отцов применительно к современному монашеству и научает, как должно читать писания св. отцов. Очень глубоко смотрел еп. Игнатий и даже, пожалуй, глубже в этом отношении еп. Феофана. Слово его властно действует на душу, ибо исходит из опыта...

10 июля пошел с Батюшкой ко бдению, но Батюшка постоял очень немного и, позвав меня, пошел из храма домой и сразу лег в постель. Сначала я почитал ему немного из книги «На горах Кавказа», потом немного поговорили.

– Хорошо мне сейчас с вами, истинно говорю вам, ибо души у нас звучат в один тон... Ничего я не ищу, только Господа Иисуса. А что мне в том, что все мне кланяются... – Потом Батюшка перестал говорить, ему становилось все хуже и хуже, был сильный жар и лихорадило.

11 июля к обедне мы не пошли. Батюшка лежал. Послали за фельдшером о. Пантелеймоном. Приходил о. Феодосий и о. архимандрит. Вечером часов в 7–8 пришел опять о. Феодосий. Батюшка позвал меня, велел найти чины пострижения в рясофор, мантию и схиму, а затем позвать о. Нектария и о. Кукшу, что я и исполнил. Начали все готовить для пострига Батюшки в схиму. Когда я был один с Батюшкой в его кабинете и доставал разные вещи, Батюшка сказал:

– Должно быть, придется нам расстаться: что я не докончил, пусть совершит благодать Божия...

Слезы подступили у меня к горлу...

Наконец, все было готово и начался постриг. Я пел, но очень слабо вместе с другими, потом держал книгу Батюшке, чтобы давать ответы на вопросы. Потом держал книгу о. Феодосию.

Наконец, надели на Батюшку схиму, я взглянул, и слезы опять начали подступать к горлу, но я удержался. Постриг кончился, мы все подходили поздравлять и принять благословение. Затем Батюшка дал по баночке варенья всем, участвовавшим при постриге, кроме нас. Когда все вышли, Батюшка сказал: «Теперь должна начаться другая жизнь». Часам к 10-ти все окончили, прочли вечерние молитвы и легли спать.

12 июля Батюшка приобщился св. Христовых Таин, ему стало легче.
13 июля навещал Батюшку о. Иосиф. В тот же день Батюшка говорил мне:

– Схима – это край: или смерть или выздоровление. Я чувствую, схима меня подняла. Мне надлежало умереть, но дана отсрочка. О. Нектарий теперь мой восприемный отец. Приходит он сегодня и говорит, между прочим, следующее: «А вот на трапезе сегодня читали: один монах умер и ожил, и рассказал братии, что ему было сказано, что дается отсрочка на 15 лет. И ровно через 15 лет в этот день он действительно скончался...

Затем о. Феодосий говорил, что замечал у меня уже недели три опухоль на лице, и поэтому сразу предложил мне схиму, указывая на опухоль, как на признак смерти. Я сказал: «Да будет воля Божия», ибо страшно отказываться от схимы. Схима дает прощение всех грехов. Кроме того, у меня было чувство смерти, а о. Феодосий говорит: «Кто может ручаться, что вы останетесь живы эту ночь?» Я согласился, и о. архимандрит охотно согласился, и вот я пострижен.

Потом Батюшка сказал:

– Да воздаст вам Господь, что ходили за мной.

14 июля, между прочим Батюшка сказал:

– Я чувствую, что началась во мне новая жизнь: в чем она, я и сам хорошо не знаю, чувствую усиление бурь...

А в другой раз сказал, что чувствует в себе прилив новых сил.

Все эти дни я ночевал у Батюшки. Вчера ходил в больницу, нога опять что-то заболела. Правили у Батюшки сокращенное бдение. Он хотя и оправился, но не совсем. Слава Богу за все, что будет дальше.

25 июля

22 числа Батюшка дал мне голубой шелковый поясок с белыми украшениями и словами: «Боже во имя Твое спаси мя», и благословил надевать его по праздникам и когда буду приобщаться.

23 июля к Батюшке приезжал из Шамордина убогий и блаженный Гаврюша. Он – мантийный монах. Батюшка говорил, что его постригал о. Амвросий. На меня он произвел хорошее впечатление. Приезжал он к Батюшке поздравить с принятием схимы. Очень мне понравилось, как он обрадовался и даже засмеялся чисто по-детски, когда Батюшка дал ему конфет и пряников. В тот же день Батюшка говорил, как глубоко таинственны события нашей жизни.

– Я сейчас вдруг вспомнил: когда я ездил из скита в Воронеж к святителю Митрофанию, меня позвал к себе пить чай иеромонах, стоявший у мощей Святителя. Я пошел. Он очень радушно принял меня и между прочим взял и надел на меня схимническую шапочку свят. Митрофания, которая у него хранилась, как святыня. Вот, значит, когда я был уже предназначен к схиме. Затем я спрашиваю: «Как ваше святое имя?» А он отвечает: «Грешный Варсонофий». Конечно, я тогда из этого ничего не понял. Вот видите, какая глубина, к чему не коснись.

Также помните, мы разбирали обстоятельства вашего поступления в скит относительно иконы Божией Матери «Нечаянная радость». Какая нам тогда открылась глубина... И будет вам эта радость при кончине. Та радость будет уже началом вечной радости...

Август. 1 августа

Был за обедней, стоял довольно легко, хотя экзема на ногах не прошла еще, а расширение вен дает себя знать. Полагается крестный ход. Монастырские ходили на свой колодезь, а мы – скитяне – на свой Амвросиев. Был водосвятный молебен, и я читал Апостола.

После молебна пошли на трапезу. Трапеза была очень вкусная: на первое вместо винегрета были жареные грибы с картофелем. После трапезы читал. Окончил 5-й том еп. Игнатия. Да, у него был ангельский ум. Осталось окончить выписки из этого тома. Погода осенняя. Дождь идет целый день.

5 августа

Сегодня ходили принимать св. воду в монастырь. Затем я сподобился исповеди. Еп. Игнатий пишет, что покаяние, кроме того, что очищает соделанные согрешения, открывает глаза, так что человек начинает видеть другие свои согрешения, которых прежде не замечал или забыл. Это я теперь испытываю на опыте в своей личной жизни.

6 августа. Праздник Преображения Господня

Скитская братия приобщалась св. Христовых Таин, а я не сподобился. Батюшка благословил готовиться на завтра. Вчера за бдением устал порядочно.

Иногда я чувствую, что молитва Иисусова легко творится, а иногда – трудно, чувствуется сухость, и себя приходится принуждать к молитве. Я сказал об этом Батюшке. Он ответил, что это ничего, что это принуждение себя и понуждение на молитву очень нужно в молитвенном подвиге.

7 августа

Сегодня сподобился принятия св. Христовых Таин. Ходил в монастырь поклониться св. иконе Божией Матери Калужской.

12 августа

Батюшка и вся братия пошли в монастырь на постриг, а мне Батюшка благословил остаться и заняться одним весьма нужным делом. По окончании решил воспользоваться временем для записи беседы.

Итак, по открытии Батюшке своих немощей за день, я что-то спросил о молитве, и Батюшка начал говорить:

– Первый от Господа дар в молитве – внимание, т. е. когда ум может держаться в словах молитвы, не отвлекаясь помыслами. Но при такой внимательной, неразвлекательной молитве сердце еще молчит. В этом-то и дело, что у нас чувства и мысли разъединены, нет в них согласия.

Вторая молитва – второй дар – это молитва внутренняя, т. е. когда мысли, чувства в согласии направлены к Богу. До сих пор всякая схватка со страстями оканчивалась победой страсти над человеком, а с этих пор, когда молятся ум и сердце вместе, т. е. чувства и мысли в Боге, страсти уже побеждены. Побеждены, но не уничтожены, они могут ожить при нерадении. Здесь страсти подобны покойникам, лежащим в гробах, и молитвенник, чуть только страсть зашевелится, бьет ее и побеждает.

Третий дар есть молитва духовная. Про эту молитву я ничего не могу сказать, здесь в человеке нет уже ничего земного. Правда, человек еще живет на земле, по земле ходит, сидит, пьет, ест, а умом и мыслями он весь в Боге на небесах. Некоторым даже открывались служения ангельских чинов. Это молитва – молитва видения. Достигшие этой молитвы видят духовные предметы, например, состояние души человеческой так, как мы видим чувственные предметы, как будто на картине. Они смотрят уже очами духа, у них смотрит уже дух. Постоянно ли они находятся в видении, или по временам, – не знаю. Они не говорят о том, что видят, редко открывают другим свои видения.

Как-то, помню, Батюшка говорил, что схимник называется «молитвенником за весь мир».

22 августа

Все эти дни было много дела, и особенного ничего не припомню.

Сентябрь. 5 сентября

Уже две недели ничего не писал. Эти дни я открывал свои помыслы Батюшке ежедневно. Потом я сказал Батюшке, что получил от Иванушки письмо, ответил ему и послал ему то, что он просил. Батюшка сказал, что ему жаль Иванушку. Поговорили о нем немного, и Батюшка сказал мне:

– Нет, Вы уже нас не оставляйте.

А перед этим, после откровения помыслов, Батюшка сказал:

– Святые отцы учат: со всякой страстью борись, но от блуда спасайся бегством... Да, а нам приходится почти от всякой страсти спасаться бегством. Под бегством здесь разумеется не буквально бегство: ощутил в себе блудную страсть – так и уходи из обители. Нет, под бегством разумеется имя Господа Иисуса, молитва Иисусова, ибо сказано: «камень прибежище зайцем». Под зайцами разумеются все робкие, слабые и смиренные, которые не могут бороться со страстями своими силами...

7 сентября

Сегодня день кончины старца о. Макария. 50-летний юбилей со дня его блаженной кончины. После трапезы Батюшка сказал нам краткое слово.

– На каждом из нас лежит обязанность подражать тем святым, имена которых мы носим. Батюшка о. Макарий носил имя преп. Макария Египетского, житие которого сейчас читалось. Вы слышали, когда читали, как сказал преподобному диавол: «Ты мало спишь, а я вовсе не сплю; ты много постишься, а вовсе не ем. Одним ты меня побеждаешь». – «Чем?» – спрашивает святой. «Смирением», – отвечает диавол».

Вот эту-то добродетель смирения, подражая житию своего святого, и положил в основание своего подвига наш приснопамятный старец Макарий. Ибо, если смирение необходимо для всех христиан вообще, то для иноков в особенности. Есть смирение – все есть, нет смирения – ничего нет. Смиранный высок перед Богом, хотя бы он был и совершенно неграмотный.

У о. Макария в письмах постоянны напоминания о смирении. Будем почаще заглядывать в них и учиться смирению сперва из книги, а потом, по милости Божией, понемногу будем вводить его и в свою жизнь... Да поможет нам Господь молитвами приснопамятного старца о. Макария и да утвердит в этой высокой добродетели смирения.

8 сентября

Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Мы все пошли ко бдению в монастырь. Когда я вышел из храма, была чудная ночь. Необыкновенная картина: облитые лунным светом памятники и могилки. Тишина, лишь слышится из храма пение Божественных словес. Я пошел поклониться могилкам этих великих старцев.

Около могилки о. Льва стоял недвижно монах, опершись на решетку соседней могилы. Лица его я не разглядел. Быть может, этот монах – молитвенник с поэтической душой, погруженный в молитвенный восторг.

Наконец, я пришел в скит и пошел в келию, творя молитву Иисусову. Скит был тоже, как и лес, необычайно красив.

11 сентября

9 сентября, когда Батюшка перебирал свои разные священные предметы, например, образочки, четки, разные вещицы от мощей и пр., я напомнил Батюшке, что он хотел дать мне четки. Батюшка достал и подарил мне четки. Спаси его Господи.

12 сентября

Вчера за бдением Батюшка читал выписки из св. отцов, главным образом, о молитве, немного поясняя их своим рассуждением. Мне очень понравилось. Записать трудно по недостатку времени.

Сегодня воскресенье, и я все время читаю хорошую книгу «Путь ко спасению». Эта книга была первой, которую я читал в жизни, когда возбудила меня благодать Божия от спокойного желания во грехе. Поэтому Батюшка мне однажды сказал, что эта книга должна быть моей настольной книгой.

19 сентября

Редко приходится писать. Жизнь, в особенности внешняя, идет обычно, ровно. Недавно Батюшка сказал мне:

– В Евангелии сказано: «молитесь за врагов ваших» – и действительно, враги наши, желая нам досадить и сделать что-либо злое, делают это исключительно по своему нерасположению к нам, но по большей части своим злом пресекают еще большее зло, которое грозило нам.

Например, один человек, узнав про другого, что тот хочет жениться на хорошей девушке, написал ложное письмо этой девушке, в котором всячески очернил его, и этим расстроил партию. Проходит несколько лет, и этот человек, который хотел жениться, ушел в монастырь Богу служить.

А если бы он женился, то, будучи связан, не мог бы этого сделать. Вот и спрашивается, что клеветой принесено: вред или польза? – Конечно, польза, – клеветник оказался этому человеку благодетелем.

Я прочел у еп. Феофана в «Пути ко спасению», что надо отыскивать в себе главную страсть. Я подумал и не смог остановиться ни на какой страсти. Я сказал об этом Батюшке, и он мне ответил, что «надо молиться, чтобы Господь открыл эту главную страсть, сам ее не найдешь. А найти ее очень важно для того, чтобы знать, куда направить свои силы, т. е. знать, с какой страстью преимущественно бороться».

26 сентября

Сегодня день моего рождения, мне исполнилось 22 года. Батюшка служил. В конце обедни, когда Батюшка вышел с крестом животворящим, сделав отпуск, он сказал:

– Честные отцы и братия. Вот я с животворящим крестом в руках прошу и умоляю вас прекратить между собой недовольствия. Недовольствия, если не сказать вражда, увеличиваются. Если это так в миру, то да не будет сего между нами в обители. Первая заповедь – любовь. Ап. Павел сказал: «Если я говорю языками ангельскими и человеческими, но любви не имею, то я – ничто; если я имею дар пророчества, а любви не имею, то я кимвал звенящий». Любовь выше всего. Я вам решил это напомнить в день памяти св. Иоанна Богослова – апостола любви. Не останавливайтесь на одной внешней исправности, хотя и она нужна, но главное – это искоренение из сердца страстей, в особенности злобы...

Вот общий тон и содержание сказанного Батюшкой.

Октябрь. 1 октября

26 сентября вечером на откровении помыслов Батюшка сказал по поводу читанного на трапезе о талантах.

– В Евангельской притче о талантах сказано, что один раб закопал свой талант, данный ему от Бога, в землю. Некоторые понимают слова «закопал в землю» буквально, как есть. Весь свой талант, данный Богом, человек употребил исключительно на приобретение земного, суетного, тленного – ничего для жизни будущей, вечной он не приобрел. Так, например, профессора, ученые, если они ограничились только научными знаниями, ничего не делая полезного для своей души, то, конечно, они зарыли свой талант в землю. А вы, оставив весь этот тлен, ушли во святую обитель, значит не зарыли свой талант. Это я говорю вам для укрепления Вашего...

– А вот, Батюшка, в поучении, которое я читал, сказано, что если человек имеет возможность или дар проповедовать, учить и этого не делает, то значит он зарывает талант в землю. А из жития святых и современных подвижников известно, что многие, например, преп. Арсений Великий, имели возможность учить и проповедовать, но молчали по смирению. Как это примирить со сказанным в поучении?

– Кому что дано: кому деятельность, кому безмолвие, даров Божиих много. Преп. Арсению дано было равноангельское житие – служить Богу в безмолвии. Другие, наоборот, служат Богу в кипучей деятельности. Но уподобляются зарывающим свой талант те, которые отказываются от того, куда их поставляют, согласно воли Божией. Например, преп. Серафим Саровский отказался от настоятельства, и что же? Едва не впал в отчаяние, перенес великие скорби и искушения. Ему потребовалось подъять на себя великий подвиг – трехлетнее стояние на камне, чтобы побороть эти искушения. Вот что значит отказываться.

Так вот и я стою на этом месте. Боюсь отказываться. О. архимандрит говорил мне: «А перенесете ли вы то, что может случиться, если Вы откажетесь?» Вот я и стою...

Еще Батюшка рассказывал мне, какие у него были скорби, и как Господь всегда избавлял его Своею благодатию.

– Это я вам говорю для того, чтобы поселить в вас веру в Господа, потому что вам придется ее впоследствии показать. Одна у меня надежда – на Бога, истинно говорю вам: «не надейтесь на князи, на сыны

человеческие...»

Еще как-то Батюшка сказал мне:

– Вы поступаете в монашество при самых благоприятных условиях, потому что позже будут вам великие скорби, но вы их перенесете, ибо уже окрепнете, и они послужат для прославления имени Божия и для получения венцов...

Иногда из слов и дел Батюшки я вижу, насколько мне доступны, мудрость и рассуждение Батюшки, вера в Бога, надежда на Его милость и другие иноческие добродетели, а я истинно нищ и убог есмь. Далеко не всегда сознаю я это, но бывают минуты. Господи, даждь мне смирение.

3 октября

Вчера ко бдению я пришел во время литии, был задержан Батюшкой. Когда я шел от бдения, была прекрасная лунная ночь, но я мало обращал внимания, так как ноги очень устали, и было морозно, думал как бы поскорее в келию придти.

К обеду меня разбудил мой сосед Григорий, спаси его Господи, а то проспал бы. Пришел в церковь минут за пять до звона. Люблю я придти в храм за 15–10 минут до звона и сесть, творя молитву Иисусову. Я замечал, что после этого всегда уже и за службой легко творится молитва Иисусова. А если придешь не заблаговременно, то иногда очень долго не наладишь себя на молитву Иисусову.

Вечерком ходил с Батюшкой немножечко по скиту и на ходу открывал помыслы.

5 октября

Бдение правила у Батюшки. Батюшка служит в монастыре. Я к обедне не ходил, а в 6 часов утра поехал на скитскую дачу по поручению Батюшки. Скорбь всем истинно любящим обитель нашу святую... Пока скит еще стоит в стороне. Но вот сию минуту комиссия пришла осматривать наш новый храм. Как и зачем – не знаю.

Как-то Батюшка сказал мне, что о. Макарий – великий старец – через каждые три года перечитывал Авву Дорофея и Лествицу и находил все новое и новое, ибо рос духовно. Перечитывал их Батюшка, и мне сказал, что надо через каждые три года.

Батюшка благословил мне прочитать житие преп. Никодима Кожезерского чуд. (3 июля), а потом благословил начать изучение устава Богослужения. Батюшка прибавил, что это нужно для всякого послушника. За разрешением недоумений Батюшка благословил обращаться к о. Кукше, а в пособие взять из библиотеки книгу Булгакова. Праздники Батюшка благословил употреблять на чтение, так как это единственно свободное у меня время, но благословил делать и проходки по скиту или за скитом, сказав, что это для меня будет полезно.

Читал письма старца Макария. Батюшка говорил мне, чтобы в один день я не брал разных книг: то ту, то другую – а чтобы читал что-либо одно.

19 октября

Вчера приехал в Оптину Иванушка, ночевал у Батюшки. Сегодня был я на водоосвящении в новом храме. Иванушка почти весь день был у меня, ночует опять у Батюшки. Не знаю, что про него сказать. Спаси его, Господи, и помилуй, ими же веши судьбами.

Приезжал к Батюшке некто Е. Н. Погожев, про него мне Батюшка неоднократно говорил, а ему говорил про меня, как принадлежащего прежде к интеллигентной среде, бросившего все это и пришедшего в скит. Вот он и попросил Батюшку, чтобы нам познакомиться и побеседовать, что Батюшка и разрешил, послав меня к нему в приемную. Это было перед самой трапезой, и нам не удалось побеседовать. Тогда он просил Батюшку дозволения придти перед бдением. Батюшка дозволил. В начале 6-го часа я опять пришел, и мы беседовали до самого благовеста ко всеобщей. Он много меня расспрашивал о причинах и обстоятельствах моего поступления в скит. Касались монашества, св. отеческих писаний и вообще духовной жизни. Е. Н. обещал мне прислать книгу своего сочинения «Современные подвижники». Спаси его, Господи.

29 числа Батюшка объявил сначала мне, а потом Иванушке, что о. архимандрит согласен опять принять его. Сегодня он уехал по своим делам в Москву, где хочет выждать время, не освободится ли келия, так как двоих будут призывать через неделю.

Открываю помыслы и чувствую благотворность сего. Спаси Господи, Батюшку.

31 октября

28-го поздно вечером скончался о. Пимен. Говорят, что он сковырнул прыщик на лбу, от чего начало опухать лицо, и скончался он не то от рожи, не то от воспаления, которое передалось в мозг. Дай Бог ему царство Небесное. Батюшка его любил и мне говорил, что о. Пимен был действительно монах.

Эти дни я был занят составлением ведомостей. Сегодня читал на трапезе. Батюшка на трапезе не был. Чувствую общую слабость. Читаю письма о. Макария.

Ноябрь. 5 ноября

28 октября приехал в Оптину граф Лев Толстой. 29 числа уехал из Оптиной, не побывав ни у о. архимандрита, ни у батюшки, ни у о. Иосифа. Доехав до ст. Астапово, он почувствовал себя нехорошо и далее не поехал.

Подробностей не знаю, только св. Синод благословил о. Иосифа (так как граф знал и был у о. Иосифа) ехать к графу для убеждения его в истинах Св. Православной Церкви. О. Иосиф хотел ехать, но почувствовал сильную слабость, отказался. Тогда телеграммой было дано благословение Батюшке ехать вместо о. Иосифа. Вчера вечером Батюшка начал собираться. Я почему-то волновался внутренне, но после чтения канонов и акафистов и вообще вечернего молитвенного правила, я успокоился. Батюшка сказал мне, что полагает меня взять с собою.

Около 12 часов ночи мы, все уложив, разошлись по келиям. Встал я сегодня в 4 часа утра, в шестом часу я с пономарем и о. Нектарием отправили молебен. Батюшка стоял в алтаре. Затем, после молебна, все пошли к Батюшке. Позже я пошел в келию, окончательно собрался и, наконец, пошли в монастырь к о. архимандриту. Батюшка с о. Феодосием шли впереди (о. Феодосий пришел к Батюшке для исповеди его и вообще как духовник). Я шел сзади, брат Григорий рядом со мной нес сумку. Придя к о. архимандриту, все пошли по своим делам, а я с братом Григорием дожидались.

Вдруг меня позвал Батюшка, объявил, что я остаюсь и простился со мной. Я все-таки дождался отъезда Батюшки, и когда он уехал, я пошел на могилки к старцам, помолился за Батюшку и за себя и пошел в скит. Зайдя в келейную Батюшки, я напился чаю, отпустил закупщика и пришел в келию. Волнения не чувствовал. Я помолился о благополучии Батюшки и сел писать этот дневник. А вчера чувствовал волнение, не то грустно, не то скорбно мне было. Господи, спаси Батюшку, и буди воля Твоя.

Вчера написал Иванушке письмо, а от него получил 31 октября. Особого ничего не было в письме.

Вчера Батюшка дал мне четыре носовых платка. Принеся их в келию, я сам себе сказал:

– Платки, платки, не придется ли мне вами утирать слезы во время скорби?

6 ноября

Сегодня с утра занимался письменными работами. На душе покойно. За Батюшку по силе молюсь. Как и что с Батюшкой, пока еще ничего не слышно. Читал сегодня за обедней Апостола.

7 ноября

Бдение в телесном отношении было нетрудно стоять, и молитва шла довольно легко. Сегодня обедню также стоял легко. Правили службу воскресную и Божией Матери Скоропослушнице.

Я по силе помолился о благополучии Батюшки перед Ее святой иконой. Чувствую в теле слабость, хотя и небольшую. Думаю записать то, о чем с Батюшкой говорил на днях.

Я спрашиваю Батюшку:

– Исповедь и откровение обязательно должны быть у одного лица или можно у одного исповедоваться, а другому открывать помыслы?

– Конечно, исповедь – одно, откровение помыслов – другое. Св. отцы пишут: когда не к кому обратиться, то избери себе единокровного брата и ему открывай свои помыслы. Помыслы можно открывать даже не имеющему священного сана... (о. Иосиф, о. Нектарий).

2-го ноября также немного побеседовали. Между прочим, Батюшка рассказал, как он первый раз приехал в Оренбург, когда ему было лет 8–9. Был он и ранее, но совсем младенцем, вследствие чего ничего не помнит. Приехал Батюшка с отцом своим и попросился походить по городу. Отец дозволил.

Вот побежал отрок Павел, нынешний Оптинский старец, бежит и видит собор Спас Преображенья, прекрасный собор, громадная колокольня. Посмотрел, бежит далее, видит другой собор – Введенский, посмотрел и далее бежит мимо губернаторского дома к Троицкому собору, а от Троицкого собора выбежал на площадь. На площади многолюдство, базар. Пробираясь сквозь толпы народа, он вдруг увидел карлика, махающего длинной палкой. Испугавшись этого карлика, он спрятался за народ.

«Вот», закон.....

На этом обрывается дневник о. Никона.

Дальнейшие сведения очень кратки. Известно, что он был пострижен в мантию 24 мая 1915 года. Посвящен в сан иеродиакона 10 апреля 1916 года, в сан иеромонаха 3 ноября 1917 года.

Сохранилось единственное письмо его к матери от 1922 г. уже после революции и несколько его проповедей

Часть вторая

Письмо иеромонаха Никона своей матери

(Оптина пустынь, 1922 год).

Христос посреде нас, дорогая мамаша.

Мира и радования о Господе Иисусе усердно тебе желаю и прошу твоих святых молитв и родительского благословения.

О себе что писать мне? Я жив и здоров, нужд никаких особых не имею, необходимое все получаю, тружусь несколько в письмоводстве, много занят бываю различными делами по обители или, вернее, делами, касающимися вообще нашего общего жития, пою на клиросе и, наконец, служу, предстоя престолу Божию во святом алтаре.

Что касается моей внутренней жизни и по келье, и по душе, то это далеко не всем можно знать. Келия моя в длину имеет 5 аршин, в ширину 3 арш. 6 верш, в одно окно. Келия для меня дороже всяких пышных домов и чертогов.

Что касается условий нашего общего жития, то это дело сложное и вместе очень простое: сложное, ибо трудно изложить на бумаге все, что сейчас представляет бывший монастырь, и все что мы переживаем и предпринимаем, простое, ибо «Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущие», по псаломскому слову ([Пс. 126](#)). Да, нужно принимать меры возможные, подсказываемые здравым разумом и непротивные духу христианского и иноческого жития, но, принимая их, успеха ожидать должно всецело от руки Господней.

Гордость человеческая говорит: мы сделаем, мы достигнем, и начинаем строить башню Вавилонскую, требуем от Бога отчета в Его действиях, желаем быть распорядителями вселенной, мечтаем о заоблачных престолах,— но никто и ничто не повинуется ей, и бессилие человека доказывается со всею очевидностью горьким опытом. Наблюдая опыт сей из истории и древних, давно минувших дней и современных, прихожу к заключению, что непостижимы для нас пути Промысла Божия, не можем мы их понять, а потому необходимо со всем смирением предаваться воле Божией.

Затем второе: никто и ничто не может повредить человеку, если сам себе он не повредит, напротив, кто не уклоняется от греха, тому и тысяча спасительных средств не помогут. Следовательно, единственное зло есть грех: Иуда пал, находясь со Спасителем, а праведный Лот спасся, живя в Содоме. Эти и подобные этим мысли приходят мне, когда поучаюсь я в

чтении св. отцов и когда гляжу умственно на окружающее.

Что будет? Как будет? Когда будет? Если случится то и то, куда приклониться? Если совершится то и то, где найти подкрепление и утешение духовное? О, Господи, Господи. И недоумение лютое объемлет душу, когда хочешь своим умом все предусмотреть, проникнуть в тайну грядущего, не известного нам, но почему-то страшного. Изнемогает ум, планы его, средства, изобретаемые им – детская мечта, приятный сон. Проснулся человек – и все исчезло, сталкиваемое суровой действительностью, и все планы рушатся. Где же надежда? Надежда в Боге.

Господь – упование мое и прибежище мое. В предании и себя и всего воле Божией обретаю мир душе моей. Если я предаю себя воле Божией, то воля Божия и будет со мной совершаться, а она всегда благая и совершенная. Если я Божий, то Господь меня и защитит, и утешит. Если для пользы моей пошлется мне какое искушение – благословен Господь, строящий мое спасение. Даже при наплыве скорбей силен Господь подать утешение великое и преславное... Так я мыслю, так я чувствую, так наблюдаю и так верую.

Из этого не подумай, что я много пережил скорбей и испытаний. Нет, мне кажется, что я еще не видал скорбей. Если и бывали со мной переживания, которые по поверхностному взгляду на них по своей видимости казались чем-то прискорбным, то они не причиняли мне сильной сердечной боли, не причиняли скорби, а потому я не решаюсь назвать их скорбями. Но я не закрываю глаза на совершающееся и на грядущее, дабы уготовить душу свою во искушение, дабы можно было мне сказать псаломскими словами: «Уготовихся и не смутихся».

Я сообщал тебе, что у нас было следствие, ревизовали дела нашего Товарищества. Это следствие не кончено еще, суда еще не было. Когда будет суд, и чем он кончится – Бог весть. Но, несомненно, без воли Божией ни со мной, в частности, ни вообще с нами ничего совершиться не может, и потому я спокоен. А когда на душе спокойно, тогда чего же еще искать?

Сейчас я пришел от всенощной и заканчиваю письмо, которое начал еще перед всенощной. Господи, какое счастье. Какие чудные глаголы вещаются нам в храме. Мир и тишина. Дух святыни ощутительно чувствуется в храме. Кончается служба Божия, все идут в дома свои. Выхожу из храма и я.

Чудная ночь, легкий морозец. Луна серебряным светом обливает наш тихий уголок. Иду на могилки почивших старцев, поклоняюсь им, прошу их молитвенной помощи, а им прошу у Господа вечного блаженства на

небе. Могилки эти много вещают нашему уму. И сердцу, от этих холодных надгробий веет теплом. Пред мысленными взорами ума встают дивные образы почивших исполинов духа.

Эти дни я неоднократно вспоминал Батюшку Варсонофия. Мне вспоминались его слова, его наставление, данное мне однажды, а может быть, и не однажды. Он говорил мне: «Апостол завещает: «Испытывайте себя, в вере ли вы»,– и продолжал: – Смотрите, что говорит тот же Апостол: «Течение скончах, веру соблюдох, а теперь мне готовится уже венец». Да, великое дело – сохранить, соблюсти веру. Поэтому и я вам говорю: испытывайте себя, в вере ли вы. Если сохраните веру, можно иметь благонадежие о своей участи».– Когда все это говорил мне почивший старец (а говорил он хорошо и с воодушевлением, насколько помнится, вечером, при тихом свете лампы в его дорогой уютной старческой келии), я чувствовал, что Он говорит что-то дивное, высокое, духовное. Ум и сердце с жадностью схватывали его слова. Я и прежде слышал это апостольское изречение, но не производило оно на меня такого действия, такого впечатления.

Мне казалось: что особенного – сохранить веру? Я верую и верую по-православному, никаких сомнений в вере у меня нет. Но тут я почувствовал, что в изречении этом заключается что-то великое; что действительно велико: несмотря на все искушения, на все переживания житейские, на все соблазны – сохранить в сердце своем огонь святой веры неугасимым и неугасимым даже до смерти, ибо сказано: «Течение скончах», т. е. вся земная жизнь уже прожита окончена, уже пройден путь, который надлежало пройти, я уже нахожусь на грани земной жизни, за гробом уже начинается иная жизнь, которую уготовала мне моя вера, которую я соблюл. «Течение скончах, веру соблюдох». И заповедал мне дивный старец проверять себя время от времени в истинах веры православной, чтобы не уклониться от них незаметно для себя. Советовал, между прочим, прочитывать православный катехизис Митрополита Филарета и познакомиться с «Исповеданием веры восточных патриархов».

Ныне, когда поколебались устои Православной Российской Церкви, я вижу, как драгоценно наставление старца. Теперь, как будто, пришло время испытания: в вере ли мы. Ведь надо знать и то, что веру соблюсти может тот, кто горячо и искренно верит, кому Бог дороже всего, а это последнее может быть только у того, кто хранит себя от всякого греха, кто хранит свою нравственность. О, Господи, сохрани меня в вере благодатию Твоею.

Мысль о возможности сохранения веры лишь при доброй нравственности не моя, это учение и евангельское и святоотеческое. Вот

что говорится в св. Евангелии от Иоанна, гл. III, 19–21: «Свет прииде в мир, и возлюбиша человецы паче тьму, неже свет: беша бо их дела зла. Всяк бо делаяй злая ненавидит Света и не приходит к Свету, да не обличатся дела его, яко лукава суть: творяй же истину, грядет к Свету, да явятся дела его, яко о Бозе: суть соделана».

Светом тут Христос называет Себя. Он убеждает современных Ему иудеев оставить искания славы от Единого Бога, при котором человек неспособен к вере; они лишь насмеялись... «Как вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы яже от Единого Бога не ищите?» (Ев. [Иоан. 5, 44](#)).

И еп. Игнатий Брянчанинов, указывая на эти слова Евангельские, говорит, что, подобно другим страстям, страсть тщеславия уничтожает веру в сердце человеческом: подобно им, оно делает сердце человека не способным для веры во Христа, для исповедания Христа... Поэтому, усердно прошу твоих святых молитв, да сохранит меня Господь от всякого зла, т. е. греха во всех его видах,— тогда никакое внешнее положение не сможет повредить мне.

Хотел я лишь кратко сообщить тебе, что я здоров и жив, и паче всякого чаяния, увлекся писанием. Когда же писал, я едва успевал следить за мыслью и записывать то, что она мне диктовала. Все это как-то невольно вылилось из-под пера, и есть глубокое мое убеждение...

Да хранит всех вас Господь. Прошу у всех святых молитв, а я, по мере сил моих немощных, всегда памятую молитвенно о всех. Прости.

Благодать Господа и Бога нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца и причастие Святаго Духа буди со всеми вами. Аминь.

15/28–16/29 ноября 1922 года.

Оптина Пустынь.

Уже 2-й час ночи.

Поучение иеромонаха Никона

(Записанное им самим).

Это было уже давно. Не помню, по какой причине покойный ныне о. протоиерей просил меня однажды великим Постом отслужить за него позднюю литургию в соборе. Я с радостью согласился. Была пятая неделя Святого Поста.

В свое время я начал служение литургии и спокойно служил. Настало время чтения св. Евангелия. Вручив св. Евангелие для чтения иеродиакону, я, по обыкновению, стоя у горнего места за престолом, приготовился внимать Божественным глаголам живота вечного. И вот диакон зачитал: «Се восходим во Иерусалим, и Сын человеческий предан будет архиереом и книжникам, и осудят Его на смерть и предадут Его язычникам: и поругаются Ему и уязвят Его и оплюют Его и убьют Его: и в третий день воскреснет». (Марк. зач. 47, гл. 10, 33–45).

Грешное мое сердце затрепетало во мне. Мне живо вспомнилось то, что было уже много лет назад. Мне вспомнился скит, наш тихий скит, духовно воспитавший нас. Мне вспомнился почивший наш старец, дорогой старец, отец и наставник, окрилявший нас, старавшийся посеять в сердца наши благие семена духовной жизни и монашества, вникавший в смысл Священного Писания и понимавший его духовное, таинственное значение. Мне вспомнилось, как однажды в пятое воскресение Великого Поста, после литургии, придя в свою келию, он спросил меня, обратил ли я внимание на то, какое читалось за литургией Евангелие, и, указывая на слова: «Се восходим во Иерусалим и преда будет Сын Человеческий... и поругаются Ему, и уязвят Его, и оплюют Его», сказал: «Вот степени восхождения в Горний Иерусалим: их надо пройти. На какой степени находимся мы?»

Не помню точно, что было сказано еще, насколько касались вообще духовного значения и смысла сих слов евангельских, но помнится, как будто этим вопросом кончилась беседа. Таинственно, задумчиво был задан этот вопрос.

Внимая словам старца, слагая их в сердце своем, я молчал. И вот, не помню теперь, через сколько дней, а может быть, и часов, настоятель объявил старцу о переводе его из скита в Московскую епархию. Великую скорбь причинило это старцу. Ведь скорбью надо считать не то, что по внешности переживает человек, а то, насколько попускается ему Богом

быть удрученным от этого переживания, причиняющего ему и сердцу его скорбь и страдание.

Старец воистину тогда страдал. Делясь со мною скорбью своею, однажды он сказал мне, что от великой внутренней борьбы и скорби он боится сойти с ума. И ему, и нам было вполне понятно, что такое распоряжение высшего начальства было для старца наказанием, что оно устроено его недоброжелателями, что имели тут место и клевета, и человекоугодие, и ложь, и многое другое, о чем кратко невозможно написать. Действительно: и поругались над старцем, и уязвили его, и оплевали его (нелепые клеветы и сплетни около его имени, обвиняли его даже в ереси и хлыстовстве), и убили его, ибо от всех скорбей и переживаний и в последние дни пребывания в скиту, и на месте нового служения, подорвалось его здоровье старческое, и без того уже слабое, и он ровно через год скончался.

Назначенное ему служение при выполнении всех связанных с ним обязанностей и при переживании всего, что причиняли ему условия и обстоятельства жизни на новом месте, было для него крестом, и крестом тяжелым. Веря, что крест посылается лишь Богом, старец все терпел, пребывая на кресте, предавшись воле Божией и не прибегая к человеческим средствам. Пройдены им были степени восхождения во Иерусалим...

Все это мгновенно вспомнилось мне, наполнило мой ум и сердце чувствами и мыслями. До того времени я никогда не говорил слов и поучений в церкви (приходилось лишь читать по книге), но тут появилось желание поделиться с другим, сказав к народу слово. Воистину: от избытка сердца глаголют уста. Одна мысль настойчиво требовала произнести слово, другая внушала, что если скажу, то потерплю за это. Вторая мысль внушала опасение за мое внешнее благополучие,— и первая мысль превозмогла. Но, не желая первого моего слова в храме сказать без благословения, я решил, за неимением на лицо никого иного в алтаре, предложить это служившему со мною иеродиакону на рассуждение и благословение.

Ответ был утвердительный, и я, по окончании литургии, вышел и сказал мое первое слово. Я умолчал о старце и всех воспоминаниях моих, я стал изъяснять смысл прочтенного Евангелия, святые слова которого наполняли мою душу. Не могу изложить всего, что было сказано мною, ибо не помню, но из многого немногое: то, что наполняло мою душу, то, что поныне живет в ней, милостию Божией напишу в назидание и тебе, и самому себе.

– Иерусалим в духовном смысле,– говорил я,– означает Царство Небесное. Восхождение в него – есть жизнь земная каждого верующего человека, создающего свое спасение. Умилительно это изложено в стихире Великого страстного понедельника: «Грядый Господь к вольной страсти, Апостолом глаголаше на пути: се восходим во Иерусалим и предается Сын Человеческий якоже есть писано о Нем. Приидите убо и мы, очищенными смысли сшествуем Ему и сраспнемся и умертвимся Его ради житейским сластем, да и оживем с Ним, и услышим вопиюща Его: не ктому в земный Иерусалим, за еже страдати, но восхожу ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему, и совозвышу вас в Горний Иерусалим, в Царство Небесное».

Спасающемуся о Господе необходимо предлежат степени восхождения в Горний Иерусалим. На жизненном пути неизбежно встречаются его скорби и искушения. К ним нужно быть готовым. Наша немощь человеческая не хочет их, часто забывает о неизбежности их и желает лишь земного счастья. Обратите внимание, что даже св. Апостолы до получения даров Духа Святого и дара – разуметь писания – не были чужды желаний временной славы и счастья, как, например, повествуется в Евангелии. После слов Христа о грядущих скорбях и смерти, сыновья Зеведеевы просят у Христа почестей временного царства Его, которого они тогда ожидали, но вместо этой почести чашу смерти обещал Христос пить друзьям Своим. (См. Трипеснец на утрени Страстного понедельника.) Посему, если видим жизнь нашу, исполненную скорбей и неисполнившихся надежд и желаний, да не унываем. Так должно быть.

Жизнь христианина должна быть подобна жизни Христа. Св. апостол Петр возвещает нам: «Христос пострадал за нас, оставив нам образ, пример, дабы мы шли по следам Его». (Посл. 1, 2–21.) Для того Христос и святые заповеди дал, дабы мы в них пребывали, и через то были действительно Христовыми учениками по самой жизни своей, и не по одному только тому, что называемся христианами. «Вас тогда Моих учеников познают все, если Моя заповеди соблюдете»,– говорит Спаситель друзьям, идя на страдания, как сказано в церковной песне (смотри тот же Трипеснец).

Чтобы исполнять заповеди Христовы, надо знать их. Они изложены в Евангелии. Читайте Святое Евангелие, проникнитесь духом Его, сделайте его правилом жизни своей, настольной книгой, во всяком поступке и жизненном вопросе поступайте согласно с учением Евангелия. Это – единственный свет жизни нашей. Среди прочих заповедей и учений читаем во Святом Евангелии то, которое кратко произнес Христос

Спаситель: учение о необходимости смирения. Он подтвердил его ученикам Своим перед самыми крестными страданиями, как повествуется в нынешнем Евангелии и других местах его. (Напр. [Иоан. 13, 13–15.](#))

Без смирения нельзя быть учеником Христовым. Без смирения сердце человека не примет, не усвоит себе Христова учения. Смирение сердца внушает человеку быть покорным воле Божией, принимать покорно все, что Господу угодно будет послать человеку на жизненном пути его, покорять свой ум, свое рассуждение, свои хотения в послушание Христово.

Опыт показывает, какие горькие плоды пожинают те, которые все делают по своемумышлению, какое мучительство причиняет человеку разум самоизбранный (Трипеснец), в какую бездну падения и гибели ввергает человека оставление учения и пути Христова. Тесным и прискорбным кажется путь Христов, но он дает человеку, идущему по нему то, что он не променяет ни на какие суетные временные сокровища и утехи мира сего. Так дорого то, что дает Христос Господь верующим...

Предадим же себя всецело воле Божией, сердечною молитвою умолим Христа, дабы быть с Ним на Его пути, и по нему войти в Горний Иерусалим... Аминь.

Беседа после всенощной

15 июня 1924 г.

Вечером, после всенощного бдения Батюшка обернулся к нам и сказал:

– Поздравляю вас с праздником. Бог дал, отслужили мы с вами еще раз всенощную; быть может, в последний раз, а, может быть, и не в последний... Может, Господь приведет нас еще когда-нибудь собраться вместе и помолиться...

Но так или иначе, а возможно, что нам придется разлучиться и разойтись в разные стороны... Может быть, вы и будете иметь возможность видеть меня и бывать у меня в Козельске, хотя, вероятно, и не так удобно и так часто.

Но это не так важно. Ведь духовный отец нужен для чего? Чтобы при помощи его незаблудно шествовать и достигать Царства Небесного, а для этого необходимо, главным образом, исполнять на деле наставления, советы и указания духовника, жительство свое проводить благочестиво.

Были примеры, что некоторые имели возможность часто бывать у старца, иные даже постоянно сидели возле старца, непрестанно слышали его наставления, даже и жительствовали с ним и оставались бесплодными. А некоторые имели редкую возможность бывать у старца и удостаивались слышать краткое наставление, но преуспевали...

Так вот, не в том сила, чтобы часто бывать у отца духовного, а в том, чтобы его наставления исполнять, чтобы не быть бесплодными. И я прошу вас, постарайтесь, чтобы не погибли мои убогие труды..

Считаю нужным напомнить вам, что я всегда особенное обращал внимание на тщательную исповедь. Есть указание у св. отцов и у еп. Игнатия Брянчанинова, что греховные навыки и страсти не поддаются уврачеванию без исповеди. Всякое врачевание будет неполным и недостаточным без исповеди, а при помощи исповеди они удобно искореняются. Поэтому я прошу вас всегда обращать особенное внимание на исповедь, всегда тщательно готовиться к ней и чистосердечно исповедовать все свои согрешения. И я всегда старался неспешно и тщательно каждого из вас исповедать и подробно спрашивал, чтобы ничего не оставалось на совести. А если кто по неразумию не все откровенно и чисто исповедал, то пусть исповедует, чтобы совесть была неоскверненной.

Духовника бояться нечего, и стыдиться его не должно. Духовник все знает, все грехи знает, так как у него не одна душа, а сотни исповедуются, и его не удивит никаким грехом, как бы он велик и тяжок не был. Наоборот, всякий исповеданный какой-либо тяжкий грех возбуждает во мне особенную заботу о душе, и я никогда не изменялся и не могу измениться в своем отношении к душе, какие бы ни были исповеданы ею согрешения, наоборот, я больше о ней болею, беспокоюсь, забочусь о ее уврачевании и спасении. Поэтому, старайтесь ничего не скрывать, старайтесь чисто исповедываться.

Тщательная исповедь необходима, а с нею вместе необходима и добрая нравственность, благочестивая жизнь, жизнь по заповедям Божиим. Старайтесь иметь душевную и телесную чистоту, старайтесь после исповеди уже не грешить сознательно, произвольно не грешить в надежде на покаяние, так как, по учению Святой Православной Церкви, если кто грешит в надежде на покаяние, тот повинен в хуле на Духа Святаго. Сознательно грешить с безрассудной надеждой на благодать Божию и думать: «Ничего, покаюсь», – это есть хула на Духа Святаго. (Православное исповедание Церкви Восточной Восточных патр. III ч. вопр. 38–39). Бойтесь сего и блюдите себя от произвольных согрешений.

Одно дело – грешить бесстрашно, сознательно и не каяться, а другое дело, когда человек не хочет грешить, плачет, кается, просит прощения, но по немощи человеческой согрешает. Человеку свойственно согрешать, падать и не должно унывать и приходить в чрезмерную печаль, если придется согрешить. Но не каяться свойственно бесам, поэтому необходимо каяться.

Старайтесь исправляться, иметь добрую нравственность, хранить неоскверненную совесть во всех отношениях. Если не будет доброй нравственности, невозможно будет сохранить в чистоте и святой веры. Поэтому, обращаю особенное ваше внимание на это и прошу вас жить благочестиво, чтобы соблюсти веру православную, чтобы никто и ничто, никакие обстоятельства, никакие скорби не могли отторгнуть вас от нее, а для этого нужно непременно молиться, просить помощи Божией сохранить веру свою непорочную.

Молитва необходима, и я прошу вас, упражняйтесь неопустительно и неленостно в молитве. Исполняйте свои молитвенные правила. Если нельзя почему-либо все правило исполнить, то хотя бы половину, хоть некоторую часть его исполните, старайтесь не оставаться ни одного дня без молитвы. Сказано в правилах монашеских, что кто не исполняет правила своего, кто не читает часов 1, 3, 6 и 9 и изобразительных, тот не

должен есть и является душою своею мертв пред Богом. Пребывайте в молитвенном делании. Знайте, что если оставите молитву, если будете опускать правила, то незаметно дойдете до такого состояния, что при желании молиться, при сильной потребности помолиться, не сможете... Хотела бы душа помолиться, но сердце черствое и холодное... и будете стоять, как чурка.

Молитвою испрашивается помощь Божия, привлекается Божие благословение... Будет человек призывать благословение, и придет к нему оно и, наоборот, как сказано: «Не восхоте благословения и удалится от него» ([Пс. 108, 17](#)). Старайтесь молитвою испрашивать Божие благословение, и придет благословение и помощь Божия.

Да, так-то, исповедь, благочестие или добрая нравственность и молитва необходимы в деле спасения души, но это еще только внешнее, это только труды, только подвиги, это еще только листья, необходимо же принести плоды добродетели, а плоды суть следующие: кротость, смирение и любовь. ([Гал. 5, 24](#).) «На кого воззрю, только на кроткого и молчаливого и трепещущего словес Моих», «Научитесь от Меня, яко кроток есмь и смирен сердцем», а далее сказано: «и обрящете покой душам вашим».

Если будете кротки и смиренны, не будете ссориться, будете уступать друг другу, если будете благочестивы, во всех заповедях Божиих непорочны, то душа ваша будет покойна, и к вам придет мир Христов, «мир всяк ум превосходящий» (Филипп. 4, 7), и покой душевный такой будет, что тогда не будете бояться никакого зла.

В церкви часто поют, вы, вероятно, не раз слышали: «Праведник от слуха зла не убоится», если же мы боимся, беспокоимся и смущаемся еще только слыша о хотящих прийти напастях, о грядущих бедствиях и зле, то этот страх наш изобличает нас в том, что мы далеко не праведники, а грешники, и потому должны смиряться. Если же мы приобретем кротость, будем смиренны, если мир будет в сердцах наших, то тогда исполнится следующее: «Посему узнают вси, яко ученицы Мои есте, аще любовь имате между собою». Имейте любовь, уступайте друг другу, воздавайте одна другой честь, не себе угождайте, будьте в любви, деточки мои возлюбленные...»

И Батюшка умолк. Наступила пауза. Некоторые стали вопрошать его о том, как, где и каким образом можно будет его видеть в Козельске и приходить к нему. Батюшка хотя и отвечал, но вскользь и предположительно. Потом он начал опять свое слово, говоря:

– Все это второстепенное, т. е. внешние условия жизни нашей, все это

неважно, все это тоньше паутины, а главное то, с чего я начал и чем кончаю. Я внимание обращаю собственно на души ваши; главное в деле духовном – в спасении своей души. Постарайтесь, чтобы мои убогие труды ради спасения душ ваших не пропали даром, постарайтесь, повторяю вам, очищать свои души исповедью, иметь добрую нравственность или благочестие; приобретите кротость, смирение, молитву и стяжите любовь... В остальном же во всем, во внешности, предадимся воле Божией, ибо воля Божия всегда благая и совершенная. Ни один волос с головы вашей не спадет без воли Божией... Прошу ваших святых молитв, а вас всех вручаю покрову Царицы Небесной...

И Батюшка стал всех благословлять. Некоторые плакали о нем, а Батюшка ласково сказал:

– Вот чудесненькие, ведь я – монах, я давал обет терпеть всякое озлобление и укоризну, поношение и изгнание, и если сие сбывается, если сие терплю, то радоваться подобает – так совершается чин пострижения на деле, и не унывать надо, а вы слюни распускаете... Сказано: «Радоваться подобает, егда во искушения впадаете различные...»

Батюшка стал собираться уходить и еще сказал:

– Помню, когда я был еще Николаем, батюшка о. Варсонофий сказал надо мною молитвенно такие слова:

– Господи, Спаси сего раба Твоего. Буди ему Помощник. Защити его, когда он не будет иметь ни крова, ни приюта. Аминь.

Оптина пустынь.

Беседа в субботу на день св. Первоверховных Апостолов Петра и Павла после всенощной под воскресенье.

29 июня 1924 г.

Одна раба Божия пришла как-то ко мне и просила меня объяснить ей значение слов 136-го псалма «На реках Вавилонских». Я обещал исполнить ее просьбу, и затем мне пришла мысль сказать всем вам несколько слов на эту тему, так как этот псалом весьма подходит к нам – инокам, и в особенности теперь, когда нас изгоняют из святой обители. Наше настоящее скорбное переживание весьма подходяще к тем переживаниям иудеев, когда лишили их отечества, их возлюбленного Иерусалима, святого храма и повели в плен. Нам подходяще значение и смысл сего псалма, ибо в нем слышатся скорбь и плач, подобные тем, кои ныне преисполняют и наши сердца.

В псалме оплакивается судьба Иерусалима и иудеев. Им было попущено за их согрешения пленение Вавилонское, и когда их вели в плен в Вавилон, они, принуждаемые ведущими их вавилонянами к пению, горько плакали, вспоминая свое отечество, свой славный град Иерусалим, свой храм. Как было у них хорошо, какого они лишились блага, счастья, свободы и удобства служения Господу, – и они скорбно восклицали: «Как воспоем песнь Господню на земли чуждей? Прильпни язык мой к гортани моему, аще забуду тебе, Иерусалиме». – «Пусть, – говорили они, – прилипнет язык мой к гортани, если забудем тебя, Иерусалим, если будем искать иного утешения, кроме тебя.»

Подобную скорбь, подобную печаль переживаем и мы – иноки – в настоящее время. Нас гонят из монастырей, хотят, чтобы мы забыли свои святые обители, чтобы мы оставили образ иноческого жития, чтобы начали иную жизнь, жизнь мирскую, чтобы мы пренебрегли своими монашескими обетами. Но... нет. Пусть и наш язык прилипнет к гортани нашей, если мы забудем свою иноческую жизнь, если забудем свои монашеские обеты, оставим служение Господу, пренебрежем Его святыми заповедями и пойдем по широкому и пространному пути мира сего в забвении и грехах. «Прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну тебе, Иерусалиме». Да не будет сего с нами.

Будем всегда неизменно помнить, как хорошо было нам в святых

обителях, в которых самая обстановка, условия жизни и все возбуждало в нас желание служить Господу, исполнять его святые заповеди, побуждало хранить свою совесть, очищать сердце от страстей, рождало хорошие благочестивые мысли и чувства, где все нас располагало к богоугодному житию. Хотя теперь и силятся отнять от нас все эти удобства для духовного делания, но мы не забудем своих обетов, не оставим своего иноческого жития, будем стремиться служить Господу в усердном исполнении Его святых заповедей, хотя бы и в мирской обстановке.

Я замечаю, что многие из вас весьма скорбят о том, что приходится переселяться в иное место... Я сам на днях должен буду тоже выехать отсюда. Жаль оставлять обитель, невольно делается грустно. Но хотя эта печаль вполне естественна и понятна, все же нам не следует забывать, что все это внешнее, а потому и не имеет первостепенной важности, что это не то, о чем нам надо скорбеть по преимуществу. В настоящей нашей жизни печали не должны мы плакать и скорбеть безутешно, хотя нас и разбрасывают, и разлучают, и принуждают насильно оставлять святые обители наши. Ведь здесь, как и во всем, есть воля Божия, попускающая претерпевать нам сие за грехи наши, да и сказано еще: «Блажени есте, егда разлучат вас и поносят вас...».

Не о сем нужно нам скорбеть, а нужно нам глубже вникнуть в самих себя и тщательно проследить за своими помыслами, чувствами и плакать об имеющихся в нас страстных, греховных чувствах, желаниях, помышлениях, их должны мы непременно изгнать, как Богу неугодные, и, изгнав, уже отнюдь не допускать в свое сердце, ибо не можем мы в страстном состоянии петь песнь Господню. Невозможно сердцу страстному, сердцу неочищенному возглашать хвалебные гимны Богу. Такому оскверненному грехами сердцу приличны не хвалебные гимны, а горький покаянный плач о своем греховном страстном состоянии, плач о греховном своем пленении и молитвенное воздыхание ко Господу о помощи. Необходимо очистить сердце свое от всякой греховной скверны, ибо только чистым сердцем можно воспеть Богу песнь нову. «Терпя потерпех Господа», в подвиге ради Царства Небесного, и «внят ми и услыша молитву мою». «И возведе мя от рова страстей и от брения тины и постави на камени – веры Христовой, – нозе мои и исправи стопы моя», т. е. направив и утвердив в делании святых заповедей Божиих.» И вложи во уста моя песнь нову, пение Богу нашему» ([Пс. 39, 1–4](#)).

Итак, мы должны на все смотреть глубже, с духовной стороны и Господь, по слову Апостола, всем хочет спастися, ибо любящему Бога все поспешествует во благое, все служит средством для спасения, ибо все

внешнее при помощи Божией и при своем искреннем желании можно обратить во благое себе.

Единственное зло есть грех. И св. отцы, усматривая во всем внешнем духовный смысл, так истолковывают этот псалом: под пленом Вавилонским разумели они пленение души человека грехом, когда человек находится в плену у греховных страстей. «Какое воспою песнь Господню на земли чуждей?» – так восклицали они, чуждою землей называя страстное состояние сердца. Невозможно, невозможно в страстном состоянии богословствовать, петь хвалебные песни Господу, – нужно плакать, нужно, непременно нужно прежде всего озаботиться и постараться землю сердца своего очистить от всего страстного, порочного, от всяких греховных помыслов и чувств покаянным плачем.

– «Дщи Вавилоня, окаянная, блажен, иже имет и разбьет младенцы твоя о камень...» Многие поражаются кажущейся им в этих словах жестокостью, понимая все буквально. Правда, в Ветхом Завете так и понималось, но в Христовой новой благодати это понимается совершенно иначе. Младенцами здесь, как объясняют св. отцы, названы возникающие страстные помыслы, страстные движения. Эти-то вот страстные помыслы и движения, как только они возникнут, как только они родятся, в самом начале их возникновения, так сказать, в их младенчестве, не давая им возрастать, но пока они еще малы и не укрепились, и надо уничтожать, разбивать о Камень. А Камень – есть Христос.

Бей именем Иисусовым, уничтожай молитвой Иисусовой и вообще средствами благодати Христовой сих младенцев Вавилонских. Вот какое глубокое понимание слов этого псалма оставили нам св. отцы.

Невольно вспоминаю здесь сон Батюшки отца Варсонофия, лично мне им рассказанный. Видел он себя стоящим в каком-то храме высоко на хорах. Перед ним проходят младенцы чередой, один за другим. Идет один мимо него по хорам, падает с хор и разбивается о пол; другой точно также проходит, падает и разбивается; третий также, все они идут и падают, и разбиваются. Один из них задержался было возле Батюшки, видимо, желая привлечь к себе его внимание и сочувствие, но Батюшка на него гневно прикрикнул, и он упал с хор и разбился.

Так, действительно, и разбивались Батюшкой Варсонофием вавилонские младенцы о камень. Так, действительно, и побеждал он страсти греховные силою Христовою, именем Иисусовым: «Блажен иже имет и разбьет младенцы твоя о камень». Не задерживались, не задерживались в сердце Батюшки лукавые помыслы и движения страстные – эти младенцы вавилонские, а разбивались они о Камень.

Так и нам не надо никогда останавливаться на помыслах. Пусть идут мимо, если они пришли к нам; отражайте их Иисусовой молитвой. Пусть не находят они в сердцах ваших сочувствия себе. Старайтесь очищать свои сердца, для этого-то и необходима, как я не раз говорил вам, кроме молитвы Иисусовой, памяти Божией, тщательная и откровенная исповедь, а я должен с прискорбием заметить, что некоторые из вас не только не открывают своих недостатков, но даже обманывают меня, духовного отца своего, лгут мне. До сих пор я не говорил этого, не обличал по причинам мне известным, но вот теперь говорю вам, что вижу и замечаю, как меня обманывают иногда, и это огорчает меня. К духовнику надо иметь откровенность и искренность, а не лукавство.

Старайтесь тщательно очищать сердца свои от всего, Богу неугодного, откровенною исповедью, Иисусовой молитвой и исполнением заповедей Божиих, так как только очищенное сердце может петь песнь Господню.

Приходит мне тут же на память и другой псалом (100-й), который читается на первом часе: «Милость и суд воспою Тебе Господи», ибо в этом псалме также можно видеть учение о внутреннем делании и молитве Иисусовой: «во утрия избивах вся грешныя земли». Во утрия, то есть в самом начале, в самом зачатке, как только появятся эти грешники земли, страстные проявления сердца нашего – младенцы вавилонские, так и должно их избивать. Смысл сего псалма мною уже вам разъяснен: путь непорочный, совершаемый исполнением всех заповедей Божиих. Когда человек во всем живет непорочно, когда единственное желание его – соединение с Господом в молитве и вообще духовной жизни, он восклицает: «Когда же Ты, Господи, придешь ко мне?». Человек испытывает себя, следит за собой и видит, что непричастен он злым делам, и просит Господа прийти к нему.

В молитве Иисусовой, в хранении сердца, в трезвении и внимании, в милости и духовном рассуждении проводит жизнь свою человек, не позволяет себе иметь на кого-либо злого сердца, не устремляет очей сердца своего на что-либо противное закону Божию; удаляется всякого законопреступного дела по ненависти ко греху и греховным помыслам и чувствам. Настолько противен человеку грех, что он не оказывает его проявлениям в себе никакого внимания: приходил враг, хотел соблазнить раба Божия на грех какой-либо, но так, не успевши в своем намерении, и отошел от него. Не усладился раб Божий предлагаемым грехом, не обратил никакого внимания на него, даже не познал, с каким именно видом греха приходил враг. «Уклоняющегося от мене лукавого не познах». Всякий помысл, клеветущий на ближнего, изгоняет из своего сердца раб Божий,

не позволяет себе осуждения, гордости, зависти, несытого сердца.

Все внимание подвижника, блюдущего сердце свое «на верных земли», устремлено на благие помыслы и чувства, одобряемые верою Христовою, ибо они помогают идти путем непорочным. Внимает он благим помыслам и чувствам и отвергает всякое зло, все греховное – одним словом, избивает во утрия вся грешныя земли, чтобы истребить от града Господня вся делающие беззакония, называя делающими беззаконие всякий грех, ибо грех есть беззаконие, а градом Господним называя душу свою, ибо душа человека предназначена для обитания в ней Господа, как и сказано Самим Господом во Святом Евангелии: «Приидем к нему и обитель у него сотворим», а вход Господа в душу человека готовится изгнанием из нее всякого греха.

Вот какие мысли рождаются в душе при углублении в смысл слов этого псалма. В нем говорится про внутреннюю жизнь человека, уже побеждающего страсти, близкого к совершенству, уготовляющего свое сердце для принятия Господа, а в псалме «На реках Вавилонских» говорится про внутреннюю жизнь человека, еще не очистившегося от страстей, хотя и сознающего свое греховное состояние, желающего освободиться от него и потому ублажающего тех людей, кои уже побеждают страсти: «Блажен их же имет и разбиет младенцы твоя о камень».

Нам, страстным, еще не очищенным от страстей, еще находящимся в плену Вавилонском, прилично плакать о грехах своих, и должно стараться во утрия избивать грешников земли сердца нашего, пока они еще младенцы. Об этом будем и заботиться, и беспокоиться. Об этом будем молиться Господу, прося Его всесильной помощи, а остальное все предадим на волю Божию...

Будем же молиться Господу, да поможет Он нам содевать свое спасение и никогда не забывать своих обетов иноческих.

Прошу вас помолиться обо мне, чтобы мне начать хоть чуточку свое исправление... Мир вам и спасение...

Зов Божий

[\(Мф. 4, 15–23\)](#)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Вы слышали ныне в Евангельском чтении, как Господь призывал Своих учеников, и как они послушно Ему повиновались, как послушно последовали за Ним. Он только сказал им: «Следуйте за Мной», и сказано: «восстав иде»,– и это оттого, что душа каждого из них была, так сказать, приурочена к зову Божию.

Подобно тому, как древле Господь призывал Своих учеников, так и ныне не перестает звать к Себе каждого из нас. Но души наши весьма ожесточились и прилепились к земле, и мы не слышим гласа Господня, остаемся и пребываем в нераскаянном своем состоянии.

Умилительно такое послушание святых апостолов и огорчительно такое ожесточение и неверие современных людей. Прошу вас, братия и сестры, внимайте гласу Божию, непрестанно зовущему вас. Недостатка в зове Божиим не было и нет.

Посмотрите: храмы Божии открыты, богослужение совершается, разве это не зов Божий? Вы слышите благовест, призывающий в храм Божий на молитву,– разве это не зов Божий? В храме мы слышим проповедь, слово Божие – разве это не зов Божий? Мы слышим о древних и современных чудесах и различных явлениях милости и славы Божией – и это разве не зов Божий? Да если мы беспристрастно присмотримся каждый к своей собственной жизни и вникнем в нее, то увидим, что и нас неоднократно и различными путями звал и зовет к Себе Господь. Даже если нас постигают скорби и искушения, то и они являются для нас зовом Божиим, ибо они отвлекают нас от греха и от земных привязанностей, напоминают о небе.

И мы после этого не имеем извинения и прощения, если остаемся глухими к такому постоянно слышимому зову Божию. Еще древле пророк, провидя бедственное наше время, взывал: «Не ожесточите сердца ваших, не уподобляйтесь древним евреям, которые в пустыне, подобно аспиду глухому, затыкали уши свои, чтобы не слышать гласа Божия» ([Пс. 57, 5](#)). Примем слова эти в сердце своем и постараемся исправиться.

А для того, чтобы сердце наше было готово и способно к принятию зова Божия, необходимо его очистить от всякого зла, чтобы не было в нем никакой злобы, никакого пристрастия к чему-либо, тем более к чему-либо

греховному. Когда в сердце есть пристрастие к какому-либо скверному, греховному делу, к какому-либо мирскому делу или вообще к чему-либо, то это является стеною, которая отделяет нас от Бога, не позволяет нам следовать за Христом, быть Его учениками, ибо сказано, что «кто не отречется от всего имени своего и не возненавидит (святою ненавистью) всего, что может нас отвлекать от Бога пристрастием к себе, не может быть учеником Христа» ([Лк. 14](#); 26, 27, 33).

Разрушается же эта стена истинным покаянием, исправлением жизни и отвержением всего греховного; тогда человек свободно может следовать за Христом, как верный Его ученик. Поэтому, прошу я вас всех, возлюбленные братие и сестры, приносить Богу покаяние искреннее и просить Господа о помощи и исправлении жизни своей.

Будем сейчас молиться, как всегда, Божией Матери пред иконою Ее «Нечаянная Радость», и вот, если кого из вас коснется зов Божий, если услышит человек этот зов и обратится на путь истины и добродетели, то поистине это будет нечаянная, неожиданная святая радость. Помолимся, чтобы Царица Небесная помогла нам исправиться, очистить сердце свое и слышать зов Божий, зовущий нас в Царство Небесное, где нет ни печали, ни воздыхания, но жизнь блаженная, бесконечная... Аминь.

Слово, сказанное в неделю о Закхее

(Лук. 19, 3–10)

Вы слышали, что в нынешнем Евангелии читалось про Закхея-мытаря, как Господь Иисус Христос посетил его, и как от этого посещения он изменился и исправился.

Мытарями назывались люди, которые собирали с народа подати, часто допускали они злоупотребления при сборе податей, обижали людей, брали с них лишнее, были они подвержены и другим немощам. За все это они были у всех в презрении, как грешники.

Таков был и Закхей. Но Господь не возгнушался его грехами, не возгнушался им. Он сказал мытарю, что посетит его в доме его. Радостью исполнилось сердце Закхея – принял он Господа в доме своем, и это посещение произвело на него такое впечатление, что весь он изменился; он в сердце своем сделался иным, не таким как был, и обещал Господу исправление жизни. «Господи,– говорил он,– я возвращу то, чем кого обидел, и не только возвращу это чужое, мне не принадлежащее, взятое по неправде, но из собственного моего имения буду раздавать милостыню».

Вот какая перемена произошла в Закхее. Почему же это так? Почему этот человек, который обижал людей, вдруг сделался милостивым и щедрым, вдруг весь изменился? – Потому, возлюбленные братья и сестры, что он возненавидел свой грех. Увидев у себя Христа – Чистого, Святого, Безгрешного – он увидел по сравнению со Христом и свою греховность, свою нечистоту, свое нравственное падение. Увидел он это, и в сердце его зажглась искра нелицемерного желания исправиться.

На это я обращаю особенное ваше внимание.

К нам, духовникам, приходят люди, больные душою, каяться в своих грехах, но не хотят с ними расстаться, особенно не хотят расстаться с каким-либо любимым своим грехом. Это нежелание оставить грех, эта тайная любовь ко греху и делает то, что не получается у человека искреннего покаяния, а потому не получается и исцеления души. Каким человек был до исповеди, таким оставался во время исповеди, таким продолжает оставаться и после исповеди. Не должно быть так.

Надобно, подобно Закхею, искренно возненавидеть свой грех, пожелать всею душою своею исправиться и возлюбить противоположную греху добродетель, возлюбить закон Божий. Внимательно читая или слушая святые псалмы и вникая в смысл чудных слов псаломских, много

назидания можем мы получить. Между прочим, в одном псалме читаем такие слова: «Закон Бога его в сердце его, и не запнутся стопы его» ([Пс. 36, 31](#)).

Глубокий смысл и прекрасное назидание заключается в этих словах. Когда человек, так сказать, положит закон Божий, святые заповеди Божии в сердце своем, полюбит их, тогда он возненавидит грех, возгорится желанием жизни о Господе, будет удерживать себя от всякого греха. При всяком деле, при всяком занятии, даже самом обыкновенном, житейском, будет такой человек свои поступки, свои намерения проверять законом Божиим, который постоянно должен быть в уме и сердце человека, и все несогласное с законом этим отвергать, согласное принимать.

Вот встречается человеку на жизненном пути его или в мыслях его и желаниях какой-либо грех, какое-либо злое дело. Но, если в сердце человека на первом месте закон Божий, сердце такого человека, взирая на закон Божий, говорит: этого дела сделать мне не позволяет Господь. Как попусти себе я это, как дозволю, когда это противно Его святым заповедям? И не совершает человек греха. И если так везде и всегда противится он всякому греху, то не запинаятся стопы его, не спотыкается он, не сбивается с правильной дороги, не блуждает по распутиям греха... «Закон Бога его в сердце его и не запнутся стопы его».

Но враг рода человеческого не дремлет, ему хочется запнуть стопы человека, сбить его с дороги. Он борет человека всевозможными способами и средствами, он возбуждает мысленную брань, то есть борьбу с грехом в мыслях человека с целью ввергнуть человека в грех и делом. Тяжела эта борьба. Доводит она иногда человека до уныния и расслабления, даже до согласия на грех.

И вот это согласие на грех уже погрешительно перед Богом. И в нем нужно каяться. Но, если удержался человек, не впал в грех самым делом, то значит, не запнулись стопы его, не споткнулся он. Но лишь человек выпустит веления закона Божия из памяти своей и из чувства сердца своего, грех прельщает его, и он падает, запинаятся стопы его, он сбивается с дороги, греша уже не мысленно только, но и делом.

Поэтому и нужно нам, возлюбленные братья и сестры, всегда иметь закон Божий в сердце нашем. Тогда в мысленной нашей борьбе со грехом мы все более и более будем ненавидеть грех и любить добродетель, постепенно любовь к Богу и добродетели при искреннем покаянии во грехах будет возрастать, сердце все более и более будет стремиться к Богу, духовная красота закона Божия все более и более будет пленять сердце человека и, наконец, может перейти человек в то чудное и вождевленное

состояние, находясь в коем сможет он восклицать так, как восклицал Апостол: «Кто нас отлучит от любви Божией?» (а любовь к Богу, прежде всего, выражается в соблюдении заповедей Божиих),– ни скорбь, ни гонение, ни теснота, ни высота, ни глубина, ни что иное... как вы и слышали эти слова в нынешнем апостольском чтении ([Рим. 8, 35–39](#)).

Вот к чему, в конце концов, приводит искреннее покаяние. Поэтому я усердно и прошу вас всех, братия и сестры, постараться возненавидеть свои грехи, приносить в них искреннее покаяние, возжелать искренно исправиться, как сего возжелал Закхей. Тогда покаяние наше будет иметь благие плоды, любовь к Богу и закону Его святому утвердится в сердцах наших, и мы будем идти верным путем ко спасению душ наших. Аминь.

«Во Псалтири десятиструнным пою Тебе»

([Пс. 143, 9](#))

«Во Псалтири десятиструнным пою Тебе» – так сказано в псалме царя и пророка Давида. Что это значит?

Всякое изречение Священного Писания имеет, кроме исторического смысла, другой, внутренний, глубокий смысл. Так и эти слова, кроме исторического значения, имеют таинственный, духовный смысл.

Царь-пророк Давид воспевал свои псалмы, играя на псалтири. Это такой музыкальный инструмент, который имел десять струн. Вот это – исторический смысл.

Духовное же, таинственное значение сих слов таково: десятиструнная псалтирь – это человек с его пятью внешними и пятью внутренними душевными чувствами, на которых как бы на десяти струнах и должен человек петь Господу, т. е. жителство свое проводить согласно с заповедями Божиими, чтобы все поведение, вся жизнь была как бы постоянным пением Божественным. «Пою Богу моему дондеже есмь» ([Пс. 103, 33](#)).

Так и сказал оптинский старец Лев, когда его спросили, что он делает, а он в то время принимал народ: «Пою Богу моему, дондеже есмь». И он мог так сказать, ибо он, действительно, жил согласно святым заповедям Божиим, его жизнь была, действительно, истинное богоугодное пение. Это пение есть духовная жизнь.

Когда струны псалтири не настроены как должно, когда они звучат не в тон, несогласно, – невозможно на ней играть. Не может она издать стройных звуков, не может получиться правильной песни. Так и у человека, когда его чувства не приведены в согласие и не имеют общего согласного устремления к Богу, когда человек еще любит грех, или когда грех против воли человека насилует его, – тогда не может он издать стройных звуков духовной жизни, не может всю жизнь, всем поведением, всеми чувствами своими воспеть песнь святую, песнь Божественную. Нужно понудить себя, чтобы привести себя в порядок, нужно потрудиться в подвиге ради Господа, потерпеть всякую тяготу и неудобства в борьбе с собою, со своими страстями, ибо сказано: «Терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою. И возведе мя от рова страстей и от брения тины, и постави на камени нозе мои и исправи стопы моя: и вложи во уста моя песнь нову, пение Богу нашему» ([Пс. 39, 1–4](#)).

Нужно терпеть и ждать милости Божией.

Когда учатся играть на скрипке, тогда вначале у играющего получаются очень неприятные, неправильные, резкие звуки, настолько они неприятны, что, кажется, убежал бы, куда глаза глядят от этих звуков. Но постепенно человек привыкает, научается играть, звуки получаются все правильнее и правильнее, и наконец, польются нежные прекрасные звуки чудной музыки. Одному это удастся скорее, другому длительнее; иногда и при всем старании никак не наладится играющий, все время получается не так, как ему хотелось бы. Нужно терпение.

Так и в духовной жизни. Человек хочет одно, а сам делает совсем другое, не то, что хочет. Ум его хочет одно, а чувства требуют другого. И видит человек и чувствует болезненно, что это все не то, понимает он, что нехорошо у него получается, не так, как надо, даже приходит в уныние, видя, что не преуспевает он в борьбе со страстями, что не налаживается его духовная жизнь. Но нет, не нужно унывать, надо терпеть... Надо терпеливо понуждать себя на всякую добродетель ради Господа, трезвенно следить за всеми своими чувствами, мыслями, делами, надо призывать на помощь Господа Бога, надо придти в смирение и сознать, что своими делами без Божественной помощи человек ничего не успеет. И когда, наконец, уготовится сосуд души и тела человека, когда настроятся струны его псалтири во всяком смирении, терпении и благочестии... тогда придет время и раздастся чудное пение, и польются прекрасные дивные звуки духовной жизни и «узрят мнози и убоятся и уповают на Господа» ([Пс. 39, 4](#)), ибо от соединения с Господом получается это пение неизреченное.

Стоит рояль, готовая для игры, струны на ней натянуты, она открыта... но молчит. Почему она молчит? – Потому что нет игрока. Кто же этот игрок? Игрок сей – Дух Святой, как сказано: «Приидем к нему и обитель у него сотворим» ([Иоан. 14, 23](#)). Приидет Дух Святой и соединит рассеченные грехом чувства души и тела, и начнет тогда человек жить в Боге и для Бога.

Таинственный смысл этого псалма сказал мне Батюшка Варсонофий. Помню, мы с ним обедали. После обеда Батюшка подошел к рукомойнику, умыл усы, взял полотенце и, утирая усы, говорит мне: «Отец Николай, посмотрите у Зигабена толкование на слова псалма: «Во псалтири десятиструннем пою Тебе'''».

Я прочитал, там было написано кратко и историческое, и таинственное толкование. Батюшка выслушал и сказал: «Это мне сейчас открылось».

И подумалось мне тогда: «Вот человек, вытирает усы после обеда, а

ему тайны духовные открываются. Такое озарение духовное бывает у духовно настроенных людей, которые всю жизнь свою поют Богу, независимо ни от времени, ни от положения, совершенно неожиданно иногда и не на молитве, а вот как Батюшка о. Варсонофий обедал, и ему тайны открывались. Он, видимо, проразумевал глубокий таинственный смысл и молитв церковных, и св. Писания. «Услышах, Господи, смотрения Твоего таинства, разумех дела Твоя и прославих Твое Божество» (Ирмос 8, гл. 4 песнь). Аминь.

«Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое: воспою и пою во славе моей, Востани слава моя, востани псалтирю и гусли, встану рано. Исповемся Тебе в людех Господи, воспою Тебе во языцех» ([Пс. 56, 8–10](#); 107, 1–4).

Эти слова повторял неоднократно старец иеросхимонах Анатолий (Зерцалов) – начальник Скита Оптиной Пустыни († 1894) перед своей кончиною.

Сколько глубокого, таинственного смысла заключается в этих боговдохновенных словах Псалмопевца. Начнешь размышлять на эту тему, и размышлениям нет конца: так необъятно, глубоко то дивное содержание, которое заключается в этих словах псаломских.

Господь Бог, восхотев сотворить человека, чудно сотворил его: даровал ему неизреченную славу. Он сотворил его по образу Своему и подобию, отобразив на нем славу Свою Божественную. Он дивно устроил его, даровал ему красоту и изящество в строении самого тела его, даровал ему душу бессмертную, одарив ее великими духовными дарованиями, снабдив ее прекрасными способностями, поставил его владыкою, распорядителем всех видимых творений мира сего. Дарована человеку душа, – душою своею бессмертною он возвышается над всеми видимыми творениями. Нет в видимой природе никого и ничего, равного человеку.

Дарован человеку ум высокий, – и умом своим человек возвышается над всю природою: она покорена под ноги ему. Например: изобретает он различные орудия, машины, преодолевает ими силы и стихии природы. Не в состоянии человек голыми руками бороться с огнем – делает машины, и побеждает стихию огня. Не может ходить по водам, не имеет силы переплывать большое расстояние, – устраивает лодки, корабли и побеждает водную стихию. Не имеет силы бороться со зверем – делает орудия, при помощи коих побеждает зверя, одолевает его. Разве это не величие, не слава человека? И это еще все относится лишь к обыкновенным естественным способностям человека.

А если взглянем на святых, то увидим, какой дивной славы и власти

сподоблялись они, они побеждали природу нравственною силою по благодати Божией: ходили по морю, яко по суху; были переносимы по воздуху Божественною силою, им служили дикие звери, как кроткие агнцы, признавая в них своего владыку; молитвою своею они низ водили дождь на землю и совершали другие дивные чудеса. Перечислить их нет возможности.

В Священном Писании так описывается величие человека: «Умалил еси его малым чим от ангел, славою и честью венчал еси его: и поставил еси его над делы руку Твоею, вся покорил еси под нозе его» ([Пс. 8, 6–7](#)). Какого еще большего величия, большей славы можно желать и ожидать? О, воистину, щедро излил Господь милость Свою на человека. Казалось бы, что и человек, имея такие дарования, оценит их и будет жить так, как внушает ему его достоинство человеческое, – согласно Божиим хотениям и велениям.

Но, к великому прискорбию, что мы видим? Мы видим, что человек не уразумел, не оценил того, какой несказанной славы он сподоблен от Творца и Бога Своего, и сказано в псалме: «человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им» ([Пс. 48, 13](#)). И за это праведным судом Божиим он лишился своей славы: «от славы своя изриновени быша» ([Пс. 48, 15](#)).

Будучи в такой чести, в такой славе, человек не уразумел своего достоинства, пал, сделался подобным скоту несмысленному. О, великое падение! В какую бездну и тьму низвергает человека грех. Истинно, он уподобляется скотам, питает свою душу, свою бессмертную душу скотскою пищею, ту душу, на которой начертан образ Божий, ту душу, которой и дана способность уподобляться Богу. Не говоря подробно о губительном действии страстей постыдных, блудных, так поразительно и безобразно уподобляющих человека скоту, обратим внимание на то, что решительно всякая страсть отнимает у человека образ человека, делая его подобным скоту и зверю. Посмотрите, что делает, например, гнев и злоба. Человек, объятый злобою, весь делается зверообразным, глаза мечут искры, искажается лицо – он, кажется, ближнего своего готов пожрать. И все вообще страсти и грехи: чревоугодие, неверие, сребролюбие и другие – превращают человека в скота.

Поистине, нужно здесь вопиять человеку; о, где ты скрылось от меня, мое человеческое достоинство, моя честь, моя слава.

Но не восхотел Господь Бог свое прекрасное творение – человека оставить в падении. Он восхотел по Своему безмерному человеколюбию искупить человека от его падения, от греха. Он восхотел поднять его,

вернуть ему его прежнюю славу, его прежнее достоинство. Непостижимо для нас, человек, совершает Господь искупление рода человеческого после падения Адамова. Своим вочеловечением, страданием, смертью и воскресением. И по безмерной любви и милости Своей дает падшему и воссозданному во Христе человеку не только его первое достоинство, но дарует ему способность к еще большему совершенствованию себя. В искуплении человеку дарована способность к бесконечному, беспредельному приближению к Богу, к вечному наслаждению в познании Бога. Он может делаться причастником Божеского естества. ([2Петр. 1, 4](#))

Эта мысль прекрасно выражена в стихире церковной на праздник Благовещения в словах: «Яко да возведет человека, яко един Силен, в первое достояние с растворением».

Итак, по искуплении человека Господь еще большею славою и честью венчал его, например, в таинствах св. Церкви, особенно же в таинстве св. Евхаристии, к которой желают ангелы прикинуться, ибо искупительная Жертва приносится только за человека, но не за ангелов. В этом, можно сказать, ангелы как бы даже завидуют человеку, не имея возможности причащаться св. Христовых Таин...

Но и после искупления человека Святейшею Кровию Христа-Спасителя человек падал и падает в грех, роня славу свою, топча ее и уподобляясь скоту несмысленному. Опять лежит человек, поверженный во прах, в горестном бесчестии. И вот от лица такого человека, уронившего славу свою, забывшего свое человеческое достоинство, утратившего прежнее свое достояние, св. пророк восклицает: «Восстани слава моя». Вспомни, о человек, кем ты был и чем стал; вспомни славу свою, которою венчал тебя Господь, вспомни славу свою и оставь скотский образ жизни, вернись к прежнему своему достоинству... «Восстани слава моя, восстани псалтирю и гусли...»

Псалтирю и гусли называются, по толкованию св. отцов, наши душевные и телесные чувства и способности.

«Восстани псалтирю и гусли», то есть приготовься весь человек, со всеми своими силами и душевными, и телесными к пению Божественному, к жизни о Господе. Давно ты, псалтирь моя,— как бы так говорит пророк,— заброшена, на тебе, может быть, лежит большой слой пыли, струны твои заржавели, вся ты расстроена, быть может, и разбита, и если ударить по струнам твоим, то не получится стройных звуков: издадут они, твои струны, дребезжащие, бесформенные, надрывающие душу звуки. О, восстань, восстань, псалтирь моя.

Нужно настроить струны твои, нужно привести в порядок весь инструмент, ибо, если хотя одна струна будет фальшивить, не получится стройных звуков, будет слышна неправильность, и она будет портить весь строй, всю гармонию. Все пение будет испорчено, хотя бы все остальные струны стройно звучали.

Как в музыке, так и в духовной жизни. «Нельзя работать Богу и маммоне» ([Мф. 6, 24](#)), нельзя служить Богу и греху. Должен человек, по Евангелию, возлюбить Господа всею душою, всею крепостию, всем сердцем, всем помышлением своим ([Мф. 22, 37](#); [Мк. 12, 30](#); [Лк. 10, 27](#)), не отдавая греху ни одного чувства, ни единой способности своей душевной или телесной. Так и св. апостол Иаков говорит, что если кто в одном согрешит, повинен есть против всего закона; если одну заповедь нарушит, нарушит весь закон ([Иак. 2, 9–11](#)). Итак, уготовься, восстань, вся псалтирь и гусли, исправься, настройся к должному пению, к должной игре.

Дошел человек до сознания необходимости восстания, уже готов бросить греховную жизнь, порвать всякое общение со грехом, обратиться всем существом своим к Богу. Видит это враг-диавол и шепчет человеку: «Куда? Зачем? Еще успеешь». Шепчет, желая ослабить решимость человека. Но человек решительно отвергает внушения врага и, сам себя ободряя, говорит: «Нечего медлить. Скорее. Восстану рано. Сейчас же, немедленно, без отлагательства восстану. Восстану и начну немедленно настраивать свою псалтирь и гусли к пению, т. е. к житию, согласному с законом Божиим».

И вот начинается жизнь иная, жизнь духовная в общении с Господом. Не без трудностей она. Встречают человека и скорби, и испытания, и борьба с грехом. Томят по временам последствия прежде принятого в себя зла и греха, обновляющегося в уме и чувстве человека. Но желание быть с Господом, в Нем Едином искать отрады, покоя и вечного блаженства все преодолевает. Трудится человек, находится в подвиге, уготовляет себя. В таком подвиге проходят большею частью годы, даже десятки лет.

Наконец, испытывая себя, видит и чувствует человек, что умерло в нем всякое желание сладостей мира сего тленного, что омертвело сердце его для наслаждения тленною красою, что как Единая и Истинная Красота нетленная, как единая цель всех стремлений и желаний его, стоит пред ним Христос. Видит состояние своего сердца человек и вопиет: «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое». Ныне, когда оно готово, «воспою и пою во славе моей». Восстала моя прежняя слава, уготовилось сердце, сделалось способным к пению Божественному. Ныне «воспою и пою», т. е. не перестану петь, воссылать Богу, служить Господу Богу, в

служении Богу, в жизни по Богу, в молитве Иисусовой положу всю цель моего жития.

Доселе я стонал под бременем страстей и нападений вражиих, не мог я воспевать радостных песней, я приносил Богу умиленную покаянную молитву, ибо видел и постоянно имел перед глазами мой плен греховный, мою поверженную долу славу. Но ныне, когда восстала слава моя, – воспую и пою во славе моей. Ныне «исповеюсь Тебе в людех Господи, воспую Тебе во языцех». Буду говорить, поведовать о делах Господних, явленных на мне грешном, буду благодарить Бога за Его милость ко мне перед всеми людьми. Не убоюсь, не устыжусь проводить жизнь, требуемую от меня Законом Божиим, во всяком народе, во всяком месте. «Воспою и пою во славе моей.» Эти слова суть уже, так сказать, восторг святой души.

Старец Анатолий мог так восклицать. Нам до этого далеко, нам более приличен плач о нашем падении, но все-таки и мы всемерно должны стремиться поднять нашу упавшую славу и для этого должны прежде всего очищать себя от грехов.

Весь первоначальный наш подвиг должен быть обращен на борьбу с грехом, на очищение сердца от страстей в покаянии и смирении. И Господь, видя смирение и труд наш, оставит грехи наши ([Пс. 24, 18](#)), очистится сердце – и восстанет тогда слава наша в пении песни Божественной...

Да сподобит же нас сего Господь по милости Своей.

Аминь.

Беседа 17 июля 1925 года

Однажды я раскрыл свой дневник на той странице, где написано, что Батюшка Варсонофий говорил мне:

– Один мирянин спросил меня: «Скажите, Батюшка, как мне жить?» Я подумал: что мне ответить ему, какое краткое назидание сказать? Потом и говорю: «Вы Псалтирь читали?» – «Да, читал». – «Если читали, то должны помнить, что там есть в одном псалме такие слова: «Наставит (Господь) кроткия на суд, научит кроткия путем Своим» ([Пс. 24, 9](#)).

Что же означают эти слова? А эти слова означают то, что путям Господним учит Сам Господь, а не человек, что путям Господним может научить только Сам Господь. Но не всех людей учит Господь, а только кротких, потому что, кто смиряется сердцем, тот делает душу свою способной к принятию Божественного научения, – только таких учит Господь». На этом в моем дневнике поставлена точка.

Но я вчера долго размышляя об этом, пришел к более подробному рассуждению. Я рассуждаю, что если бы человек мог научить путям Господним, т. е. научить, как надо жить, чтобы спастись, то ученые богословы были бы первые спасающиеся. Между тем, на деле оказывается не так, а именно, что весьма многие ученые люди не идут путем Господним. Возьмем, например, богословов, окончивших академию, как часто они идут не путем Господним, а наоборот, путем греха. Приходилось встречаться с людьми, окончившими курс богословских наук и говорившими, что они согласны были бы заниматься чем угодно, только не богословием, и в то же время они хвастаются, что знают дух христианский и даже сочинения духовные пишут.

Но что же нужно человеку, чтобы научиться путям Господним? Нужно, чтобы человек был кротким, смиренным, и тогда Господь Сам научит, как идти путем Господним. Знать это особенно важно в настоящее время, когда так заметно оскудение наставников. Смирись при помощи Божией, будь кротким, не имей злобы на ближних, уготовь кроткою, доброю жизнью свою душу для восприятия Божественного научения, и Господь Сам научит путям Своим.

Если станем просматривать Псалтирь, то увидим, что там есть много выражений, говорящих про пути Господни и духовное разумение их. Например: «Наставит кроткия на суд», – это изречение истолковывается так: людей кротких Господь сподобит духовного рассуждения, – так

понимает это еп. Игнатий Брянчанинов.

В псалме 1, который начинается словами: «Блажен муж», написано: «Сего ради не воскреснут нечестивии на суд, ниже грешницы в совет праведных» ([Пс. 1, 5](#)). Это выражение сей святитель толкует так, что никакая нечестивая и грешная душа не поднимется на духовную высоту, не будет иметь духовного рассуждения.

Еп. Игнатий Брянчанинов проводил жизнь христианскую, подвижническую, и он сподобился духовного рассуждения и проразумевал духовно учение Христа и вообще все Священное Писание.

Итак, человек кроткий будет Господом наставляться на путь Христов.

Дальше в Псалтири есть такое выражение: «Все пути Господни – милость и истина» ([Пс. 24, 9](#)). По толкованию Батюшки Амвросия, которое сообщил мне о. Агапит, эти слова означают, что пути Господни требуют от человека двух вещей: милости и истины. Как же следует понимать это?

А вот как: все, желающие непорочно проходить пути Господни, должны оказывать всякую милость и снисхождение по отношению к ближним, хотя бы и согрешающим, а от себя требовать исполнения всякой истины, всякой законной правды. По отношению к себе мы должны быть неумытными судьями, все свои поступки мы должны строго выправлять по заповедям Закона Божия, а к ближним мы должны быть всегда милостивыми и снисходительными, – и вот это-то и будет признаком, что человек идет по пути Господню.

Если в отношении себя человек не будет требовать исполнения заповедей Господних, то он не может проходить пути Господни, а потому и не будет истинным христианином. А если будет исполнять их, то при всяком звании и положении внешнем будет христианином, и чиновник на почте, и архимандрит, и епископ, – все могут исполнять заповеди Христовы, добродетели Евангельские и могут наблюдать могущих быть истинными последователями Христова учения. «Вси путие Господни, милость и истина», – будем наблюдать за собой, чтобы осуществлять в жизни «милость и истину», тогда мы будем находиться на пути Господнем и будем проводить христианскую жизнь.

Некоторые люди к себе бывают снисходительны, а к ближним немилостивы, просто иногда даже душу ближнего готовы истязать, а надо поступать наоборот.

Вот как хорошо записать полезную мысль или изречение, я забыл про это толкование, а дневник мой напомнил мне. Добавлю, что современные толкования не удовлетворяют меня; правда, в них есть кое-что, есть высокие мысли, но все-таки этого недостаточно и всегда остается желать

большого. Современные толкователи толкуют подряд все, но более с исторической точки зрения, а не духовной – таинственной. Но бывает, что человек находится под особенным озарением духовным, тогда проявляется в его толковании глубокий, таинственный смысл.

Это духовное озарение посещало Батюшку Варсонофия. Оно обильно посещало св. отцов. Это ясно видно в их писаниях. Иногда с одного слова Священного Писания, приведенного в подтверждение той или иной мысли сразу открывается глубочайший смысл.

Слово, сказанное после поздней литургии 9-й недели 27 июля 1925 года.

«И отпустив народы, взыде на гору един помолитися, Позде же бывшу, един бе ту. Корабль же бе посреде моря, влаяся волнами: бе бо противен ветр. В четвертую же стражу нощи иде к ним Иисус, ходя по морю. И видевше Его ученицы по морю ходяща, смутишася, глаголюще, яко призрак есть: и от страха возопиша. Абие же рече им Иисус, глаголя: дерзайте. Аз семь, не бойтесь. Отвещав же Петр рече: Господи, аще Ты еси, повели ми прийти к Тебе по водам. Он же рече: прииди. И излез из корабля Петр, хождаше по водам, прийти ко Иисусови. Видя же ветр крепок, убояся: и начен утопати, возопи, глаголя: Господи, спаси мя. И абие Иисус простер руку, ят его, и глагола ему: маловере, почто усумнелся еси; и влезшим им в корабль, преста ветр. Суций же в корабли, пришедше поклонишася Ему, глаголюще: «воистинну Божий Сын еси» (Мф. зач. 59, гл. 14, 23–33).

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Всякое евангельское повествование имеет всегда два значения, два смысла: одно внешнее, всем понятное, а другое – внутреннее, глубокое, таинственное, не для всех понятное. Так и нынешнее Евангелие, которое читали во время литургии, по внешнему содержанию своему ясно для всех и понятно, а внутренний его смысл быть может не для всех понятен. Постараемся раскрыть перед вами его внутренний глубокий смысл.

Море, по которому плыли ученики во время бури, есть море житейское, мир сей – это окружающая нас жизнь с ее волнениями, скорбями, нуждами и искушениями... Ученики плывут по морю, вокруг них бушует буря. Так и мы, плавая по морю житейскому, обуреваемся волнами скорбей и искушений, которые находят на человека от мира, плоти и дьявола. И вот во время бури, среди вздымающихся волн, перед учениками явился Христос. Он шел по водам этого бурного моря, но ученики не поверили, что это Христос, они подумали, что это призрак, что это одно их воображение.

Так и в житейском плавании, когда постигают человека испытания, вздымаются волны искушений, человек ищет помощи повсюду и не находит нигде, везде обманывается в своих надеждах. Ему кажется, что всеми он оставлен: и Богом и человеками, приходит в уныние, почти в отчаяние.

А Господь близ есть, Он идет к нам и простирает нам Свою Божественную помощь, Он готов помочь нам всегда, каждую минуту, но мы не верим, думаем, что и здесь нет надежды, что это так себе, мечта, что это призрак, что помощи нам ждать неоткуда. И многие, уже не веря в помощь свыше, совершенно отвергают эту Божественную помощь, перестают искать ее в Боге, ища ее лишь в средствах мира сего.

Некоторым же, когда они нигде не нашли себе помощи, ибо суетно спасение человеческое, приходит мысль: а может быть, попытаемся еще раз прибегнуть к Богу, еще раз обратиться к средствам помощи Божественной. И подобно Петру, они говорят: «Господи, если это Ты, если Ты можешь помочь,— повели мне прийти к Тебе по волнам». И Христос говорит Петру: «Иди». Несмотря на бурю и волны, Петр пошел, и пока он глядел на Христа, он шел небоязненно и без вреда: волны его не потопляли. Но, когда свои взоры оторвал от Христа и стал смотреть на волны бушующего моря, он испугался, усомнился и начал тонуть.

Так и человек, когда пойдет по указанию веры Христовой за Божественной помощью, то первое время сохраняет бодрость под влиянием Божественного озарения, идет твердо, с надеждою. Скорби и переживания житейские не могут одолеть его, не производят на него своего действия, не колеблют его сердца. Но когда взоры ума своего, мысли и чувства свои отведет он от Христа, от Его Божественной помощи и обратит их на клокочущие волны моря житейского, на скорби и искушения,— то начинает слабеть и не может не поколебаться в вере.

Пусть море бушует, пусть скорби восстают со всех сторон, не обращай на них внимания, гляди на Христа, помни, что близ Господь: «Жив Господь и жива душа моя» ([1Цар. 20, 3](#)). Господь всегда готов прийти к нам на помощь. И когда человек теряет веру и уже потопает, убоявшись волн скорбей и искушений, не найдя нигде помощи, он, подобно Петру, хватаясь за последнюю надежду, вопиет: «Господи, спаси мя, погибаю»,— и в великом смирении прибегает ко Господу, просит Его Божественной помощи. А Господь говорит ему: «Почто усумнился, маловере? Вот Я около тебя». И берет Господь человека за руку и воздвигает его, как говорится в псалме: «Воздвизаяй от земли нища и от гоища возвышали убога» ([Пс. 112, 7](#)). На высоту возводит его...

Надо знать, что Божественное о нас промышление не изымает нас совершенно от скорбей, не удаляет их от нас совершенно и не избавляет нас от искушений, не исхищает от них, а подает силу, твердость и мужество переносить их, побеждать их.

Посмотрите на целый сонм святых угодников Божиих... Господь не

изымал их от напастей, не избавлял от скорбей, но давал им твердую волю, твердую надежду, чтобы не поколебаться им даже среди лютых испытаний. И, действительно, ничто не могло их поколебать, как говорит св. Апостол: «...ни скорбь, ни глад, ни меч, ни беда, ни высота, ни глубина... ничто не может разлучить нас от любви Божией...»

И Христос молился о Своих учениках и просил Бога Отца: «Не молю, чтобы Ты взял их от мира, но чтобы сохранил их от неприязни» ([Ин. 17, 15](#)). Господь попускает искушения и вместе с тем дает и силу переносить эти искушения. Пока Петр взирал на Христа, то и шел по водам, ему была дана власть, дана сила от Божественного Спасителя – идти, и он шел. Буря не прекратилась, волны не улеглись, под его ногами было клокочущее море.

Когда же нас постигают скорби и искушения, нам необходимо во время их нашествия иметь особенную твердость и мужество. Надо знать, что беспечального места и беспечального положения не было, нет и не будет на земле. Беспечальное место может быть только в нашем сердце. Если сердце будет полно любви Божественной, то оно будет беспечно, спокойно и никакие скорби не будут страшны. Когда Божественный спаситель вошел в корабль к ученикам Своим, когда они соединились со Христом и увидели и почувствовали Его с собою, то сказано в Евангелии: «преста ветр» и «бысть тишина велия» ([Мф. 8, 26](#)).

То же самое положение и с человеком. Если мы будем со Христом и во Христе, то никакая скорбь нас не смутит, а радость наполнит наше сердце так, что мы и при скорбях, и во время искушений будем радоваться. Если Христос будет в сердце человека, если сердце его будет полно Божественной любви, то никакое земное переживание житейское не привлечет к себе нашего внимания. Христос – эта Единая Истинная Нетленная Красота – будет привлекать сердце человека превыше всех иных переживаний...

Св. Амвросий – епископ Медиоланский, великий угодник Божий, размышляя однажды о Божественной литургии (см. его молитву иереям, приготовляющимся к служению литургии), которую мы только что совершили, в восторге восклицал, называя Христа Хлебом Небесным: «Хлебе Сладчайший, уврачуй устне сердца моего, да чувствую во мне любве Твоя сладость. Хлебе Сладчайший, исцели всяк недуг: да кроме Тебя никоея же пожелаю красоты. Хлебе Честнейший, всякия сладости и благовония Твоего наполни внутренняя души моя... Хлебе Святый, Хлебе Живый, Хлебе вожделение.. Вниди в сердце мое и очисти мя от всякия скверны плоти и духа... буди моей души хранение всегдашнее...». Так

взывал св. угодник Божий, ибо сердце его горело любовью ко Господу, он желал, чтобы никакая тленная красота мира сего не отторгла его сердца от Христа.

Я не могу требовать от себя и от вас такой пламенной любви ко Господу, какую горел святитель Божий. Это сразу невозможно для нас. Но все же можно и даже должно нам всегда и особенно во искушениях прибегать ко Господу Иисусу Христу, взывать к Нему, искать помощи именно у Него, именно к Нему прилеплять сердце свое.

Если будем прибегать ко Господу, то Он посетит нас, войдет в наше сердце, защитит нас, покроет от всяких искушений, будет для нас столпом крепким от лица вражия и приведет нас незаблудно к крайнему пределу наших желаний и стремлений, к вечному блаженству, в Царство Небесное. Аминь.

Слово перед молебном Спасителю в честь Нерукотворного образа Его.

16 августа 1925 г.

Во время оно, «егда скончавахуся дние восхождению Его и Той утверди лице Свое ити во Иерусалим. И посла вестники пред лицом Своим, и изшедше, внидоша в весь Самарянску, яко да уготовят Ему. И не прияша Его, яко лице Его бе грядущее во Иерусалим.

И обращаю ко учеником рече: «Вся Мне предана быша от Отца Моего: и никтоже весть, кто есть Сын, токмо Отец: и кто есть Отец, токмо Сын, и Емуже аще хочет Сын открыта...» ([Лк. 9, 51–53](#); 10, 22).

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

В нынешнем Евангелии вы слушали такие слова: «Иисус утверди лице Свое ити во Иерусалим...»,– решил, приготовился идти во Иерусалим на подвиг Свой.

В духовном смысле это означает, что всякий христианин, который, подобно Христу, решит идти в Горний Иерусалим, т. е. проводить духовную жизнь ради Царства Небесного, должен «утвердить лице свое», приготовить себя к этому путешествию, решиться на прохождение подвижнической жизни. Надо уготовиться и решиться, ибо путешествие это требует именно подвига, понуждения себя на совершение всех добродетелей, коими достигается Царство Небесное. Надо уготовиться и решиться, ибо самому совершению добродетелей противодействуют и противостоят различные скорби, соблазны, препятствия и, прежде всего, от людей, подушаемых врагом нашего спасения. Враг желает воспрепятствовать доброму намерению и внушает людям мира сего ненависть к рабам Божиим.

Как Христос на пути во Иерусалим не был принят жителями той страны, ибо «лице Его бе грядущее во Иерусалим», потому что Он имел вид странника, путешествующего во Иерусалим, так и всякого подвижника, раба Христова, не принимают люди мира сего, ибо он имеет вид человека, грядущего в Горний Иерусалим. Они не понимают его и не могут понять, не понимают они его христианского подвига, они чужды ему, он им кажется неразумным и странным. И образ мыслей, и чувства, и понятия, и желания, и поведение, и вся жизнь, даже наружный вид человека, живущего для Бога, не такой, как у человека, живущего жизнью мира сего, и потому мир, враждебный Христу, восстает против тех,

которые стараются жить по-христиански, гонят их,— враждуют против них, не принимают их в свою среду: «Не прияша Его, яко лице Его бе грядый во Иерусалим».

А далее в Евангелии говорится, что «никтоже весть, кто есть Сын, токмо Отец, и кто есть Отец, токмо Сын, и Емуже аще хоцет Сын открыта». Это значит: никто не может сам по себе познать Бога и Господа нашего Иисуса Христа, иметь правильные понятия о вере в Бога, если не откроет ему этого Сам Бог. Никто сам по себе не может познавать волю Божию, путь Господень, иметь правильные понятия о духовной жизни и христианской нравственности, если не научит этому Сам Господь. А научает Он того, кто искренно желает этого и просит об этом Господа, кто оказывается способным и достойным этого научения, кто хранит свою совесть, кто стремится к свету, кто понуждает себя на всякое добро.

Поэтому, братие и сестры, надо нам как можно усерднее молиться Господу и просить Его, чтобы Он дал нам твердость в вере православной, познание духовной жизни, познание Его святой воли, чтобы Он открыл нам, как должны мы содевать свое спасение, совершать христианский подвиг, и, открыв, дал бы нам твердую неуклонную решимость к прохождению сего подвига ради Царства Небесного.

И вот я прошу вас всех усердно: давайте помолимся теперь, чтобы Господь помог нам идти путем Христовым, чтобы Он открыл нам, как нам содевать свое спасение, как нам должно идти, чтобы достигнуть Горнего Иерусалима. Аминь.

Собор. Ранняя обедня. Пятница.

Поучение, сказанное на память св. мученика Никона, в момент поздравления духовных чад.

28 сентября 1925 г.

Хотел было я сказать вам в этот день слово на ныне чтенное Евангельское слово: «И вы же свидетельствуете, яко искони со Мною есте» ([Ин. 15, 27](#)), но не успел: было уже поздно, и скоро должна была начаться поздняя литургия. Но глубокий смысл этих Евангельских слов до сих пор занимает мой ум, и мысли приходят одна за другой.

Сейчас говорить пространно на эту тему невозможно, кратко же скажу вам в назидание несколько слов. Сказано в Евангелии: «И вы же свидетельствуете, яко искони со Мною есте». Обратите внимание на эти слова и вникните в их смысл. Потому и свидетельствовали о Господе Иисусе святые апостолы, а за ними св. мученики и вообще святые угодники Божии, что они, как говорит сам Христос, искони, то есть всегда, были с Господом. Они всегда неразлучно пребывали с Господом, всегда они хранили усердно Его святые заповеди, всегда памятовали о Нем, во всем всегда творили Его святую волю. И если мы всегда будем с Господом, то и мы будем иметь силу и мощь свидетельствовать о Нем, и мы будем иметь мужество, твердость и крепость исповедовать Его, и исповедовать не только языком, но и самую жизнью своею. Будет дана и нам благодать благодушно переносить всякое злострадание, всякую тяготу и превратность жизни ради Господа нашего Иисуса Христа...

Так вот, старайтесь всегда быть с Господом, и тогда сможете быть исповедниками Христовыми, будете свидетельствовать о Нем так же твердо, так же безбоязненно, так же чудесно, как свидетельствовали святые апостолы, святые мученики и все святые. Вот вам назидание. Будьте всегда с Господом, имейте память Божию, бойтесь отогнать от себя помощь Божию какими-либо грехами или помыслами греховными. Бойтесь оставаться без Господа. Храни вас Господь. Аминь.

Слово, сказанное на празднование Тихвинской иконы Божией Матери.

26 июня 1926 г.

Нужно быть добрым христианином и по жизни своей, и по словам, и по молитвам своим.

Кто вчера внимательно слушал чтение канона и акафиста, тот мог заметить, как много там вложено прекрасных, возвышенных чувств и мыслей, особенно в каноне. Прежде всего, церковный писатель, составитель этих церковных песнопений молит Господа Бога, чтобы Господь Бог вразумил его и дал ему слово, как должно петь, как должно молиться.

Из этого ясно, что мы сами по себе, без Божественной помощи и помолиться-то не в состоянии: не можем мы молиться как следует и не знаем как, и о чем молиться.

Может случиться, как сказал Пророк в одном псалме: «И молитва его да будет в грех» ([Пс. 108, 7](#)). Следовательно, не всякая молитва – святая, бывает молитва греховная. Когда же бывает молитва в грех? Тогда, когда предмет молитвы грешен, когда чувства и желания, с которыми человек приступает к молитве, греховны.

Сознавая свое недостойнство, могущее отразиться в составляемых молитвах, писатель означенных песен церковных просит Господа Бога, чтобы не возгнушался Господь Бог и Матерь Божия составляемыми и приносимыми молитвами и принял бы усердие наше, так как желания, с которыми приносится молитва, искренни и святы, предмет молитвы свят. «Устами смиренными принесох Ти препростое сие, Всепетая, пение, понеже груб съмь многогрешный и недостойн по достоянию воспети Тя, но усердно на Твоя щедроты надеяся, яко Спасителя сего мира родила еси: не возгнушайся, Царице, приими сие и спаси мя» (Последний тропарь 9-й песни канона).

Но далее, как бы в дополнение сего, слышим: «... яко чистота, воздержание и молитвы сердечные угоднее Тебе паче хвалы единых точию уст» (9-й икос акафиста иконе Скорбящей Божией Матери). Хорошо, если вы воздаете похвалы Божией Матери, но это недостаточно, Божией Матери угоднее совершение на деле самих добродетелей, а не хвалы только одних уст.

Если вы говорите и молитесь о добродетелях, надо, чтобы это

оставалось не на устах только, но чтобы слова и молитвы о добродетелях переходили в дела, в самую жизнь. А то говорить ведь можно много, но без толку.

Старец о. Амвросий однажды сказал одному человеку, который просил у него много слов назидания, что «нужных слов очень немного», ибо Царство Божие не в слове, а в силе. Иногда с одного слова душа приходит в восхищение духовное и преисполняется самыми святыми чувствами, желаниями и намерениями. Поэтому и просим мы, чтобы не слова одни только оставались у нас, а, если мы поем и говорим о добродетелях, то должны и совершать эти добродетели, иначе слова будут не в назидание, а в отягощение слушающим и самим себе.

Ибо, действительно, как может человек невоздержанный учить воздержанию? У него нет на это дерзновения. Или как может чревоугодник говорить о посте? Он не имеет дерзновения, слово его будет пустое, бессильное.

Так вообще и все мы, если желаем быть истинными христианами, то должны быть ими не на языке только, а на деле, т. е. по жизни своей. Тогда не будут соблазняться на нас другие люди, не будут хулить Христово учение и жизнь христиан за то, что житие наше плохое, недостойное имени христианского. А то и турки-магометане, и всякие иноверцы, и сектанты, и просто люди неверующие, видя неподобное житие наше, говорят, что они лучше, нравственнее по жизни, нежели люди, которые хвалятся, что они православные христиане, что они знают Истинного Бога и Ему служат. Прискорбно слышать это, а слышать это приходится и даже неоднократно.

Поэтому, чтобы не хулилось имя Божие грехов ради наших, возревнуем о добродетелях на деле, а не на словах только, постараемся исправить жизнь нашу, принесем истинное покаяние.

Сейчас будем служить молебн. Помолимся же Божией Матери – Царице Небесной, чтобы Она принесла Свою молитву ко Господу в заступление и защищение, и вразумление наше. И будем всегда молиться Царице Небесной, как чадолюбивой Матери нашей, усыновившей нас у креста Сына Своего. Она любит нас, Она очень любит нас, как чад Православной Церкви, созданной Сыном Ее, Господом нашим Иисусом Христом. Она печется и молится о всяком христианине.

Чтобы нам не оказаться недостойными Ее милости и не отклонить от себя Ее помощи Божественной, постараемся не делать ничего такого, что отгоняет от нас благодать Божию. Да поможет же нам в этом Сам Господь. Аминь.

Часть третья

**Воспоминания монахини Амвросии об иеромонахе
Никоне**

Часть 1

30 июля 1921 года умер духовный отец м. Амвросии о. Анатолий – оптинский старец. Некоторое время она исповедовалась у о. Нектария. 1-го октября 1922 г. был закрыт Шамординский монастырь. М. Амвросия переселилась с другими монахинями в Козельск. О. Нектарий был арестован и находился в Козельской больнице. М. Амвросия вспоминает: «Когда пришла я в Оптину пустынь, то ходила далее в Козельск, в больницу, там меня пропустили к Батюшке (о. Нектарию)... Я спросила его, к кому мне теперь обращаться, у кого исповедоваться.

Еще когда привезли брата умершего, когда ежедневно ходила на панихиды в часовне, где погребены старцы, панихиды эти большею частью служил молодой иеромонах Никон, всегда такой строгий, сосредоточенный... И я всегда думала: вот истинный монах-подвижник... Несколько слов его иногда долетало. Кто-то сказал: «Это так». – «Так никогда не бывает. Как хорошо встретить смерть с молитвою, а для этого надо навыкнуть, пока здоровы, а теперь время поста – самое удобное для этого, помоги нам, Господи». – «Как скорби переносить?» – «Положиться на волю Божию; а о тех, кого считаем виновниками – думать, как у Марка-Подвижника, что они только орудия нашего спасения».

Все эти слова, сказанные о. Никоном, произвели на меня сильное впечатление. И после смерти батюшки о. Анатолия, когда я подумала о духовнике, первая мысль была об о. Никоне. Но он такой молодой. Я спросила Батюшку о. Нектария. И он благословил меня обратиться к о. Никону.

В Оптиной пустыни образовалась артель, некоторые из младших вписались там работать, а старикам надо было уходить.

Еще не разошлась братия. Была я в храме. Проходит после богослужения батюшка архимандрит по храму и говорит: «Отец Никон, мы уходим, а ты останься, ведь сюда будут приходить богомольцы, надо, чтобы была служба, и надо их принять, а иеродиаконом останется о. Серафим (только что посвященный)». И вот они вдвоем непрерывно служили, а батюшка Никон еще принимал народ, который привык приходить к старцам за советом.

Когда батюшка архимандрит говорил и благословлял о. Никона оставаться там, мне вспомнился тот рассказ, который дал мне читать о. Анатолий. В рассказе корабль тонул, а капитан стоял, молился и видел

отверстие небеса... Теперь я еще большим прониклась уважением к о. Никону...

Прошло порядочно времени с тех пор, как я получила благословение от Батюшки Нектария. Великим постом я поговела, исповедовалась у батюшки Досифея. Но я все не решалась просить о. Никона сделаться моим духовным отцом. В конце Великого поста я увидела во сне Батюшку Анатолия так ясно, в схимнической скуфье, на высоте роста человека: весь в облаках, только верхняя часть туловища видна, благословляющая рука его поднята, он благословляет, слышу голос его: «Как же не благословить тебя, когда ты столько ожидала...».

Батюшка архимандрит, архиепископ Михей, живший там на покое, и большинство братии перешли в Козельск и расселились по квартирам, а в Оптинский храм часто приходили к обеду.

И наконец, на Святой неделе (1923 год) после богослужения я подошла и высказала свою просьбу. О. Никон не отказал мне, но прибавил, что он неопытен. Назначил мне причащаться 21 апреля. Но мне не пришлось в этот день, и я попросила на 27 апреля – в день кончины моей матери.

С этих пор Батюшка Никон сделался моим духовным отцом. Он приходил иногда к нам, на нашу козельскую квартиру. В это время собирались к нам и другие сестры, и у нас шли духовные беседы.

Нас собралось уже порядочно и мне подумалось: как бы не было лишних разговоров и рассеянной жизни. Спросила у Батюшки Никона, может быть, он благословит нам молчание, а самое необходимое, что надо сказать, скажем, когда соберемся в трапезную. Батюшка сказал: «Нет, нельзя давать такое благословение».

Конечно, за трапезой мы читали житие или другую какую книгу. Я как-то спросила Батюшку, что лучше читать: славянское или русское Добротолюбие? «Это совершенно разное. Почему случилось, что такой благодатный и просвещенный муж, как святитель Феофан изменил все – неизвестно. О. Анатолий Зерцалов, очень любя творения свят. Феофана, когда касалось дело Добротолюбия, был за славянское в переводе Паисия Величковского. Изменения есть не только в порядке, но в самых мыслях (например, у [Марка Подвижника](#) заметил)». А относительно Исаака Сирина посоветовал мне взять русское.

А вообще он высказал, что по его убеждению лучше читать то, что проще, понятнее, а именно: авву Дорофея, Лествицу, Феодора Студита, Кассиана Римлянина. «Такие книги, как Исаак Сирин, с глубоким содержанием, надо читать с осторожностью. То, что там для

новоначальных сказано, для нашего времени преуспевшим только доступно, а многое и совсем нельзя применить, тогда будет раздвоение в душе. Поэтому такие книги надо читать не для того, чтобы вполне применять к себе, а для настроения. А иначе может быть очень плохо: в самомнение, в прелесть можно впасть и повредиться. И надо целиком брать все сочинение или всю статью, а не отдельные мысли, и смотреть надо на целое.

Так и сказано у Исаака Сирина: мое учение в целом надо брать. Читать и все принимать, какая мысль ни встречается – нравится или не нравится, а что непонятное – так оставлять, потом, может быть, поймете. А выбирать мысли не следует – отсюда ереси возникают («ересь» с греческого «выбираю»).

Мы видели, что с монастырями и монахами все хуже. «Будем терпеть», – сказал Батюшка.

Однажды спросили: «Говорят, что монашество падает, потому что не проходится молитва Иисусова, правда ли это?»

– Не от одного этого, а и от того, что не следим за собой, за чистотой своего сердца. – Посоветовал прочесть предисловие к книге о молитве Иисусовой старца Паисия.

– Надо терпеть не только находящие скорби, но себя терпеть надо. Никого нельзя осуждать, даже самого грешника.

Часть 2

Затем мать Амвросия рассказывает о тех квартирах, где жили они. «...Теснота у нас была. Помню, Батюшка наш Никон зашел к нам с иеродиаконем Серафимом и сказал ему: «Я привел тебя нарочно, чтобы показать тебе, в какой тесноте живут люди...».

Стали ко мне, как к врачу обращаться и мирские люди. Я спросила у Батюшки, как он меня благословит. Он сказал, что надо уклоняться. «Ходи и принимай только монашествующих и тех, которых не принимают в больницу или которые не могут заплатить или не в силах добраться до больницы, не могут поехать».— И я мирским неприветливо отвечала на просьбы, а сестры, обыкновенно, ограждая меня, говорили, что я слаба и не лечу...

Прибегает из Оптиной пустыни сестра Ирина, работавшая там в артели, и говорит, что заболел Батюшка Никон. Сейчас же отправилась. Он жил тогда в Оптиной пустыни в одной из башен на втором этаже. Из служащих в храме оставался он один иеромонах да еще иеродиакон, только что посвященный о. Серафим. Их кельи были рядом.

Состояние здоровья о. Никона было очень тяжелое. Температура более 39° – воспаление расширенных вен ноги. Требуется безусловный покой. К нему приходил доктор казанский, живущий здесь за оградой. Он застал меня у постели больного, и мы обсуждали с ним, что делать, чтобы дать полный покой больному.

Другой иеромонах уже был назначен архимандритом сюда, чтобы заменить Батюшку Никона. А о. Серафим, как вновь посвященный, должен ежедневно служить в храме два раза в день; остальные братия, оставшиеся в Оптиной, были все зачислены в артель, были каждый при своем деле,— требования к ним были очень строгие. О. Серафим предложил свою комнату мне, а сам решил подняться еще выше, в третий этаж, и там поселиться. А я дежурила у больного и за врача, и за келейницу.

В первый же вечер температура еще поднялась. Я меняла компресс. Больной бредил. Я осталась на ночь, села за столом внизу, чтобы меня не было видно, чтобы не нарушать уединения, и в то же время следить за больным.

Так прошло несколько тревожных ночей... Потом стало лучше, но покой безусловный был необходим. Молча делала все, что надо больному: келью уберу, самовар поставлю на терраске. А обед приносила сестра

Ирина.

Скоро начали приходиться нуждающиеся в совете богомольцы после церковной службы. Батюшка, когда был в силах, принимал их лежа. Утром не успею прочесть все правило, а уже начнут умолять допустить их к Батюшке. Стараюсь поскорее напоить хоть чаем больного.

Температура еще долго повышалась. Батюшка очень похудал, побледнел, и боли в ноге продолжались, но народу отказать было трудно. Иногда приходили с таким великим горем и издалека. Людей я приглашала сначала в свою келью и оттуда уже понемногу сообщала Батюшке, с какими тяжелыми нуждами пришли.

Помню, пришли и сидели у меня две молоденькие особы в светских одеждах. Они приняли монашество и были пострижены в мантию на Кавказе, а теперь должны были ехать в Ташкент. Они непременно хотели поговорить с Батюшкой о дальнейшей своей жизни... Они долго у меня сидели, пока Батюшка принимал других. Они мне очень понравились, я была очарована ими... И когда после их ухода я с радостным чувством стала говорить, что есть такие люди, преданные Господу, Батюшка холодным тоном сказал: «Они еще молодые, разве можно твердо надеяться на них». А сам он был молодой, ему не было еще и 40 лет (родился он в 1888 году). Он строго смотрел на себя и предостерегал своих духовных детей.

До того времени, как о. архимандрит решил оставить о. Никона для приема богомольцев в Оптиной пустыне и благословил его, он почти не дерзал давать советы и принимать людей. И вообще, если давал какой совет, то не от себя, а говорил, что в таком случае такой-то старец говорил то-то.

Больше месяца Батюшка не поднимался, и я ему келейничала, большею частью молча, боясь нарушить уединение. Ежедневно к порогу кельи Батюшки приходила юродивая Паша. Она давно уже пребывала в Оптиной, часто скандалила, поднимала страшный шум. Однажды она набросилась на Батюшку Анатолия и начала его душить. Удивляешься, бывало, как старец терпелив и любвеобилен, и такие выходки прощал и относился всегда к ней с любовью...

Вот об этой Паше Батюшка Никон сказал мне:

– Старайся делать так, чтобы она ни на что не обижалась и не сердилась.

Всеми силами старалась я об этом. Она требовала, чтобы ей первой получить благословение, и я заботилась об этом. И Господь помогал ее успокаивать. У нас все время был мир с нею.

В свободные моменты, когда Батюшке становилось лучше, я устанавливала порядок, кто за кем пойдет, а сама бегала навестить свою больную Анисью. И сестры из Козельска часто приходили ко мне, приносили нужные вещи.

Но вот окончилось мое послушание у Батюшки Никона, и мы зажили опять в своей тесной квартирке, числом семь человек... Иногда, раз в неделю, а то и чаще, Батюшка Никон приходил к нам, и к этому времени каждая из нас приготавливала вопросы, которые нам надо спросить. Придя к нам, Батюшка Никон обыкновенно молился перед образом вместе с нами и, преподав нам «мир» и благословение, садился, а мы вокруг него, и начиналась духовная беседа.

Мы с такой радостью ждали этого времени. К этому времени приходили еще другие сестры, кроме нас, семи домашних. Всем так хотелось духовной беседы, у многих были различные недоумения относительно того, как устроить свою жизнь, где жить, и духовные вопросы: как быть с мыслями, которые делают и молитву рассеянной.

На это Батюшка отвечал:

– Мимолетные мысли, к которым сердце не прилепляется, быстро проходят, как калейдоскоп. Ум наш, как жернов, никогда не останавливается, все время занят. Это не наша вина, но от нашего естества, и эти мысли не надо считать своею неотъемлемою собственностью: не может один и тот же ум и славословить Бога, и хулить. Поэтому не обращай внимания на них, выбрасывай их, как сор, как нечто постороннее. Но вот когда заметишь, что какая-нибудь мысль долбит постоянно, и сердце к ней прилепляется, вот тогда это ужасная опасность; скорее надо бороться, чтобы выбросить ее, молитвой Иисусовой прогоняй, а если все же не в силах, исповедуй старцу.

Надо знать, что тебя борет более всего, с тою страстью и бороться надо особенно. Надо ежедневно проверять свою совесть. Если стараешься даже не останавливаться на мыслях, но они меняют настроение, значит – доходят до сердца, – от сердца помышления злая.

– Укоряю себя, – сказала одна сестра, – что не делаю над собой в борьбе очень сильных усилий, усилий до смерти.

Батюшка ответил:

– Слишком большое напряжение вредно. Можно потерять силы напрасно и обессилить. Надо оградить себя железным кольцом заповедей. Каждое свое действие надо совершать только после того, как проверишь, согласно ли с заповедями, со Святым Писанием. И даже слова надо произносить после того, как помолишься и проверишь.

Кто-то спросил о правиле. Батюшка сказал:

– Правило лучше небольшое, но чтобы его непременно исполнить. Духовная жизнь требует, чтобы идти все вперед, а если слишком большое правило, то можно и назад пойти, что уже очень нехорошо. Пятисотницу лучше одной справлять, времени на нее требуется не менее 1 ч. 10 м. или даже 1 ч. 30 мин.

У нас в скиту время было так распределено: 2 ч. утра утренние молитвы, 12 псалмов утрени и 1-й час. Отдых. В 6 час. утра 3-й час, 6-й, изобразительные, 9-й час, за вечерню – 12 псалмов; повечерие, 2 канона. После ужина: конец повечерия и вечерние молитвы. Пятисотницу – по кельям. Однообразие для проходящих молитву Иисусову очень важно – ум не рассеивается, собранность ума.

Одна монахиня очень боялась, чтобы не сказали ей о смерти, если она будет плоха. На это Батюшка сказал:

– Боязнь смерти – от бесов, это они вселяют в душу такой страх, чтобы не надеяться на милосердие Божие (у Иоанна Лествичника). Врач должен предупредить больного о приближении смерти. Если даже больной высказывает страх и не желает, чтобы с ним говорили о смерти – должно предупредить.

Одна сестра наша говорила: «Мне хочется дожить до того времени, чтобы встретить Господа».

– Не надо, – говорил Батюшка, – греховно желать дожить до пришествия антихриста. Такая скорбь будет тогда, как сказано, что праведник едва спасется. А желать и искать страданий опасно и греховно: это бывает от гордости или неразумия, а когда постигнет искушение, можно и не выдержать.

В день св. Троицы Батюшка сказал:

– Исполняйтесь Духом... Что это значит? Ведь мы сподобились получить Св. Духа при крещении. А многие ли помнят об этом? Мало получить, надо еще сохранить, усовершенствовать, умножать, а не зарывать. Для этого надо возогреть ревность. Как?

1. Читать Св. Писание. – Ведь святые книги написаны Св. Духом, от них и веет Он. Никакое светское удовольствие не может дать того мира, той радости, которая дается Св. Духом. – Песнопения. Псалмы.

2. Внимать себе.

3. Часто участвовать в Св. Таинствах, через них Св. Дух сообщается человеку.

4. Часто посещать св. храм – это место особенного присутствия Св. Духа.

5. Наконец молитва – это великое дело для получения даров Св. Духа, особенно молитва «Царю Небесный»..., ее с особым благоговением надо выслушивать не только во время молитвы в церкви, но и во время работы произносить ее, испрашивая помощи Св. Духа.

Как-то заговорили об одеждах:

– Одежда монашеская нам дана, чтобы отличаться от мирских, чтобы она напоминала нам об иной жизни. Надо смотреть на цель. Теперь, во время гонения, чтобы сохранить монастырь, чтобы не лишиться духовного руководителя, можно и снять, но только не для франтовства.

– Можно нищенское или крестьянское? – спросила я.

– Нет, чтобы не выделяться, не надо носить что-либо кричащее, а подходящее, скромное. Во время исповеди и причастия можно по-монашески одеться, мантию надеть. В мирскую церковь не надо монашеской одежды. На суд (пришлось являться) – не парадную, но монашескую. Вообще, белый апостольник – не надо, но платок.

– Можно ли жить на подавание?

– Опасно, потому что можно привыкнуть к попрошайничеству. Одно дело – для других просить, и другое – для себя. В крайней нужде можно принимать милостыню, но не ту, которая служила бы огорчением кому-либо. Когда принимаешь милостыню или услуги, надо, по возможности, молиться за них.

– Иногда какой-либо текст Св. Писания бывает ответом: можно ли так принять? – спросили мы.

Батюшка отвечал:

– Только в крайности, когда никак нельзя ждать ответа, и с молитвой, со страхом Божиим, – не часто, только в крайних случаях.

О соборовании:

– Если не болен и нет никакой немощи, то и не надо, потому что молитвы при соборовании – об исцелении. Молимся о телесном и душевном здравии. Телесное здравие не всегда дается (Господь знает, что нам полезнее), а душевное – всегда подается.

Сестре, которая была в искушении (письмо получила), Батюшка сказал:

– Хотя ты и не принимала пострига в мантию, но все же ты имела рясофор, а на одеяние рясы читается такая молитва: «Благодарю Тя, Господи Боже наш, Иже по многой милости Твоей избавил еси рабу Твою от суетныя мирския жизни и призвал еси ее на честнее сие обещание: сподоби убо ее пожити достойно в ангельском сем жительстве и сохрани ее от сетей диавольских и чисту душу ее и тело соблюди даже до смерти»,

и далее «облепи ее освящения одеждою, целомудрием препояши чресла ея...». Из этого видно, что Св. Церковь Православная и на рясофор смотрит, как на обет Богу. Бойся солгать Богу.

Теперь, если к сему приложим еще и то, что соблазняет тебя монах мантийный, то мне страшно подумать, какой на это суд произносит Св. Церковь. Вот что написано в законоправильнике: монах или монахиня, если приидут в общение брака, не считается то брак, но блуд или, лучше сказать, прелюбодейство...»

Я сказала как-то Батюшке:

– У меня нет никакой печали (а многие жаловались на свою печаль).

– Так и бывает при послушании,– отвечал он,– это полное беспечалие по вере в духовника.

Часть 3. Беседа в День всех святых.

– Этим днем заканчивается ряд самых важных празднованных событий: Страсти Господа Иисуса Христа, Воскресение, Вознесение, Сошествие Св. Духа. День всех святых – это первые плоды подвига Господа, первенцы Церкви Христианской. Вот перед нами патриархи, жившие, как странники; пророки, апостолы, которые проповедовали св. Евангелие, а сами терпели такие скорби; мученики, священнослужители, жертвовавшие своею жизнью; преподобные, на земле достигшие ангельской жизни; благочестивые люди обоих полов и различных возрастов среди житейских дел жили так, что сподобились святости; великие грешники, достигшие святости.

Возьмем каждый себе в образец святого, подходящего к своему положению и будем стараться брать с него примеры волею своею и молиться ему о помощи, чтобы Господь дал Свою благодать...

– Но почему благочестивые страдают?

– Они идут путем Спасителя, а Он страдал,– был гоним, поруган, оклеветан,– так и все идущие за Ним. «В мире скорбни будете. Желаящий благочестно жити, уготовися ко искушению».

– Как же поступать, чтобы легче переносить страдания?

– Веру крепкую иметь, горячую любовь к Господу, не привязываться ни к чему земному, вполне предаться воле Божией.

В разговоре с Батюшкой Никодимом одно духовное лицо с академическим образованием сказало ему:

– С такой детской верой не проживешь.

А в дальнейшем разговоре:

– Николая Чудотворца на Первом Вселенском соборе даже и не было: среди подписей его подписи нет.

– Да очень просто,– отвечал Батюшка,– он был лишен святительского сана за обличение Ария, потому и подписи его нет.

Вот как религиозность понизилась в наших академиях.

– А если кощунствуют, как принимать? – спрашивали мы Батюшку.

– Когда смотришь на больную, ведь не требуешь от нее, чтобы она не харкала. Так и здесь надо: как на больную смотреть.

– Главная основа спасения нашего – покаяние. Один монах пришел к старцу и с большой скорбью рассказал ему, что он прежде жил хорошо, теперь все потерял и почти отчаивается в своем спасении, что другой,

вновь поступивший, опередил его. На это старец сказал ему:

– Падший монах, прежде хорошо живший, подобен дому, развалившемуся, который, однако, можно скоро вновь соорудить, потому что весь материал здесь же лежит, и фундамент уже сделан и цел. Гораздо труднее построить дом вновь на пустом месте; для этого надо и материала навезти, и углубить землю для основания, заложить в землю основание. Так и монах, прежде живший рачительно и павший, но не потерявший только своего произволения, скоро восстанет опять, так как воспоминание прежней хорошей жизни, скорби, перенесенные во время искушения, настоящее покаяние, слезы, смирение – вот готовый материал. А новонаначальному многое еще нужно.

В Калужской губернии много монастырей, все они расходятся вокруг нас, т. е. вокруг Козельска, много и дач монастырских. Поэтому в Козельск приходило много монашествующих. Побудут в церкви, надо куда-нибудь зайти ночевать, да и с Батюшкой поговорить, совет получить, вот они и заходят к нам. Или кто заболел – тоже к нам. Так что у нас, кроме своих, было всегда и посторонних несколько человек, говеющих. Надо, было с ними поговорить. Вот Батюшка часто и приходил; бывала общая беседа, а в случае чего-либо особенного и отдельная.

Была у нас как-то беседа о послушании, а для меня это был важный вопрос, о котором я не раз думала. Кто-то спросил: «Как исполнять обет послушания, когда некому повиноваться, никто не приказывает?»

Батюшка сказал:

– Надо иметь готовность по воле Божией все делать. Надо различать два рода послушания: внешнее, для средних дел, и внутреннее – для духовных дел. Во внешнем нужно полное повиновение: без рассуждения исполнять, что скажут. Во внутреннем – нужно всегда обращаться к духовнику, спрашивать его, какова воля Божия. Но его совет надо проверять Св. Писанием и св. отцами, и если он скажет не согласно с ними, то можно сказать ему: не могу так. Хорошо желать только то, что будет. Если делаешь то, что тебе самой желательно и приятно, то это не приносит особенной пользы для души, только вред здесь умиряется все-таки тем, что получается благословение. А настоящее послушание, приносящее душе великую пользу, происходит тогда, когда делаешь наперекор себе, тогда Сам Господь на Свои руки берет тебя, благословляет твои труды.

По поводу послушания Батюшка рассказал:

– У нас в скиту был такой случай: один инок зимой собрался идти в монастырскую лавку, и пришла ему в голову мысль – не стоит таким

пустяком беспокоить старца и спрашиваться. Сходить-то в лавку займет не более четверти часа. Правда, приходил и другой помысл,— лучше благословиться. Но первое желание превозмогло, инок пошел, не спросившись.

Смеркалось. Дорога шла лесом. Шел он, шел, все не может дойти до места. Вот уже и совсем стемнело. Что же это такое? Деревня какая-то вдали виднеется. Оказывается, он уже до Прысков дошел.

Вдруг перед ним вырастает какое-то огромное чудовище. Вскрикнул Марк (так звали инока) от страха. Подойдя ближе, он увидел, что это стог сена. Силы совсем оставили бедного монаха; забился он в стог и начал звать о помощи. Прибежали крестьяне, извлекли его из-под стога и привезли в скит.

Правая нога Марка совершенно отмерзла, так что доктор предложил ее отнять, Марк не согласился, говоря: «Пусть моя нога, ходившая по своей воле, мучается теперь до конца». Действительно, Марк стал терпеть ужасную муку. 12 лет он пролежал в постели. Нога его почернела и начала гнить, в ней завелись черви. Смрад от нее шал страшный. Когда кто-нибудь приходил навестить его, то он говорил: «Вот смотрите на самочинника». — «Успокойся, брат Марк, Господь простил тебя», — говорили ему.» Да, это, конечно, свойственно Его милосердию, но сам-то я не должен себя прощать». Брат Марк стяжал великое смирение. После смерти он явился одному брату и возвестил ему, что Господь его помиловал, и он утешается теперь в раю.

И еще: «Батюшка Нектарий, бывши в скиту старшим иеромонахом, стал проситься у скитского игумена Батюшки Варсонофия не ходить на трапезу. Игумен, не желая нарушать скитского устава, не благословил его на это, а просил приходиться на трапезу. И когда настало время трапезы, прислал даже келейника своего пригласить его на трапезу.

Батюшка Нектарий рассказывал, что такие преогорчевающие чувства были у него, ведь мало того, что игумен отказал, а то еще прислал келейника. Заходил Батюшка по келье с тяжелым чувством, но делать нечего, надо идти.

Тогда он, призвав на помощь Господа, сказал себе твердо: «Довольно»,— и пошел. Сел за стол на благочинническое место, так как был старший, сел с теми же преогорчевающими чувствами, ни на кого не глядя, вошел в себя и вдруг подумал: «Все они пришли, потому что они голодны, а я не от голода пришел, а потому что меня пригласили»,— и такая отрада в сердце появилась. Когда он сказал: «Довольно»,— благодать Божия осенила его, и ему сделалось отрадно.

Инок должен пребывать в послушании.»

На вопрос о том, когда соглашаться лечить, Батюшка отвечал:

– Когда крайность, если видишь, что надо помочь, например, не приняли в больницу, нечем заплатить. А вообще надо уклоняться, тем более, если это могут сделать в больнице.

Кто-то спросил: лечиться ли?

– Врачей создал Господь, нельзя отвергать лечения.

На вопрос: можно ли сидеть в церкви?

– Сыне, даждь Ми твое сердце. Лучше думать о Боге сидя, чем о ногах, стоя,– сказал святитель Филарет Московский.

Однажды из разговоров выяснилось, что у нас собралось так много народу, что совершенно нечего было дать подложить под голову, были только книги, которые и подложили.

Батюшка сказал:

– Священные книги, к ним надо относиться с уважением, нехорошо на них спать.

Отсюда пошел разговор о бездушных предметах, которые имеют тоже влияние на Душу:

– Нехорошие книги под головой могут вызвать мечты греховные, одежда страстного человека может повлиять.

Со мною Батюшка обращался строго. Когда я приходила, а в приемной были еще другие, то Батюшка принимал меня последней. Видя, что он уже изнемогает от усталости, я спешно по записке читала, что мне было поручено от больных или еще какие-либо краткие вопросы от себя, только самое неотложное, а Батюшка в это время от изнеможения положит голову на стол и так слушает. А у меня была такая вера к словам его, что принимала я все как закон для меня, никогда у меня не было никакого сомнения.

И часто я думала: да есть ли здесь послушание, когда все, что требует Батюшка вполне совпадало с моим настроением?

Когда с кем-либо происходило что-либо нежелательное, то Батюшка обращался прямо ко мне с выговором, хотя я и не причастна была к этому, так что со стороны можно было думать, что это мое дело.

Но вот лично и ко мне сказал он однажды строго (когда я сказала, что сестра хорошо сделала): «Хвалить в лицо – нехорошо, чтобы этого не было больше. Зло большое можно принести человеку похвалой. Тебе поручаются младшие и тебе придется за них отвечать Богу. Кто тебе поручен, того ты должна смирать. В крайности, ради души брата даже как бы неправду говорят.

Вот один брат, услышав, что другой брат хочет из монастыря уйти, притворился, что и он тоже хочет, и вошел к нему в доверие, и в конце концов отклонил его от ухода. Хвалить в лицо нельзя; нельзя также и говорить в лицо: «Это она от болезни расстраивается». Нельзя так в глаза, можно сказать другим осторожно, чтобы та не знала: «Оставьте ее, она больна».»

Когда спросили Батюшку о книге «Письма Святогорца», он сказал: «Батюшке Варсонофию было поручено сделать список книг для чтения скитским монахам, и Батюшка Варсонофий сказал: «Прости меня, святой отец, что я вычеркиваю твою книгу,— не хочу, чтобы нашедшие себе приют в русском монастыре, стремились безрассудно на Афон».— Книга эта хорошая».

О пребывании монаха в миру (когда м. Е благословлялась у Батюшки поехать в Москву, где проживал ее брат, и побыть там некоторое время): «Аще монах пребывает в мирском доме, то на него смотрят, как на мирянина. Нельзя монаху долго пребывать в миру: как рыба без воды, так и монах вне монастыря. Надо как можно скорее возвращаться».

Однажды Батюшка рассказал нам о двух юношах. В Оптину пустынь поступили два брата. Через некоторое время один из братьев должен был отлучиться из монастыря по некоторым обстоятельствам и там решил остаться совсем. Оставшийся в монастыре брат, не зная о его решении, пришел к одному старцу (скитоначальнику Оптиному после скончавшегося Батюшки Варсонофия, к Батюшке Феодосию), просил молитв для своего брата и вообще вспоминал о нем. Старец на это не сказал ничего утешительного, дал ему прочесть листок такого содержания:

«К апостолу Иоанну Богослову пришли два богатых юноши. Услышав его проповедь, они все оставили и пошли за ним. Через некоторое время они встретили бывших своих слуг, вспомнили свою прежнюю жизнь, свое богатство и подумали о нем с сожалением. Тогда апостол сказал юношам: сходите на берег и наберите там камней. Они набрали и принесли. И когда стали показывать апостолу, то увидели с удивлением, что все камни превратились в золото и драгоценные камни.

Апостол сказал:

– Видите, Господь уплатил вам за все, что вы ради Него оставили. Но неужели вы захотите ради кратковременного услаждения и радости лишиться вечных благ, уготованных на небе?»

Старец дал листок этот прочитать и больше ничего не сказал.

А в это время ушедший брат решал оставаться в миру. Когда до брата в монастырь дошла весть о его решении, он опять пошел к старцу и стал

говорить ему о своем брате и о том, на что он решился. Но старец, к удивлению его, никак не мог понять, о ком он говорит. Долго он объяснял старцу, что это его родной брат, называл его по имени, подробно говорил о нем, но старец повторял только одно: что не знает, о ком идет речь.

Между тем старец еще недавно знал его очень хорошо. Эти два брата были сам Батюшка Никон и его младший брат Иванушка, такой увлекающийся и способный. Он писал хорошо акафисты, я видела один из них напечатанным по разрешению Св. Синода – св. Парфению..., хорошо писал стихи на духовные темы и увлекательно рассказывал.

Часть 4.. 2-го июня: Троицын день

Батюшка заговорил:

– Скорби иноков последнего времени утончены, т. е. при поверхностном взгляде на них нельзя признать их скорбями. Но это лишь злохитрость врага нашего... Искушения явные, грубые и жестокие возбуждают в человеках пламенную ревность и мужество к перенесению их... Враг заменил грубые искушения слабыми, но утонченными и действующими очень сильно. Они не вызывают из сердца ревности, не возбуждают его на подвиг, но держат его в каком-то нерешенном положении, а ум в недоумении. Они томят, постепенно истощают душевные силы человека, ввергают его в уныние, в бездействие и губят, содейвая жилищем страстей по причине расслабления, бездействия и уныния.

Это выражается тем, что ожидают чего-то лучшего, говорят: вот тогда и будем поститься и молиться, когда откроют монастыри и храмы. Но Господь обещал, что если мы покаемся, будут нам прощены грехи, а о том, что мы доживем до завтрашнего дня нам не обещано.

Поэтому мы должны при всяких условиях, благоприятных неблагоприятных стараться жить по заповедям Божиим, исполнять обеты монашеские и особенно помнить слова: «Се время благоприятно, се день спасения».

Еще говорил Батюшка: «Не надо давать воли своим чувствам, надо понуждать себя обходиться приветливо и с теми, которые не нравятся.»

– Не надо верить приметам. Нет никаких примет. Господь управляет нами Своим Промыслом, и я не завишу от какой-нибудь птицы или дня или еще чего-нибудь подобного. Кто верит предрассудкам, у того тяжело на душе. Наоборот, у того радость на душе, кто считает себя в зависимости только от Промысла Божия.

Когда я однажды подошла к Батюшке по каким-то делам, он между прочим сказал: «Есть сестры, которые просили назначить за старшую м. Е.»,— сказал это и пристально в молчании смотрит на меня вопросительно. Я ответила:

– Да, она более опытная, это лучше; она больше была в монастыре, ей приходилось хозяйственными делами заведовать в богадельне, а я так мало была в монастыре, и не имею никакого опыта.

Пока я все это говорила, Батюшка молчал, а потом ответил:

– Нет, я не могу этого сделать,– мысль об общине ты подала, и начала это дело.

Никто больше об этом не упоминал, и я никому ничего не говорила. Я только спросила Батюшку, как мне поступать:

– Как поступала, так и поступай. Прежде всего о духовном надо заботиться.

Беспокоилась я за М. Н. – вот умру, кто будет заботиться о ней. Хотелось бы мне, чтобы она была духовной дочерью Батюшки, и он бы ее наставлял. Высказала я это свое желание Батюшке, и он ответил: «Не надейтесь на князи ваши и на сыны человеческие...» Действительно, вот Батюшки и нет в живых...

Прошел слух в Оптиной, что церковь скоро закроют и последним служащим – Батюшке Никону и о. Серафиму придется оттуда переселяться. Иногда бывали всенощные в частных кельях у служащих там сестер. На этот раз на последнюю прощальную всенощную собрались в больничной кухне, где работали сестры. После окончания работы они убрали, и поздно началась всенощная.

15 июня 1924 года

После всенощной Батюшка обернулся к нам и сказал. (См. стр. 188.).

Батюшка стал всех благословлять. Некоторые плакали о нем, а Батюшка ласково сказал:

– Вот чудесненькие, ведь я – монах, я давал обет терпеть всякое озлобление и укоризну, поношение и изгнание, и если сие сбывается, если сие терплю, то радоваться подобает, – так совершается чин пострижения на деле, и не унывать, а вы и слезы распускаете... Сказано: радоваться подобает, егда во искушения впадаете различные.

Батюшка стал собираться уходить и еще сказал: «Помню я, когда еще был Николаем, Батюшка Варсонофий сказал надо мною молитвенно такие слова: «Господи, спаси раба Твоего сего. Буди ему помощник. Защити его, когда он не будет иметь ни крова, ни приюта. Аминь.»

Мы разошлись. А Батюшка через несколько дней перебрался в Козельск на квартиру, где помещался уже Оптинский монах о. Кирилл Зленко, тоже скитский. Для Батюшки там нашлась порядочная комната с передней. И для ожидающих было еще место. От нашей квартиры очень близко. Вечером приходили к Батюшке на благословение и сказать, что необходимо. Теперь уже был пост, приходили на исповедь.

Мать... сказала как-то, что ей не нравится мой наказ сестрам, чтобы сестра, кончившая чтение вечерних молитв, напоминала каждой не забыть покаяться. Батюшка тогда ничего не сказал. А потом, когда я его спросила одна, как поступать, он сказал: «Как поступала, так и поступай».

Во время причастия, поднимаясь на амвон, сделала земной поклон. Это тоже смутило м..., и она сказала Батюшке в беседе, а он на это:

– Если бы сейчас ты увидала перед собой Господа, не пала ли бы ты перед ним на колени?

Батюшка одной мне сказал:

– У тебя гордость есть. Сказали, что не все хорошо у вас, и ты заплакала. У тебя чувствительность особенная. Ничего важного не произошло, а ты считаешь, что ужасное что-то.

23 июля приехала моя племянница из Перемышля. На мой вопрос, какие ей читать книги, Батюшка сказал:

– У девочки еще формируется ум, ей вредно читать книги светские, и театр не полезен, чтобы в страсти не вошло, не было бы то, что с афинянами – хлеба и зрелищ, - вот это опасно. В дальнейшем разговоре

Батюшка сказал:

– Я вообще против высшего образования; редкая женщина, получив высшее образование, устоит в благочестии. С высшим образованием редко верующими остаются, даже лица духовной академии.

Иногда я думаю: вдруг я не в состоянии буду перекреститься или заболēju так, что руки будут связаны, а хорошо было бы, если татуировкой сделать крест у себя на груди. На это Батюшка сказал:

– Есть у тебя Иисусова молитва, которую никто не отнимает, и она заменит крест. А насчет татуировки креста, мне что-то это не нравится.

На исповеди я сказала:

– Я сомневаюсь, есть ли у меня любовь к Господу.

– Исполни заповеди, тогда и чувство придет.

11 августа мы нашли более вместительную квартиру к зиме. В воскресенье мы спросили Батюшку, не перебираться ли нам сегодня? Он отвечал:

– Не надо в праздник, Праздником надо дорожить, чтить его, без крайней нужды не надо работать. Этот день надо посвящать Богу: быть в церкви, читать дома и молиться и посвящать время на добрые дела. Если же для умершего потребуется что сшить, то можно и в праздник при необходимости, – и напомнил слова: «если вол упадет в колодец...»

На вопрос о молитве за староверов Батюшка ответил:

– Только в домашней молитве можно молиться и только за живых, потому что еще надеемся, что они обратятся. Чтение псалтыри (представлялся случай читать у старообрядца) есть уже наполовину церковная молитва.

О самоубийцах, о молитве за них, Батюшка привел рассказ о монахине Афанасии (в кн. Подвижники благочестия) : Брат монахини А. окончил жизнь самоубийством. Для облегчения его участи, старица Пелагея Ивановна Дивеевская посоветовала ей наложить на себя подвиг – затвориться и читать по 150 молитв Богородицы с поклонами. Через 40 дней такого подвига она увидела во сне брата и была извещена, что ему после трехкратного такого подвига дано освобождение (до того он был прикован цепями к кровавому камню), но блаженства не получил. Причем другой страдалец произнес: «Счастлив ты, что имеешь таких молитвенников».

Батюшка Никон очень хорошо служил с самого начала, и ему говорили: верно, вы хорошо выучили всю службу? Он на это ответил: «Нет, до посвящения в диакона, я никогда не брал в руки служебника и не читал его, потому что не знал, достоин ли я быть священнослужителем. И только

когда меня посвятили в диакона, я стал читать служебник. Когда я начал служить, то братия учили меня, и я от всех принимал то, что мне говорили и даже просил, чтобы мне указывали мои недостатки в службе. Принимал все то, что мне говорили, а потом рассуждал об этом, и то, что подходило ко мне, я принимал, а то, что не подходило, отвергал.

Однажды у нас в Оптиной служил о. протодиакон из Калуги. Я просил его указать мне, как надо служить. Он спросил меня: «А вы читали Учительное известие?» Я ответил: «Да, читал». – «Ну, я вам больше ничего не скажу», – ответил он. Сначала я остался очень недоволен его ответом, но потом через некоторое время, читая внимательно это Учительное известие, я был очень благодарен протодиакону за его совет, потому что из «Известия» я узнал, что при богослужении важно не то, чтобы громко говорить, а важно совершать службу с благоговением.

Прочитав из книги еп. Игнатия «О смерти», Батюшка добавил:

– Вот как, детки мои, следовало бы жить. А мы? Мы думаем только о том, чтобы нам поспокойнее и получше пожить, чтобы нас никто не трогал – ну, одним словом, хотим жить так, чтобы «нашему нраву не препятствовали».

– Когда я жил в скиту, – рассказывал Батюшка, – у меня соседи по келии были всегда хорошие, и я жил с ними дружно. Но врагу это, конечно, не нравилось, и он часто намеревался смутить. Много было козней с его стороны.

Однажды был такой случай: сосед мой топил лежанку утром, а я часа в два. И вот, бывало, я только что закрою печку, как сосед мой начинает ставить самовар и, не говоря ни слова, берет у меня из лежанки жар. Конечно, мне не жалко было углей, но меня возмущало то, что он делал это, не спрашиваясь у меня и не говоря ни слова, а самому мне начинать говорить об этом не хотелось.

Или еще такой случай: у меня был большой глиняный кувшин, с которым я ходил за водой. Принесу, бывало, себе кувшин воды, налью самовар, налью умывальник (он висел в коридоре), и вода у меня еще остается. После приду с послушания или из сада, руки грязные, в земле, подхожу к умывальнику, а там воды нет, вот и изволь грязными руками братья за кувшин и наливать воду. Это значит, что мой сосед, ставя самовар, загрязнил руки и, вымывая их, вылил всю воду. Так случалось не раз, не два, а много раз. И в этом случае мне не жалко было воды, а просто меня раздражало то, что я налью в умывальник воды, а приду с грязными руками и вымыть их нечем.

Долго я терпел это, но в конце концов не вытерпел и открыл старцу

свое смущение, спрашивая его, как мне быть. Старец выслушал меня и сказал, что в таких случаях надо поступать так: просто, не сердясь и не возмущаясь, а со смирением, прося прощения, спросить брата, зачем он так делает, и потом объяснить, что это тебя смущает, что лучше было бы сделать вот так и так, т. е. в данном случае сказать брату, чтобы он, беря уголь из лежанки, сказал бы тебе об этом. Что касается умывальника, то, кто последний выльет оттуда воду, тот пусть наливает в умывальник воду. По совету старца я таки объяснился с братом, и с тех пор он меня ничем уже не смущал.

Вот так надо поступать и нам. Если между нами произойдет какое-либо недоразумение, или нам покажется, что нам делают что-нибудь плохое нарочно, надо сейчас же попросту объяснить, и тогда всякое недоразумение исчезнет.

Так Батюшка говорил по поводу того, что сестры, жившие от нас недалеко, пришли страшно огорченные и жаловались, что между ними постоянные неприятности.

Батюшка благословил нас по окончании вечерних и утренних молитв читать молитву: «Егда плотского союза хочет душа моя от жития разлучиться...»

Часть 5.. 17 сентября

Кто-то из сестер, между прочим, спросил Батюшку о пении гимнов. «Пение гимнов – это не грех, но это для мирских хорошо: хорошие мысли, хорошие молитвы настраивают хорошо, это не то, что мирские песни. Но для монаха это не идет, отвлекает от молитвы, разве что-нибудь может сравниться с молитвой Иисусовой, которая превосходит все.

Батюшку Варсонофия спросили про музыку. Он сказал, что музыка его не привлекает, она ему не нужна. У него была благодатная сердечная молитва, а она выше всего, она – высшая радость и утешение, все остальные только мешает молитве. Пение – это мягчайшая пища, а монах должен питаться твердой...»

Был разговор у нас о любви к людям. Я сказала, что мать моя говорила: люби людей и увидишь, что все они хорошие. А Владимир Соловьев говорил: любовь обладает откровением, любящий видит те достоинства в любимом человеке, которые для других не видны. Батюшка сказал: надо любить человека и видеть в нем образ Божий, несмотря на его пороки. Не надо холодностью отстранять от себя людей...

26 сентября – день рождения Батюшки Никона. После обедни все поздравляли его.

Завтра 40-й день смерти Маришиной бабушки, и Мариша собирается вместо всенощной читать псалтирь. Батюшка на это стал объяснять:

– В воскресенье не полагается никакого поминовения, можно только на проскомидии поминать.

Чтобы лучше поняли, он сделал такое сравнение:

– Представьте себе, что день именин царя, и в это время на торжестве кто-нибудь из простых людей сказал бы: и я именинник. Это не шло бы к великому царскому торжеству. А здесь воскресенье празднуется, воскресение Господа, разве можно какого бы то ни было человека сравнивать, поэтому всякое поминовение опускается. И то уже послабление, поэтому поют иногда «Со святыми упокой», это уже в наши времена, и этого не следует.

На вопрос, что лучше – часто ли приобщаться или реже – Батюшка сказал:

– Что лучше – сказать нельзя. Закхей с радостью принял в свой дом дорогого Гостя – Господа и хорошо поступил. А сотник по смирению, сознавая свое недостойство, не решился принять, и тоже хорошо

поступил. Поступки их, хотя и противоположны, но побуждения одинаковы, и явились они перед Господом одинаково достойны. Дело в том, чтобы достойно приготовляться великому Таинству.

Прошел слух, что Батюшку хотят взять в епископы. Много было огорчений по этому поводу. Батюшка сказал: «Я не брошу вас добровольно».

11 ноября

Всенощная накануне святителя Иоанна Милостивого (мирской день Ангела старца Иосифа).

В дни особо чтимых святых, когда не было всенощной в храме, Батюшка часто служил у нас или еще в другом доме сестер, где тоже было удобно.

– «Блаженни алчущие и жаждущие правды, яко тии насытятся». Эти мысли все время были у меня на уме,– сказал Батюшка,– когда мне попалась в моем угольнике докладная записка послушника Павла к старцу о. Иосифу о том, что у него желание и решимость жить в более тесных условиях, однако не нарушающих общих правил нашего святого общежития, в условиях, которые бы способствовали и помогали бы большей трезвенности. В этой записке Батюшка о. Варсонофий со смирением просит старца благословить его на более подвижническую жизнь и вспоминает наставление преп. о. Серафима о том, что для подвижнической жизни нужна решимость.

Когда спросили преп. Серафима, почему в прежнее время были великие подвижники, а теперь нет таких, он ответил: потому что нет решимости, а благодать та же, Христос Тот же и во веки.

У Батюшки о. Варсонофия была эта жажда к истине, сильное стремление к подвигу, от него искра ревности запала и в души знавших его. В конце записки у него было написано: «хочу изыскивать средства, чтобы примириться с братьями, которые ко мне во вражде, и со всеми жить в мире, никого не осуждать».

Распределение времени у Батюшки о. Варсонофия: 1. Утренняя – в 7 часов вставал после утрени, пока рассветает совсем – Иисусова молитва. Затем часы и изобразительные. Кафизма с помянником. Келейные занятия и трапеза. После трапезы час отдыха. Самовар ставил сам, пил траву. Келейные занятия. Вечерня и правило, ужин. Пятисотница и откровение старцу. 3 тысячи Иисусовых молитв. Светских книг не читал, старался не принимать никого, только по крайней нужде. Писем не писал, а только кратко отвечал.

Часть 6. Беседа о страхе Божиим. 9 октября.

«Страх Божий нужен прежде всего, он научает благоговению, он научает всему доброму. Небрежное отношение к святыне от привычки как-то получается.

Было это в скиту. Батюшка Варсонофий видит из окна своей келии – один мирянин при входе в скитские ворота снял шапку и так с непокрытой головой идет по скиту. При этом Батюшка сказал: «Смотрите, какое благоговение к святыне нашей, а мы-то, постоянно живущие, и забываем, и иногда небрежно относимся... Как страшно, когда небрежное отношение является у человека к святыне. Надо благоговейно относиться к священным и освященным предметам.

Вот епитрахиль, она только немного перешита руками непосвященного человека, и должна быть освящена снова. Обрезки от нее можно употребить на закладки в Евангелие или Псалтирь, и то надо с осторожностью, чтобы впоследствии куда-нибудь они не пошли на неподходящее дело, а то лучше сжечь.

Четки не должно брать нечистыми руками и для ночи надо иметь другие; если же, не раздеваясь, ложишься, тогда можно и эти, лишь бы к телу не прикасались.

Бумажки от просфор надо тщательно прятать и сжигать. Надо все делать с благоговением.

Инокю надо иметь и голос тихий, и поступь скромную. У нас в скиту был написан образ какого-то святого с хартией в руках, где это было написано. И дома между собой надо со страхом Божиим говорить и все делать. Слово каждое надо обдумать и со страхом Божиим произносить.

– Помни,– говорит святитель Феофан,– что ты, говоря, рождаешь слово, ты произнес слово, и оно никогда уже не умрет, но будет жить до Страшного Суда. Оно станет с тобою на Страшном Суде и будет за тебя или против тебя; от словес твоих оправдишься и от словес твоих осудишься. Значит, с каким страхом, как осторожно надо произносить каждое слово, а не так как вы: придете к Батюшке и лопочете, что попало, без всякого рассуждения.

После молебна Батюшка с нами поговорил:

– Мы только что слышали Св. Евангелие о том, как Симон пригласил Господа Иисуса Христа к себе в дом для трапезы, но не оказал Ему и того, что требовал тогдашний обычай не только для гостя, но и для простого

странника – не подал ему воды умыть ноги. А вот грешная жена, известная во всем городе как блудница, не переставала обливать Его ноги слезами и власами своими утирала их. Все в этом Евангелии так дивно, каждое слово умиляет. Господь к нам так милосерд. Как же мы должны любить Его.

Когда я был еще иеродиаконом, я так любил читать Евангелие, просто в восторг приходил от каждого слова. Какие дивные слова в Евангелии. Какую бы другую книгу ни взять самого лучшего писателя, если много раз читать, может надоест, а Евангелие чем больше читаешь, тем все больше оно нравится.

На вопрос: можно ли обойтись без молитвы Иисусовой? Батюшка отвечал:

– Можно. Один молился молитвой Иисусовой, другой, стоя в храме со вниманием, молился словами церковных молитв, употребляют и еще некоторые молитвы, но молитва Иисусова все превосходит. Батюшка Варсонофий говорил: можно березовыми дровами натопить печь, а можно осиновыми, лишь бы тепло было. Надо, чтобы всегда в душе молитвенно обращались к Богу, что бы ни делали.

Спросили Батюшку, можно ли молиться, чтобы кто-нибудь явился во сне?

– Нет, любопытства не должно быть. А вообще о снах принято так думать: если старцы и вообще святые люди являются нам во сне, то это знак того, что они помогают нам. Это бывает перед какими-то важными событиями жизни. А если покойники из близких являются, так при этом рассуждать можно так: покойники, они потому и названы так, что в покое находятся, а если являются, то это знак того, что за них молиться надо.

При этом Батюшка рассказал свой сон, как монах, завещание которого еще не было исполнено, явился ему во сне весь в слезах. Вышла ошибка, и его действительно не поминали. Батюшка похлопотал, чтобы его завещание исполнили, покойный уже более не являлся.

Можно ли обращаться за помощью к покойным старцам?

– Надо так: сначала – «упокой Господи душу старца... и его святыми молитвами помилуй нас».

Говорили о том, что многие с точностью дерзают определять время пришествия антихриста. Батюшка Никон на это сказал:

– О времени пришествия антихриста никто не знает, как сказано в св. Евангелии. Но признаки скорого пришествия антихриста уже есть, как в послании сказано: ныне уже есть антихрист. Признаки – гонение на веру, и надо ожидать, время приближается, но все же нельзя точно сказать. Бывали и раньше времена, когда считали, что антихрист пришел (при

Петре Великом), а последствия показали, что мир еще существует. Да и что толку в этом исчислении? Для меня не это важно. Главное, чтобы совесть была чиста, надо твердо держаться веры православной, заповеди исполнять, надо жизнь проводить нравственную, чтобы быть готовым. Надо пользоваться настоящим временем для исправления и покаяния, – «се ныне время благоприятное, се ныне день спасения».

Часть 7.. 2 декабря

Когда я вошла к Батюшке, он, после всего, что я должна была ему передать, оставил меня и прочел из Отечника о двенадцати старцах, поведающих о своих духовных деланиях. Батюшка остановился на самом последнем, который занимался плачем о своих грехах и сказал:

– Нам всем главное – смирение, мы не умеем смиряться.

И прочел из Отечника: «...один брат спросил Старца, что такое смирение? «Это великое и божественное, а путь к нему – считать себя ниже всех»... – «Что это значит, считать себя ниже всех?» – «1) Не замечать чужих грехов, 2) смотреть на свои грехи; 3) постоянно молиться».

Правило монашеское помни: не начинать самому говорить, не быв спрошенным».

22 декабря. – св. мученицы Анастасии Узорешительницы.

Вспоминал Батюшка, как в этот день он выехал из Москвы совсем в монастырь, как бы оторвался от уз мира. 9-го декабря был уже принят, в день «Нечаянной Радости», и ездил в Москву, чтобы устроить все свои дела. 23-го прибыл в монастырь, а 24-го в скит определился. В этот день в церкви стояло два гроба – монаха и послушника, убитых на мельнице – память смертная. А 29 января Батюшка был одет в монашескую одежду и ходил к о. архимандриту, и там ему сказали, как келейник о. архимандрита о. Иоанн собирался все домой ехать, и в этот день скончался.

Будучи у Батюшки сказала ему:

– Я ходила в мирские дома, хотя и старалась держать себя просто, но все же, как будто, не избежала человекоугодия, и мне тяжело на душе, а они все просят приходить и быть у них, как дома.

– Что же что просят, можно все просить, но не все исполнять. Ты скажи: надо к службе, теперь такие дни.

Еще сказал Батюшка:

– С людьми бороться не надо, не только на деле, но даже и в помыслах, а то бесы будут побеждать, а только молиться за обижающих тебя, тогда Господь поможет, и бесы отступят... Монахи к смерти готовятся, всегда думают о том; чтобы встретить смерть в мире со всеми, а миряне этого не знают и не придают значения немирствию.

Батюшка говорил:

– Господь Иисус Христос, молящийся в саду Гефсиманском, есть напоминание духовнику. И он в некоторой степени берет на себя грехи духовных чад своих. Какое это великое дело, что только ему приходится переживать.

Батюшка привел из записок Батюшки Варсонофия следующее:

– В монастырь поступал с целью искоренения страстей и уразумения Тайн Божиих.

Еще сказал Батюшка:

– Предупреждаю вас, что сначала можно говорить, оговаривать друг друга как бы шуткой, а затем это обращается в привычку и остерегайтесь шуток и неосторожных слов.

6 декабря

Служба была вечером, потому что на другой день – день Ангела Батюшки Амвросия. Читая кафизму 17-ую, я пропустила одно слово. Батюшка особенно строго относился ко мне: бывало, кто-нибудь читает другой из малограмотных и ошибается на каждом слове, и Батюшка промолчит. Но вот теперь Батюшка обратил внимание на чтение и начал говорить:

– Надо внимательно слова молитвы произносить, в смысл вникать, а не стремиться к слишком высокому. А то, читая 17-ую кафизму, ты пропустила «не», и смысл получился совсем иной. «Исходища водная изведосте очи мои, понеже не сохраних закона Твоего» – я плачу, потому что не исполнил заповедей Твоих. Ведь если мы неправильно читаем, не внимаем читаемого, то этим утешаем бесов (видение пустытника – видел около себя эфиопа в татарском одеянии).

Чувствую я, что все это Батюшка делает мне на пользу, и глубоко благодарна ему, хотя внешне другим кажется это неприятным.

9 декабря

Заговорили об опасении, что скоро не будет церквей. Батюшка привел слова из Св. Евангелия: «Созижду Церковь Мою на камен, и врата адова не одолеют ю»,– и сказал:

– Апостол говорит, что преломление Хлеба, т. е. Таинство Евхаристии будет до Второго пришествия Господа. У св. Ефрема Сирина сказано, что настанет время, когда Жертва прекратится. Как будто здесь противоречие. Но нет, вероятно, так надо понимать: открытого служения в церквях не будет продолжаться, но Таинство Евхаристии будет совершаться до второго Пришествия.

29 декабря

– Вы просите меня,– сказал Батюшка,– сказать вам краткое наставление. Скажу вам вот что: св. пр. Афанасий Печерский скончался, но его не успели предать земле, он проснулся и, сидя в гробе, на все распросы и просьбы братии отвечал только слезами. Наконец после многих просьб, он говорил со слезами только одно слово «Спасайтесь, спасайтесь». Ушел в затвор, молчал, постоянно плакал и там через 10 или 14 лет скончался.

Другой подвижник тоже обмирал, и когда проснулся, на вопросы братии он все молчал, а после долгих просьб, наконец, ответил: «Братия, верьте, что есть ад».

13 января

Сейчас в книге мне попало выражение: Когда ешь за трапезой, то помни, что не надо досыта наедаться, надо оставить место Духу Святому, а если переешь, Дух Святой оставит тебя.

– Батюшка, можно так говорить?

– Можно. Как же сказано у Иоанна Лествичника, кажется: «Когда сидишь за трапезой, твори Иисусову молитву, чтобы она смешивалась с пищей».

На просьбу сказать наставление, Батюшка рассказал, как Батюшка Варсонофий смирил непокорного монаха, который должен был ходить ко всем просить прощения и благословения и не смотреть, как его примут.

– Теперешняя жизнь, когда приходится испытывать гонение за веру, полезна – она укрепляет веру.

Две монахини, жившие в довольно большом помещении, на свой праздник пригласили Батюшку и пришли сказать, чтобы все приходили. Случилось так, что я и еще несколько сестер пришли первые. Батюшка уже был и, обращаясь к нам, спросил:

– Ну как вы там живете?

– За Ваши святые молитвы нам очень хорошо, лучшего не хотелось бы, мы радуемся своею жизнью.

Наконец, через некоторое время пришли и последние три. Сейчас же как-то вышло, что заговорила вновь пришедшая и выразила свою скорбь, что вот нет масла, рыбы мы никогда не видим, а спать как тяжело на соломенном тюфяке сестрам, и еще вроде этого.

Как бы продолжая наш предыдущий разговор, Батюшка начал говорить:

– Сила страданий не в величине самих страданий, а в том, как человек переносит эти страдания. Бывают, по-видимому, ничтожные обстоятельства, которые, однако, причиняют человеку величайшее горе, и надо сочувствовать. Один и тот же факт может причинять страдания в разной степени. Это зависит от того, как человек принимает их.

Когда я получил рясофор, Батюшка Варсонофий стал строже относиться ко мне. Однажды в двенадцатый праздник я пришел к Батюшке в белом подряснике – за это Батюшка сделал мне строгий выговор. Но я не обиделся, а со смирением принял его слова.

Помню еще было так. Пришел к Батюшке Варсонофию, надо было

снять рясу, но повесить куда? На вешалке уже была ряса, и я не решился повесить на старческую рясу свою, а сложил свою аккуратно и положил ее на диван под вешалкой. Батюшка Варсонофий начал строго выговаривать. И замечательно, что каждый раз, когда больше всего заботился, чтобы лучше сделать, то и попадал под выговор. Слова выговора со смирением принимал и говорил только: «простите», не объяснял, почему это сделал. Если бы что-нибудь за это было: из монастыря удалили бы или еще что побольше, ну тогда объяснить нужно, а Батюшка Варсонофий делал выговор только для назидания. Объяснять и не надо было, потому что объяснять значит желать, чтобы твой верх был».

Когда ко мне Батюшка Никон строго отнесется, то часто после этого расскажет какой-либо подобный случай из своей жизни.

9 апреля

– Можно ли подчеркивать в книге то, что хочется запомнить, что к жизни моей относится? (так как еп. Игнатий говорит, что этим будешь тщеславиться).

– Это частное мнение, значение всякого действия зависит от внутренних побуждений.– Отмечай.

18 мая

– Человек, возмущающийся пороками в мире, не выходит почему-то из него?

– Ответ на это и есть в сегодняшнем Евангелии: «Не молю да возмешь их от мира, но да соблюдеши их от неприязни». ([Иоан. XVII, 15](#)).

– Кому молиться от бессонницы?

– От бессонницы молиться св. Киру и Иоанну, безмездным врачам.

27 июня

Батюшка сказал:

– Каждому из нас даны таланты. Это – благоприятные условия для спасения. Надо здесь подразумевать и различные скорби, перенося которые с терпением, достигаем спасения. Одному, например, даны таланты – болезнь – ею он спасается; другому – бедность, этот ею спасается; третьему – ученость; тому богатство и этим он спасается, какие-нибудь скорби – все это таланты, которые, если человек употребляет духовно для спасения души, все дают плод. А тот, которому дан один талант, но он зарыл его в землю – это значит, что он по нерадению не воспользовался данными ему Богом благоприятными условиями для спасения души, жил не духовно, а употребил талант на земное благополучие, т. е. зарыл в землю.

На вопрос, как поступать в дальнейшем, Батюшка часто отвечал:

– Там видно будет.

Батюшка прочел нам вопросы Батюшки Варсонофия и ответы на них старцев.

В. – Смущаюсь, что ум рассеивается при молитве Иисусовой.

О. – Не смущайся, а все твори молитву. Ум рассеивается, а все-таки уста и сердце освящается этой молитвой, которая есть великое орудие... Выше и важнее этой молитвы нет ничего у нас.

В. – Я забываю, что надо делать в часы, свободные от правила. Можно записать?

О. – Можно, но только не требуй от себя, чтобы точь-в-точь исполнять, как написано. Если дело не окончил, а надо молиться или захочется молиться, то оставь всякое другое дело, так как молитва важнее всего.

В. – Можно ли обращаться к покойным старцам с просьбой о помощи?

О. – Можно и так: упокой Господи душу раба Твоего старца и его святыми молитвами помилуй нас.

В. – Если младший не кланяется, как поступать?

О. – Конечно, кланяться первому.

В. – Благословите иметь друга о Христе, какого Вы мне сами изберете.

О. – Благословляю иметь тебе друга одного только – Христа.

В. – Вы говорили, что безмолвие учит только, а страсти исцеляются искушениями. Если я никуда не буду ходить и никого не буду принимать, – я не исцелюсь от страстей. Что мне на это отвечать?

О. – Ничего, потому что это от врага тебе ловушка. Не ходи и не принимай. Надо все дурное считать также и страсти считать не своими, а от врага. Это очень важно,

тогда только и можно отбросить страсть, если будешь считать ее не своей, а чем-то посторонним.

В. – На меня недовольны некоторые из братии, что не хожу к ним.

О. – Пусть лучше будут недовольны, а все-таки не ходи.

Часть 8. 15 апреля 1925 года. Оптиная пустынь.

Пригласила меня одна монахиня к себе в день Ангела. Там был и Батюшка. Сестра начала говорить о своей беспричинной печали. На это Батюшка сказал: «Привязанность к видимым вещам производит печаль. Значит, если хочешь избавиться от печали, не привязывайся ни к чему».

М. А.:

– Боюсь, проживу ли, никакого рукоделия не знаю.

Батюшка:

– Чего боишься? Ты ведь монашка, да еще постриженная, ты давала обеты нестяжательности, пребывания в нищете до смерти. Чего же ты хочешь? Пространной жизни?

Заговорили о хуле на Святаго Духа. Батюшка:

– Всякий грех, если раскаяться, Господь простит. А хула на Святого Духа в том заключается, что человек верит и знает, но в душе у него такая злоба, что он не в состоянии обратиться к Господу с раскаянием, потому и не может получить прощения, как наши безбожники. Например: апостол Павел до своего обращения как гнал христиан, и какую ненавистью дышал к Господу, но когда обратился, он от всей души раскаялся и получил прощение, а апостол Петр отрекся в какое время, но раскаялся, и Господь простил его.

16 апреля

В этот день постригали Батюшку Никона в рясофор. Он вспоминал об этом и рассказывал, как его старец Батюшка Варсонофий говорил, что в этот день вспоминаются добродетели, необходимые монаху: Любовь (Агапия), мир (Ирина), Чистота – Снежная (Хиония).

Если будешь иметь любовь в сердце, то тогда будет мир у тебя, при таком состоянии сердца ты в состоянии будешь заниматься молитвой.

Молитва очистит твое сердце, ты, значит, достигнешь цели всех наших подвигов – чистоты сердца.

Одна сестра еще задолго до закрытия монастыря ушла из него и другим стала так советовать. Сейчас она случайно зашла в соседнюю комнату, но узнав, что Батюшка здесь, не показалась ему. Кто-то из сестер рассказал об ней и об ее советах.

На это Батюшка рассказал басню Крылова. Лиса хотела полакомиться, попала хвостом в капкан. Думала, думала: и хвоста жаль, и погибать не хочется, решила потерять хвост, рванулась, оторвала хвост. Потом пришлось идти на собрание зверей без хвоста. Там смотрят на нее – кто с сожалением, кто с удивлением. Стыдно ей... Обратилась к лисицам: «Сестрицы, и вам так советую, очень хорошо без хвоста.» Некоторые поверили, а одна опытная старая лисица остановила молодых: ведь это она говорит потому, что самой стыдно без хвоста одной быть.

21 апреля

Батюшка благословил меня справлять день своего мирского ангела в этот день. В этот день к нам пришли некоторые сестры.

Батюшка говорил: «Не надо унывать. Когда я читал Евангелие на молебне Спасителю (Просите и дастся вам...), то подумал: многие из вас, не получая долго просимого, унывают. А Господь как поступал с Хананейкой? Как она просила, даже стали умолять Господа, чтобы Он отпустил ее, а Господь даже сравнил ее с псом. А вы немного помолитесь и, не получая просимого, уже начинаете унывать. Это потому, что забывается, что между посевом и жатвой должно пройти известное время.»

Батюшка прочел нам из дневника своего, как старец Варсонофий наставлял его:

– Если увидишь, что кто-нибудь из братии не так поступает, как надо, не соблазняйся. Помни, что сюда пришли, как во лечебницу все больные: кто болен гордостью, кто тщеславием, кто блудной страстью... И здесь они лечатся.

При встрече кланяйся первый.

В келью не пускай без молитвы.

Сам при выходе и при входе в свою келью полагай четыре уставных поклона.

Пей чай у себя дома, по кельям не ходи.

К утрени ходи непременно: во время обедни Господь приносит Себя за нас в жертву, а на утрени мы приносим себя (свой покой) в жертву Богу.

За пятисотницу держись, как за столп, – в ней скрыта великая тайна.

Как надо благодарить Господа, что Он призвал нас в монастырь.

Ни на один момент не подумай, что ты пришел сам – Господь призвал тебя.

Что может быть выше монашеской жизни? И передать другому этого нельзя, нельзя объяснить.

24 апреля

Батюшка вспоминает, как их одевали в монашескую одежду, все по благословению, с молитвами.

«Чтобы мерить одежду – получили благословение от старца и пошли за благословением к о. архимандриту. Потом одеваться пошли в скит, перед воротами положили три земных поклона.

Пришли к Батюшке, положили земной поклон перед иконами, в землю поклонились перед Батюшкой. Батюшка Варсонофий поцеловал нас и начал молиться вслух. Я запомнил некоторые слова: «Благодарю Тебя, Господи, что скрыл от премудрых и открыл младенцам...». Помолвившись, мы поцеловали одежду и надели. Это было в день памяти священномученика Игнатия Богоносца.

Батюшка не мог с нами заниматься долго, Так как мы сказали, что когда брали благословение у о. архимандрита, узнали, что умер его келейник, который только что собирался ехать домой, в мир и даже, кажется, совсем из монастыря, и вот, Господь остановил его, он умер, не сойдя с креста. Батюшке Варсонофию надо было уходить, и он нам только сказал, что главная добродетель монаха – это смирение.

– Смиряться, смиряться и смиряться. Пятисотницу справляйте между 9–10 часами, пусть это время будет у вас для пятисотницы, чтобы к утрени бодро встать.

Кто-то из присутствующих выразился так, что он по лицу узнает человека. На это Батюшка сказал:

– Так нельзя думать, нельзя судить о человеке по взгляду, легко можно ошибиться. О. Венедикт, бывший игуменом скита, увидел стоящего о. Арсения с сердитым лицом и не берущего благословения, удивился и думает, «что это с ним?» А потом оказалось, что о. Арсений и не выходил из кельи, а все это представилось от врага.

27 мая

«Не забывай взять благословение при входе в келью и молитву сотворить». Кажется, Батюшка отправлял меня по делу к владыке М.

О благословении сестрам.

«Если подозреваешь, что делают не то, на что даешь благословение,— это не твоя вина. Просятся в сад,— так и благословляй. Бог благословит в сад, а если еще куда пойдут, значит, без благословения.

Малюта Скуратов, когда пришел к Святителю Филиппу его задушить, то он подошел под благословение и сказал: «Благослови, Владыко». Святитель сказал: «Благословляю доброго на доброе»,— и благословил его.

Батюшка говорил: «Обличать надо так, чтобы не расстроилась, и одну, а если не послушает, то при свидетелях. Лукавством страдают женщины.

– Что же мне делать?

– Ты должна обличать, если заметишь что нехорошее».

Батюшка Варсонофий любил иногда прогуляться по лесу, но никогда не называл этим словом, а говорил – проходки (эти слова были сказаны после того, как я спросила, можно ли отпускать сестер погулять в лес).

Сестра Анна все ослабевала, ужасная опухоль распространялась с груди на правую руку и вызывала невероятные страдания. Батюшка благословил ее готовиться к постригу, который и назначен был 14 июня 1925 г. Батюшка при этом сказал: «Время неблагоприятное, как для внешнего, так и для внутреннего монашества. Неблагоприятно для внешнего монашества тем, что монастырей нет. Для внутреннего тем – что в ожидании смерти при слабости, подвигов нести не можешь, остается одно тебе – смириться. Ты должна смириться – это самое главное и нужное.

Пророк Давид говорит:

«Жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит». Лучше смиренный грешник, чем гордый праведник. Ты с Господом должна сожительствовать, т. е. вместе жить через молитву Иисусову – в уме, в сердце, в мысли и в устах своих должна иметь: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешную».

Желаю тебе соблюдать обеты иноческие, а тогда можно надеяться тебе, что спасешься».

Кто-то спросил: что значит шатания языческие?

– Шатания языческие – все изменения, которые человек видит вокруг себя во всем строе нашей жизни, но монах не должен подражать им, – здесь все должно быть неизменно. Монах должен говорить и делать, когда что нужно, не поддаваясь различным модам, обычаям и правилам ложного приличия.

Зашел разговор о совопросничестве:

– Очень часто многие страдают этим недостатком – все спрашивают – это почему, это для чего и т. д. И я, хоть немного, но имел этот недостаток, и даже, помню в записной книжке-таки остался вопрос – почему к обеду в параде ходим, а к ужину нет. Но потом стал я соображать – зачем мне это знать? – для спасения души моей это знание пользы не принесет...

И Батюшка Варсонофий приходил к своему старцу о. Анатолию с разными вопросами, и тот говорил: «иди, иди».

– Но вот прочел я статью еп. Игнатия «Судьбы Божии»,– сказал Батюшка Никон,– и у меня произошел перелом, я понял, что незачем испытывать судьбы Божии.

Когда св. Анатолий Великий задумался над подобными вопросами, то услышал голос: «Человек, не твое дело испытывать судьбы Божии,– смирайся».

Часть 9. 15 июня

Часто Батюшка Никон думает и сожалеет о том времени, когда он всецело мог отдаваться молитве и другим монашеским подвигам. Теперь у него времени нет, нет совершенно. Обращаясь за разъяснениями к святоотеческим книгам, он находит там слова и за, и против.

У Иоанна Лествичника приведены слова Ефрема Сирина в «Слове к пастырю Николаю»: вредно желать руководить другими. Арсений Великий говорит: «Я люблю вас братия, но не могу быть и с вами, и с Богом».

А в святом Евангелии сказано: «Что пользы аще мир весь приобретаєте, душу же свою отщитите».

К старцу Нектарию обращался и получил от него ответ, что не надо уходить.

В житии старца Парфения есть сон. Старец увидал медведя, который хотел растерзать его, но духовные дети схватили этого медведя.

– Все это со мной не без воли Божией произошло,– сказал себе Батюшка и решил положиться на волю Божию.

О послушании:

– Еще недавно, когда я был в скиту, мне пришла мысль: вот у меня нет ничего: ни внутри монашества нет, ни наружных подвигов не несу. И душевными очами не вижу в себе монашества, и, чтобы не погибнуть, решил идти путем послушания. Это самое важное для монаха, тогда и настроение будет хорошее. Монах не должен устраивать свою жизнь по своему смышлению. И после такого решения, я делал только то, что мне скажут, и был спокоен, и хотел бы такое настроение иметь всегда. Мне сказали: из скита переходи в монастырь, и я перешел, хотя мне этого не хотелось, и вообще все, что бы мне ни сказали, я исполнял.

Батюшка о. Нектарий в прошлый раз (когда они ездили к нему на хутор) сказал мне замечательные слова (не помню, из Исаака Сирина или из Ефрема Сирина): нет ничего пагубнее для монаха, как устраивать свою жизнь по своему смышлению.

У батюшки о. Нектария особенная наблюдательность, он за многие годы видел события и наблюдал. Он рассказал мне об о. Венедикте.

О. Венедикта сделали одно время скитским библиотекарем. Разбирая книги, ему попала на глаза книжка или рукопись слова еп. Калужского Григория. Там было три слова: 1-ое к монахам монастырским, 2-ое к монахам скитским, где говорится о послушании. О. Венедикт был в восторге от этих слов, особенно о послушании.

Вот проходит с полгода, приезжает в Оптину пустынь епископ и, обращаясь к о. Венедикту, говорит: хочу я ввести более монашеское направление в такой-то семинарии и потому прошу Вас, примите на себя должность инспектора или директора.

На это о. Венедикт начал кланяться и говорить, что он не может. Долго уговаривал его епископ, но о. Венедикт все на своем стоял, все просил не назначать его, на колени становился. Епископ наконец сказал: «Невольник – не богомольник», – и уехал.

Прошло еще время, может быть, несколько лет. Умерли батюшка о. Амвросий и о. Анатолий Зерцалов. Выбрали старцем о. Иосифа, отца Венедикта обошли. Он остался в тени. Посетили его скорби, какие и по какой причине – я этого не знаю. Во время этих скорбей он стал унывать, не выдержал и написал своему родственнику в св. Синод, что ему трудно и хотелось бы занять какую-нибудь должность и перевестись.

Через несколько времени был получен указ из святейшего Синода о

назначении о. Венедикта архимандритом в Боровский монастырь. Здесь о. Венедикт моментально собрался и уехал в Боровск. И вот, чего он не хотел сделать за послушание, то охотно сделал по самочинию. Тогда он отказывался, но все равно ему пришлось исполнить. А может быть, и скорби на него нашли поэтому.

Поэтому я по своей воле ничего не хочу делать самочинно. Правда, иногда проносятся помыслы – не уйти ли, не бежать ли от духовничества, не представиться ли дурачком. Но эти мысли пробегают в голове несерьезно. Я не останавливаюсь на них. В душе у меня настроение все то же, я хочу жить по послушанию.

Конечно, мне хотелось бы жить в уединении, соблюдать безмолвие, питаться чудными произведениями св. отцов. Но самочинно я не оставлю того, что мне назначено Промыслом Божиим.

Спрашивали о том, что бы сделать в утешение родителям самоубийцы.

– На это сказать утешительно почти ничего нельзя, – сказал Батюшка. Как батюшка Леонид сказал о. Павлу молитву: «Взыщи, Господи, душу раба Твоего (имя), аще возможно и помилуй. Неизследимы судьбы Твои. Не постави ми во грех сей молитвы моей, но да будет Твоя воля».

Теперь оттого много самоубийств, что нет веры.

– Скажите на пользу слово.

– Веру соблюдох, вот о чем надо заботиться, чтобы в вере быть.

А больная наша Анисия трогательно сказала:

– А в чем же я там явлюсь?

– А со смирением, – сказал Батюшка.

От святых слов – чувства святые, и Батюшка заставил меня читать св. Евангелие от Иоанна.

Почему постом не служат ежедневно обедни?

– Обедня – это победный гимн христианства, а пост – время плача и покаяния. Поэтому не подходит нарушать время сетования торжеством обедни, без крайней нужды не служат. Но на войне была нужда.

– Слов нужных очень немного, – так говорил Батюшка Амвросий, и нас Батюшка предупреждал этими словами – не пустословить.

Сестры спросили: «Как любить нам друг друга?»

– Как Христос повелел. Монах должен быть весь в Боге.

На просьбу сказать что-нибудь в пользу души:

– Научу кроткие путем своим (псалом читается на 3-м часе) – так сказано в псалме. Человека научает только Бог и при том условии, если этот человек кроток, смирен. Только смиренного научает Бог.

19 июля

Батюшка пришел причастить страданицу м. Афанасию.

– Люта болезнь, но сладок рай, и за рай его же погубихом, ризы тленные ныне отлагаю, да паки рай восприиму,– сказал он уходя.

23 июля

На отъезд Матрешы (м. Марии):

– Трезвение есть путь всякой добродетели.

Теперь часто могут быть такие случаи: последовать своей воле нельзя и спросить не у кого. Как поступить?

– Нужно подумать, как Господь поступил бы при своей кротости. Предайтесь воле Божией. Заповеди всегда были основанием жизни.

Св. Евангелие 22-го:

– Чтобы был плод духовный, нужны известные условия: слово хорошее и почва хорошая, но плод творят только в терпении. Сколько было случаев, что в уныние впадал человек, и все пропадало. Если решился кто терпеть и говорит,– хоть умру, но не отступлю, тот и достигает желаемого, т. е. спасения. В терпении вашем стяжите души ваши.

27 июля

Объяснение читанного Евангелия – укрощение бури Спасителем. Никогда не было, нет и не будет на земле беспечального места. Беспечальное место может быть только в сердце, когда в нем Господь.

В скорби и искушении Господь помогает нам, но не отнимает их от нас, а подает силу переносить их и даже их не замечать.

Батюшка показал нам на примере, что может сделать кротость. Случалось, что неразумные люди говорят в глаза на Батюшку неправду, укоризну, а он кротко не возражает на это. Как виновата была я, добиваясь человеческой правды и не находя ее.

28 июля

Молчаливого подготавливает к молитве тишина, как она благотворно действует на душу, даже наружность человека молчаливого преобразуется (когда в хибарку приходил Батюшка старец, его невольно встречали словами: «Какой вы хороший».).

– Читаю я невнимательно,– сказала я,– и многое самое важное пропускаю.

– Надо медленно читать, хоть только несколько строк в день.

4 августа

Приходя к батюшке, я, между прочим, спросила: «Если что у нас появляется, я не всем одинаково делю». На это Батюшка сказал:

– Первые христиане жили единокорно, продавали имения и вырученные деньги приносили апостолам. В их общности давалось каждому по потребности, не так, чтобы всем непременно поровну, а что кому нужно. В монастыре этот вопрос сложнее. Важно не только определить, что кому нужно, но и зависти не вызвать у других. Надо смотреть, как для души полезнее.

5 августа

Благословение на то, чтобы жить в полном послушании.

9 августа

Псалом 120 – «Возведох очи мои в горы, отнюду же приидет помощь моя». – Было нам сказано на слова одной сестры, что в Сарове и в Дивееве хорошо, как раньше.

Теперь нигде нет спокойного места, как сказано в Евангелии: «Кто на восток, кто на запад побежит». Теперь надо только помнить: «Возведох очи моя в горы, отнюду же приидет помощь моя». Только там и искать помощи у Господа, а не надеяться ни на место, ни на человека.

Обновленцы взяли в свои руки чудотворный образ Калужской Божией Матери и предложили такое условие, чтобы, если возьмем икону, то за каждый день платить, кажется, по три рубля.

Мы, православные, не должны поддерживать ересь и иметь общение с еретиками. Нигде не сказано, что должно молиться только перед Калужской иконой. Всякая другая икона Божией Матери тоже святыня. Если бы и пострадать пришлось, то не изменим Православию.

Как похвала вредит человеку. Один иеродиакон хорошо служил: просто, благоговейно. И вот архиерей однажды похвалил его, и с тех пор он стал думать, что он хорошо служит, и это его так испортило. Он стал менять голос, делать переливы, утратил простоту, естественность. Ужасно, ужасно вредит похвала.

Одна сестра спросила: – Отчего это, когда я слышу музыку мирскую, то чувствую в душе печаль? – Батюшка ответил: – По Библии можно это объяснить: у Адама были сыновья Каин и Авель. Авель и его потомки были ближе к Богу, и в Нем они находили утешение и удовлетворение, не стремились больше ни к чему другому. Потомки же Каина были далеки от Бога, их ум и душа не прилепились к Богу, поэтому не были они удовлетворены, тосковали, искали чего-то другого, надеясь найти удовлетворение в другом: в музыке, в искусствах.

Делание монаха должно быть в тайне, и Иисусова молитва называется сокровенным деланием: – От себя самого даже хранить в тайне, как в Евангелии сказано, чтобы не трубить перед собою и перед другими, когда что делаешь.

О схеме тайной и явной.

– Лучше тайная. Батюшка Варсонофий ответил сравнением: «Если возьмешь флакон хороших духов, когда аромат лучше сохраниться, когда ты будешь держать его закрытым или открытым? – Конечно, когда закупоренным. Так и человек духовный свое духовное сокровище сохранит лучше, когда будет все в тайне».

Как иногда какое-нибудь слово, какая-нибудь мысль дойдет до сердца, ведь и раньше я ее часто слышал, но не обращал внимания. А вот сейчас услышал и кажется, что что-то новое услышал, и дошло оно до сердца, и сердце изменилось.

Как-то я услышал пение миссионера Пепинского (он жил в Оптиной пустыни): «Долго ждал я Тебя, Господи, и Ты преклонился ко мне». И так тронули меня эти слова и умилили, пожалел его и пошел хлопотать о нем (запрещение снять с него).

9 сентября

Боли, болезно болезненные, да мимо течеши суетных болезней
болезни. – Монашеская болезнь – труд, – чтобы не оказалась тщетной.

20 сентября

Св. мученику Трифону молятся особенно при душевных страданиях, при скорбях. Кроме того, заклинательная молитва ему есть от мышей и всяких вредных животных.

Батюшка приобрел себе икону св. муч. Трифона 9 сентября 1909 г. в Гефсиманском скиту. В его жизни многое связано с этим угодником Божиим. Когда благословлялся Батюшка в монастырь у своего духовника, то он послал его на благословение к еп. Трифону (своему товарищу по академии). Это была неделя о блудном сыне, на эту тему и проповедь говорил епископ. «А потом,— сказал Батюшка,— помолимся великомученику Трифону. И первая молитва о монашестве была этому угоднику».

23 сентября

117 псалом. Батюшка произнес: «Господь мне помощник и не убоюсь, что сотворит мне человек. Господь мне помощник, и аз воззрю на враги моя.

Благо есть надеяться на Господа, нежели надеяться на человека. Благо есть уповати на Господа, нежели уповати на князи. Все языци обыдоша мя и именем Господним противляхся им. (Это относится к Иисусовой молитве. Помыслы обступили меня, и именем Господним я противился им.)

Обышедше обыдоша мя и именем Господним противляхся им. (Со всех сторон обступили меня враги помыслами, и я противился им, я боролся с ними именем Господним.)

Обыдоша мя, яко пчелы сот и разгорешася яко огонь в тернии, и именем Господним противляхся им». Вот как надо бороться с помыслами.

26 сентября

Батюшка Никон вспоминает, как Батюшка Варсонофий в этот день в скиту вышел к ним в епитрахили и с крестом в руках сказал:

– Вот я говорю вам в день апостола Иоанна Богослова и с крестом в руках: любите друг друга. Без любви немислима жизнь христианская.

Первые христиане любили Бога, любили каждого человека, потому что если любишь одившего, то любишь и рожденного от Него, и каждый христианин ведь рожден от Бога в таинстве крещения. Св. апостол говорил: «Чадца, любите друг друга, смиряйтесь, смиряйтесь».

Потому что, если кого любишь (а любить надо каждого, потому что каждый человек есть образ Божий, даже если он, т. е. образ Божий, в человеке загрязнен, он может отмыться и быть опять чистым), то и смиряешься перед ним. Где любовь, там и смирение, а где злоба – там гордыня.

Прошу и желаю, чтобы между вами была любовь.

Часть 10. 28 сентября

День Ангела Батюшки Никона. Св. Евангелие гл. 15 от Иоанна, 27: «И вы же свидетельствуете, яко искони со мною есте». Так заканчивается Евангелие, читаемое на день св. мученика.

– Я особенно остановился на этих словах,– сказал Батюшка.– Мученики, испытывая страшные мучения, только и могли вытерпеть их потому, что были всегда с Господом. – «Искони со Мною есте». – И мы сможем переносить свои скорби, только если будем с Господом. Желая, чтобы и мы с вами были постоянно с Господом.

1 октября

Вам известна история сегодняшнего праздника, как Божия Матерь явилась во Влахернском храме, распростирая свой омофор над молящимися. Она как бы покрыла всех Своею благодатью. Увидел это не кто-либо иной, а только блаженный Христа ради юродивый и сказал другим. Почему именно он увидел? А потому, что духовное можно видеть только очищенным оком, очищенным сердцем.

И над нами Божия Матерь непрестанно распростирает свой омофор – благодать Свою, а мы не видим Промысла Божьего, и попечения о нас Царицы Небесной мы часто не замечаем, хотя мы непрестанно окружены ими. Почему же так? Потому что не стараемся очищать наше сердце от страстей.

Вот и придя в храм Божий, мы вносим ту же суету, те же страсти. А Господь сказал: «Мой дом, дом молитвы наречется, вы же сотвористе его вертеп разбойников».

Мы в храме Божиим, в Его доме, вместо молитвы думаем о том, о чем не должно думать и желаем того, чего не должно желать.

По духовному разумению еще и каждый человек есть дом Божий, он предназначен на то, чтобы в нем обитал Святой Дух, чтобы в нем непрестанно возносились славословия Богу. А Бог может быть только в чистом сердце, место надо приготовить для Него.

Как это сделать? – очищать себя от страстей и молиться. Тогда сердце наше будет храмом – домом Божиим, мы будем видеть тогда попечение Божие о нас и будем непрестанно славословить Его. А выше этого счастья, как славословить Господа, нет и не может быть для нас.

Прошу и желаю, чтобы мы все непрестанно старались очищать душу нашу от страстей. Да поможет нам Бог. Помолимся об этом Царице Небесной.

Брат от брата помогаем... Надо друг другу помогать. Если на волю Божию положиться – все хорошо, даже и неприятности, все ведет ко спасению души нашей, и при этом великая премудрость и глубина открывается. Любящим Бога все поспешествует во благо.

11 октября

– Своего духовного отца надо с первого же слова слушать, не надо заставлять его несколько раз повторять. Хотелось бы мне, чтобы вы, духовные дети мои, относились ко мне по совести, и я к вам буду относиться по совести.

Какое у нас было отношение с моим духовным отцом Батюшкой Варсонофием. Он скажет, бывало, сделайте так, о. Николай, и не приходилось ему повторять.

С момента причастия до того, как запьет причастие, надо блюстись, чтобы не плюнуть, а о дальнейшем ничего нигде не сказано, но из благоговения стараются остерегаться плевать и целый день. На это нигде нет указаний и греховного здесь нет, а по благоговению стараются воздерживаться.

17 октября

Батюшка сказал:

– Как хорошо бывать в церкви, слышать священные молитвы, песнопения, псалмы. Вот читала кафизму м. Л., а там: «Не утаися кость моя от Тебе, юже сотворил еси в тайне». Не утаятся от Тебя мои помыслы, которые Ты сотворил так, что они (т. е. наши мысли) скрыты от всех. Какая глубина сокрыта в псаломских словах.

Любил я монастырские утрени. Конечно, за чтецом не успеваешь все сообразить, но хоть какая-нибудь мысль западет, и то хорошо.

19 октября. Воскресенье

– Как все земное непрочно: и красота, и здоровье. Благодарить Господа надо, сознавая свою немощь, свое недостоинство. Благодарить со смирением. Говорить надо твердо, если требует того дело (на мои слова «как мне это трудно»).

20 октября

Был вопрос: как готовиться к смерти?

– Надо думать так, что только этот день дан тебе, нельзя надеяться на завтрашний. Каждому грешнику обещано прощение, если покается, но никому не обещан завтрашний день.

Прочтите в 3-м томе Игнатия Брянчанинова, стр. 141. «Пусть никто не говорит из вас – теперь поживу как-нибудь, а вот перейду на другую квартиру, устроюсь, тогда и буду молиться. Но разве можно ожидать, что завтра ты будешь жив? Помните всегда: се время благоприятно, се день спасения».

Прошу вас, дети мои, спасайтесь.

22 октября

О псалме, который был последними словами умирающего о. Анатолия Зерцалова «Восстани слава мой, восстани псалтирь и гусли, восстану рано».

– Славою и честью был венчан человек. И от какой славы ниспал. Как возвеличен человек? За всех людей, от века Богу угодивших, приносится Жертва Святая. И такую честь человек часто забывает. И это бывает через грех. Такое забвение иногда бывает надолго, на несколько лет, на десятки лет – иногда же на несколько часов. И приходит в себя человек и говорит: «О человек, где мое достоинство, так высоко почтенное Богом?» И восклицает: «Восстану, восстану рано».

Ночь вокруг него, мрак греха объемлет человека. Враг отводит его, говорит: «Подожди, не спеши, еще будет время, помолишься, еще темно совсем». А человек не слушает врага, он видит, что вокруг него еще ночь, но он спешит и восклицает: «восстану рано». И Господь слышит этого покаявшегося человека, при какой бы обстановке это не происходило. (Рассказ Батюшки Варсонофия о его дяде.)

По падении первого человека с такой чести и славы, Господь не мог видеть Свое создание ниспавшим, не мог видеть его унижения, и спас его Своими страданиями, Своим Воскресением. Привел его в прежнее состояние с растворением, т. е. с возможностью совершенствоваться. В этом свойстве совершенствоваться и заключается высшее благо, которое мы получаем духовным, божественным. Все то, чего можно легко достигнуть, теряет интерес к себе, как только достигнешь. А совершенствование духовное бесконечно: «Будьте совершенны, якоже и Отец Мой совершен».

Кто-то из сестер как будто заснул. А Батюшка сказал: «Что же смущаться этим. В Деяниях даже есть случай, когда апостол говорил, а в это время один юноша заснул и упал».

26 октября

«Закон Бога Его в сердце его и не запнутся стопы его». Как сделать, чтобы закон Бога был в сердце?

– Закон Бога прежде всего нужно помнить. Чтобы помнить, надо знать, а чтобы знать, надо или услышать или прочитать. Как апостол говорил: "Для этого надо прежде всего иметь стремление к познанию закона Божьего». Когда будет помнить человек закон Божий, то он должен его еще перевести в сердце. Потому что холодное знание закона Божьего не даст ему правильную жизнь. Для этого сердце надо понуждать, так как только ну жницы восхищают е.

А сердце у всех развращенное. Правильное понимание остается только на известное время, при известных делах, а не всегда. Например, выйдет из церкви человек и уже считает, что ему не надо помнить о своих христианских обязанностях. Это глубокая ошибка.

Надо, чтобы вся жизнь целиком была построена по закону Божьему, тогда будет чистота в сердце, тогда Бог будет разумеваться нашим умом и сердцем. Надо всю свою деятельность расположить так, чтобы она была по воле Божией.

6 ноября

Что такое «мир»?

– Это все, что подвержено страстям, что далеко от Бога. Нам хорошо, слава Богу, мы живем в пустыне мира. Можем в церковь ходить, можем поговорить с единомышленными нам людьми.

– Как мне с ними быть (мать и слепой сын) ? Помогать им?

– Как ты хочешь, чтобы с тобой поступали, так поступай и с другими, со всяким человеком.

– Про меня сказали нехорошо, а теперь обращаются. Как мне быть? уклоняться ли?

– Нет, это будет как бы в отместку, а ты по-христиански, если можешь, помоги.

– Вот в Октоихе покаянные песнопения – как кто к ним относится? – спросили Батюшку.

Батюшка на это рассказал, как два инока за одну вину были посажены в темницу на 40 дней, и когда их выпустили, то их наружность оказалась разной: один похудел, как щепка, а другой вышел розовым, радостным. Братья спросили о том, что каждый из них думал.

Один, который сделался худым, сокрушался о своем грехе, укорял себя и плакал, просил у Господа прощения, чистосердечно каялся. А другой, сознавая всю тяжесть своей вины, от глубины души благодарил Господа, что Он, по милосердию Своему, за тяжелый его грех дает здесь ему потерпеть и покаяться.

Братья помолились, чтобы Господь открыл им, прощены ли они, эти два брата, и узнали, что они оба прощены одинаково.

Батюшка вспомнил, рассказал нам, как 29 января, на день свящ. муч. Игнатия его одели в подрясник, и он шел после молитвы у старца в церковь. Батюшка о. Нектарий поздравил его словами: «Желаю вам проходить монашескую жизнь со смирением, терпением и благодарением».

Старец Батюшка Варсонофий сказал: за пятисотницу держитесь, как за столп, в ней заключается тайна монашеской жизни. Без Иисусовой молитвы нельзя быть монахом. Держитесь за нее, как за спасительную вервь.

Часть 11. 8 ноября. День архистратига Михаила

– Батюшка, мой старец о. Варсонофий (так рассказывал Батюшка Никон), часто говорил о своей монашеской жизни и выражался так:

– Я говорю вам это, чтобы вы не надеялись на человека, а надеялись только на Бога. Когда я был рясофорным послушником, я терпел много гонений, и до того скорбел, что даже приходили мысли оставить скит. Но я прибегал в своей скорби к Господу и Матери Божией – я молился перед этой иконой Казанской, с которой произошло тоже некоторое чудо. Ее написала одна монахиня в один день и, когда писала, сама поражалась, что работа идет так легко и быстро. Ей показалось, что рука ее сама собою пишет. И мне казалось, что Царица Небесная Сама как бы смотрит на меня и утешает в скорби. И я сказал себе – лучше умру, а не уйду,– все, все буду терпеть.

И мог ли думать этот гонимый послушник, что через несколько лет он будет игуменом скита и будет сидеть здесь.

Вот один монах думает: не буду носить четок, я не молюсь, и, может быть, это даже грех, что показываю не то, что есть. Правильно ли это?

– Нет, это неправильно,– я хоть не молюсь, а на руке держу, посмотрю на них и подумаю: вот я монах, должен непрестанно молиться, и укоряю себя, и это на пользу.

Одежду монашескую надо любить, она даже спасает монаха от зла.

Такой был случай: на одного брата нашло искушение, задумал купить водки и выпить, пошел в шинок, стоят покупатели. Женщина-продавщица, увидев в монашеской одежде, спросила: «Что вам, Батюшка, угодно?» Таким вопросом устыдила брата, и он ответил: «Полфунта изюму». Таким образом, монашеская одежда спасла от искушения.

– Как просить прощения? – спросила одна сестра. – Достаточно ли просто сказать: «Простите»?

– Надо сказать «простите» и ждать, пока в ответ все выскажет отец духовный. Не спеша кланяться, как если бы для того, чтобы прекратить выговор, а все выслушать со вниманием.

12 ноября

Очень важно помнить мысль, высказанную святителем Феофаном: «Чтобы избавиться от какой-либо страсти и преуспеть в духовной жизни, надо для этого иметь твердую веру, что с помощью Божией это возможно, надо твердо верить, что нам дана благодать при крещении, при постриге. Надо иметь ревность, чтобы преуспеть, а чтобы иметь ревность, надо верить, что все возможно о Господе. Без этой веры невозможно преуспеть в духовной жизни.

Когда о. Агапит высказал учителю семинарии желание своей монашеской жизни, сначала учитель отговаривал, что он еще слишком молод, но потом, когда увидел его твердое желание, то сказал: «Ну, хорошо, поступай, можешь поступить и в мой монастырь».

О. Агапит не знал и спросил: «А разве вы монах?» Этот вопрос дошел до сердца отца архимандрита, и он со вздохом, с укорением себя сказал: «Да, действительно, я не монах, потому что нет у меня дел монашеских». Это он сказал с прискорбием, с укорением себя. Такой ответ не мог прогневать Бога.

Монах внешний и внутренний.

Один епископ, приехав в один монастырь, спросил настоятеля:

– Есть ли у тебя хорошие монахи?

– Есть,– был ответ.

– Ну, покажи.

Настоятель вызвал и говорит:

– Вот хороший кузнец, вот хороший мастер и т. д.

Послушал епископ и сказал:

– Я просил тебя показать мне хорошего монаха, т. е. делателя молитвы или смирения, а ты показываешь мне хороших мастеров. Этого и в миру много.

Уехал епископ и сменил потом этого настоятеля.

На исповеди

– Ты ведь знаешь, что надо для спасения, а только старайся возгревать ревность и положишься на волю Божию. Не надо добиваться человеческой правды, ищи только правду Божию. Не обижайся (по поводу книг служебных, данных мне в богадельне).

– Надо ли,– спросила я,– как объясняет «Странник» слепому по Добротолубию, при молитве смотреть умом в сердце?

– Нет, не надо, от этого может получиться вред, а лучше всего, как говорится у епископа Игнатия, со смирением молиться, и Господь Сам пошлет Свою благодать.

Когда сидишь в ожидании, твори молитву Иисусову. Положись во всем на волю Божию. Все терпи, смирайся. Усерднее молись Богу за других, особенно за тех, к кому немирна. Будь откровенна перед духовным отцом. Помни смерть.

Я был бы доволен, если бы так относился ко мне старец. (Вероятно, Батюшка заметил с моей стороны выражение какой-либо обиды.) Что бы ни случилось, всегда говори: да будет воля Божия.

Не надо унывать, но надо помнить, что между сеятой и жатвой должно пройти известное время.

6 июня (1924 г.)

Собралось, кроме нашей семьи, еще много сестер. И Батюшка во время беседы сказал:

– Духовный отец только как столп указывает путь, а идти надо самому. Если отец духовный будет указывать, а ученик сам не будет двигаться, то он никуда не уйдет, а так и сгниет у этого столпа.

Как смотреть на таланты, которые с мирской точки зрения считаются талантами, и как быть, когда выражается сожаление, что они зарываются? Например: ум, ученость, музыкальные способности, медицинское искусство и т. д.?

Хорошо, когда можно такую способность совместить с работой для Бога, чтобы все это не мешало бы спасению души. Но если какая-либо из подобных специальностей мешает жить для Бога и спастись, то надо все бросить, лучше быть поглупее, но спастись. Что пользы тебе, если ты «весь мир приобретаешь, душу же свою отщетишь»?

Вот и старец [Алексий Зосимовский](#). Он был священником в Успенском соборе. Его уговаривали не уходить, так как он, как маститый старец, был бы украшением собора. Но уйдя в монастырь и даже в затвор, и как бы погубив душу свою, т. е. душевные способности, он приобрел духовные, которые ведут в жизнь вечную. И даже теперь он больше пользы приносит и известен по всей России.

12 июня 1924 г.

В этот день в 1917 г. я приехала в монастырь и поступила в него. Теперь пришел к нам Батюшка Никон и стал рассказывать о своем старце Варсонофии, о наставлениях его к духовным детям, которые заключали в себе мысль: жизнь есть блаженство.

Можно возразить: как же это может быть, если кругом в жизни мы видим скорби, страдания, лишения? Но Батюшка все учил:

– Жизнь есть блаженство.

В чем же оно? – Господь наш Иисус Христос отвечает нам, в чем заключается блаженство.

– Блаженни нищии духом, ибо их есть Царство Небесное. Значит, блаженни смиренные, т. е. сознающие свои грехи, свое недостойнство.

Из одной заповеди вытекает другая – кто сознает себя недостойным и грешником, тот плачет о своих грехах и, таким образом, соблюдает вторую заповедь: Блаженни плачущие, ибо они утешатся.

Кто сознает свое недостойнство, кто плачет о грехах своих, тот не может гневаться на другого, тот будет кроток по примеру Спасителя, Который сказал: «Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем... и таким образом будем исполнять третью заповедь – блаженни кротции, ибо они наследуют землю.

Такие будут желать всей душой только правды Божией – если будут исполнять четвертую заповедь: блаженни алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Исполнив все эти заповеди, человек так очищает сердце, так приуготовляет себя, что уже никакие страдания и лишения, ради Господа переносимые, не тягостны ему.

Блаженни вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить на Меня, радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.

Когда священник, благословляя, произносит молитву – во имя Отца и Сына и Св. Духа, то совершается тайна – благодать Св. Духа нисходит на того человека. И наоборот, если человек только устами произносит отречение, то благодать тотчас отходит от него, и человек тот делается другим, и понятия его изменяются.

И мы знаем многих священников, которые подписались, как бы подписались поневоле, и благодать от них отошла, и понятия их

изменились совершенно.

12 июля. (о. Никон)

– Если ты куда придешь и пригласят тебя за стол, то, если ты знаешь, что эти люди от души хотят угостить тебя, то ешь без смущения и не ожидая приглашения, а если знаешь, что из приличия, то остерегись.

В настоящее время люди века сего смотрят на нас, верующих, как на юродивых, как на глупых. Им не нравится наша православная вера, наш храм и все наше поведение. Они смеются над всем этим. И часто мне приходится слышать от верующих, принужденных жить среди мира, что им тяжело переносить постоянные насмешки, испытывать такое отношение.

А мне кажется, что даже честь для нас, что нас не любят, что над нами смеются.

Апостол сказал (ап. Петра посл. 1, гл. 4, 14): «Аще укоряеми бываете о имени Христове блажени (есте), яко слава и Дух Божий на вас почивает». Это говорится о тех, кто ради Христа терпит поношения и гонения. Прошу вас – не смущайтесь, если над нами смеются, если нас не любят – значит мы не от мира сего.

– Правда, нередко мы чувствовали иногда, как бросят нам в спину комья снега или грязи,– сказала матушка.

16 августа, (о. Никон)

– Прежде чем у Господа просить прощения, надо самой простить, как сказано в молитве Господней.

Ты считаешь себя необидчивой, но ты не обижаешься в таких вещах, которыми ты не интересуешься, но что близко коснется того, чем ты дорожишь, то и обижаешься.

Терпи тяготы монашеского жития ради Царства Небесного.

15 сентября

– Как старец Гефсиманский говорит: «Зачем к старцу приходишь?» – «Для того, чтобы сломать свою злую волю и узнать волю Божию». – «За смиренный вопрос твой Господь откроет отцу твоему Свою волю».

Не принимай близко к сердцу. Если все принимать, то и на месяц нас не хватит.

Сидя в приемной у Батюшки в ожидании, когда он кого позовет, я заметила, что сидящая со мною рядом женщина (из духовных детей Батюшки) с каким-то даже ожесточением относилась ко мне. Между тем, она много раз прежде приходила к нам побеседовать, чтобы облегчить свое тяжелое духовное состояние, которое часто находило на нее. И она тогда говорила, что чувствует облегчение, когда бывает у нас. А теперь она вдруг сказала раздраженным тоном: «Я завидую вам».

В чем же мне можно завидовать? Принимает меня Батюшка реже других и большей частью из последних, а то и совсем не принимает, если некогда. Бываю я у него на несколько минут по самым необходимым делам. Все старются причащаться в день, когда Батюшка служит, мне это очень редко приходится. Выговоры Батюшка делает мне чаще, чем кому другому. Поэтому завидовать мне не из-за чего. По-видимому, она со всем этим должна была согласиться.

И вдруг, помолчав, сказала:

– Да, я завидую вам, что у вас к Батюшке такое послушание...

– Это от Вас зависит.

Со стороны был и другой взгляд, хотя это было, кажется, редко. Видя строгое отношение Батюшки ко мне, сравнительно с другими, некоторые могли соблазняться. Вот у нас Маша, не понимая духовной жизни, неправильно думала. Надо было о чем-то попросить Батюшку, и я обещала сестрам, что скажу Батюшке. Немного погодя подходит ко мне Маша и говорит со смущением:

– Лучше бы кто-нибудь другой сказал.

Когда я передавала Батюшке просьбу, то упомянула и об этом случае.

– Зачем же ты не говоришь мне? – Видно забеспокоился Батюшка. Для пользы моей души это все надо, но все же Батюшка не хочет, чтобы на других это могло так влиять.

Как-то Батюшка поручил мне сшить две епитрахили и к ним поручи. Я была счастлива такому поручению. Старательно скроила и в свободное

время от правил и своего врачебного дела тщательно шила. Когда окончила, показала Батюшке. Он долго смотрел и нашел недостаток – на миллиметр расстояние между пуговицами разное. Надо было подкладку всю спарывать.

Во второй раз со страхом я показала свою работу. Батюшка и в этот раз нашел в поручах недостатки, и так в третий, и в четвертый, и пятый раз.

Чувствовала я, что Батюшка старается для моего смирения, была глубоко благодарна, но все же каждый раз я показывала ему свою работу с большим страхом. Наконец, после пятого раза Батюшка взял епитрахили уже без замечания и надевал их на Пасху и другие большие праздники. И потом как-то за столом, во время поминального обеда, сидя рядом с о. Геронитом, в разговоре Батюшка сказал:

– М. Амвросия умеет шить епитрахили и поручи, – и опустил глаза, чтобы скрыть улыбку (вероятно, вспомнил, как смирял меня).

Иногда невольно или нечаянно вырвется что-нибудь такое, от чего можно подумать, что мне обидно, и тогда, хотя не сразу, но Батюшка найдет время и к слову расскажет, как его смирял старец и что-нибудь в этом роде. Я понимала, как трудно все время заботиться о том, чтобы смирать других – ведь для этого надо другому причинять часто незаслуженно огорчения. А каково это?

Часть 12

М. Амвросия пишет далее, что некоторые сестры ее общинки отделились от них, заняв при соборе место сторожихи.

Теперь Батюшке приходилось реже бывать у нас, так как часть сестер, нуждающихся в батюшкиных советах могли прямо из храма заходить в сторожку и там спрашивать Батюшку. Наш дом был теперь не единственным для приходящих. Но несмотря на это, Батюшка старался насколько мог, приходить часто, чтобы напутствовать больных и побеседовать. А в какие-либо знаменательные дни и все собирались к нам, иногда и всенощная служилась. Тогда и из сторожки приходили все, и за сторожа оставался поселившийся в ограде один слепец – схимонах Тихон – Оптинский звонарь.

Помню, как перед последним Великим Постом, после вечерни, идя из церкви, Батюшка зашел к нам на несколько минут, благословил на душевспасительное проведение Великого Поста и кратко сказал нам – какое это великое и святое время для спасения души и напомнил нам главное о том, чтобы мы старались проводить время в молчании. Молчание так полезно для души. Мы не можем, когда говорим о другом, не осудить. Поэтому хорошо, кто молчит.

Но есть и молчание плохое, когда кто злится и молчит. Не такое, конечно, нужно молчание. Нужно ходить на все церковные службы, а по приходе из церкви заниматься необходимыми делами, самыми крайне нужными. Больше молиться и испытывать себя.

Как готовиться к смерти?

– Надо думать,– говорил Батюшка,– что только этот день дан в твое распоряжение. Нельзя надеяться на завтрашний день. Каждому грешнику обещано прощение, если покается, но никому не обещан завтрашний день.

Однажды сказала Батюшке:

– Боюсь, не привыкнуть бы мне к властвованию, прежде совсем не хотела выражать свое старшинство, а теперь требую послушания от младших сестер.

– Это хорошо, для них полезно, а ты сама в себе смирайся.

4 апреля

Была у обедни. При благословении у выхода Батюшка сказал: «Да обновится яко орля юность твоя».

18 апреля – Великая суббота

Среди дня Батюшка зашел к нам, чтобы одеть в рясофор нашу сестру Зину.

Рясофор – это начало ангельского чина, первая ступень восхождения в духовную жизнь. Но прежде чем решиться на это восхождение, нужен многодневный искуc. Надо испытать себя, твердо ли у тебя решение оставить все мирское. Из того, о чем мы молимся при этом, можно понять, что такое рясофор.

Во-первых, мы благодарим Господа, что Он рабу Свою Зинаиду от суетного мирского жития призвал на честное сие житие, т. е. на жизнь духовную. Далее мы просим, чтобы Господь сподобил и пожить достойно в сем ангельском житии. Но сами мы ничего не можем, мы должны усердно просить об этом Господа. Мы просим, чтобы Он сохранил душу и тело в чистоте даже до смерти, сподобил ее быть храмом Божиим, как сказано апостолом: «не весте ли яко храм Божий есте?»

Если мы чисты и душою и телом, то Господь обитает в нас. Вразуми, просим, помнить всегда Твоя повеления, т. е. заповеди, и исполнять их. Дай ей смирение, любовь и кратость – эти необходимые для монаха добродетели, без которых никакой подвиг не принесет никакой пользы, как говорит Иоанн Лествичник.

Мы просим Владычицу Богородицу и всех святых, чтобы они своим представительством умолили за нее Господа, так как ведь мы своими силами ничего не можем сделать. «Приими рабу Твою,– далее молимся мы,– в иго Твое, сподоби ее сочетаться пастве избранных (т. е. призванных исключительно служить Единому Богу, в числе иноков). Облеки ее целомудрием, воздержанием во всем, дарованием Своей благодати, без которой мы сами своими только силами ничего не можем достигнуть. Твоею благодатью освяти начаток ее образа ангельского.

В псалме, который читается при этом, тоже разъясняется, что означает этот чин: «Господь Просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюсь? Господь – Защититель жизни моей – от кого утрашуся?»

Если враг приблизится ко мне, то он изнеможет, потому что Господь просветит и защитит меня. Если постигнет меня брань с искушениями – на Господа надеюсь я»... и далее.

19 апреля

– Христос воскрес. Мы празднуем Святую Пасху. Воскресение Христово.

Ответы Батюшки на вопросы.

– На пользу, если что знаешь, сказать можно, но не в смысле учительства.

– [Василий Великий](#) говорит: читаешь для того, чтобы самому вразумляться и других наставлять, когда нужно.

– Надо твердо помнить этот закон духовной жизни: если в чем кого осудишь, или смутишься чем-нибудь у другого человека, то тебя это же самое постигнет, ты сделаешь сам то, в чем осудил другого, или будешь страдать этим самым недостатком.

И я много раз замечала на себе исполнение этого закона.

Праздник Вознесения. 28 мая

– Нужно положить начало меньше привязываться к земному. Не прилагайте сердца к суете мирской. Особенно во время молитвы оставьте все помыслы житейские. После молитвы домашней и церковной, чтобы сохранить умиление, нужно молчать, а то даже простое, незначительное слово по-видимому, так и спугнет его из нашей души.

Поэтому из церкви мы, по возможности, расходились поодиночке.

Одна сестра, пришедшая откуда-то издалека и поселившаяся в нашем городке, просила меня (а сама почему-то стеснялась) просить у Батюшки ответов на ее несколько вопросов. Я записала эти вопросы и здесь же оставила место и для ответов, чтобы тотчас же их написать. Вот они:

1) Боюсь, что я здесь работаю, а все это не на пользу может быть? Не лучше ли было бы, если бы я своих старых родителей успокаивала?

– Инокня принадлежит Богу и ей полезнее служить Богу в кругу сестер, а не мирских, хотя бы и самых близких.

2) Здоровье мое слабое, а как совсем заболю, сестры будут мною отягощаться – такие у меня помыслы.

– Это дело будущего, а потому, по слову Св. Евангелия, не нужно сердцем своим заботиться о сем. Все в руках Божиих. Господи, да будет воля Твоя.

3) Хотя я сознаю, что, если я поеду домой, то тоже буду неспокойна.

– Покой в Боге, а не в мирской жизни.

Когда мы возвращались из храма после обедни в день сорокового дня памяти монахини Марии, умершей у нас, пришел Батюшка и многие сестры. За столом Батюшка, обращаясь ко мне, сказал:

– Знаешь, что Анна Петровна (одна из духовных детей) лежит в больнице в г. Сухиничи, в одиночестве? – и замолчал.

– Может быть надо, благословите поехать к ней? – спросила я.

– Да, хорошо было бы.

Мы взглянули на часы, которые здесь висели: скоро отходит поезд. И я поспешно пошла на вокзал – 40 верст с чем-то было до Сухиничей.

Далее м. Амвросия рассказывает, как она тяжело больную, почти умирающую по ее желанию повезла к себе в Козельск. Но больная не умерла, а стала поправляться.

Однажды вечером, когда больная лежала еще у нас, прихожу к Батюшке на благословение; он вышел и неожиданно зовет меня в то время,

как не вышла еще оттуда раньше вошедшая в его келью. Вхожу в келью, а Батюшка говорит:

– Вот Поля, она хочет просить у тебя прощения.

Она встала на колени и просит простить ее.

– Я не знаю, ты виновата?

И она объяснила, что, когда я привезла такую умирающую больную, сестры пороптали, зачем я беру все таких тяжело больных. А потом поняли, как это полезно для души, как это помогает иметь память смертную. Вот она кается перед Батюшкой и у меня просит прощения.

Радостно встретили мы Праздник Св. Троицы. Наш Батюшка служил обедню. Вскоре стали тревожить нас слухи, опасались за Батюшку. Просили его сняться.

Потом прошел тяжелый слух о статье, подписанной митр. Сергием. Многие возмутились. Мы читали ее и спросили у Батюшки: «Как нам смотреть?»

– Обвинять митрополита не следует, так как по отношению догматов он ни в чем не погрешил. Может кому не нравится его политическое осторожное отношение, но здесь еще нет вины, мы не знаем, какие обстоятельства его окружали.

Между прочим я сказала, что я не решаюсь читать такие высоко духовные книги как Добротолюбие и подобные. Батюшка на это ответил:

– Тебе можно читать все.

Все эти вопросы к Батюшке были предчувствием скорой нашей разлуки. Наши опасения скоро оправдались. Батюшку арестовали с отцом Кириллом, они жили в одной квартире, арестовали и Настю, которая в это время несла письма. Одновременно был арестован и заведующий Оптинской библиотекой, уже с год или больше назначенный из Московского Археологического Общества – Михаил Михайлович Таубе. Как только его арестовали, он надел рясу, так как был монах Агапит. Это замечательно светлая личность.

И вот их, трех монахов, и сестру Настю-послушницу, отвели в тюрьму. Их скоро отправили в Калугу. Мы приходили на вокзал хоть издали получить последнее благословение.

Теперь скорби нашей не было границ. Ведь вся наша жизнь основывалась на послушании Батюшке. Теперь мы в полном смысле осиротели. Первое время, кроме правила обычного, читали акафист Чудотворцу Николаю, молились и плакали... Самым близким по духу к Батюшке был о. архимандрит Исаакий Оптинский. Он жил в Козельске в уединенном домике с двумя послушниками. Это был замечательный

человек и идеальный монах. Большого роста, мудрый, но в то же время простой, искренний, как дитя. Он обладал особенными способностями к пению и даже составлял ноты. И эта простота и искренность и, наконец, любовь к пению сближали их с нашим Батюшкой. Придет, бывало, Батюшка благословиться или посоветоваться к отцу архимандриту и там задержится непременно.

Естественно, что мне после ареста нашего Батюшки хотелось повидаться с о. архимандритом. Он благословил меня съездить в Москву, чтобы сообщить об этом несчастье братьям – у него было, кажется, три брата. Адрес одного младшего брата я знала. Мне дали денег на билеты, и я должна была, никому ничего не говоря, поехать. Сказала только одной больной Анисье, которая слишком бы волновалась, и поехала.

Брата Ивана, бывшего когда-то послушником Оптинским, нашла совсем другим. Это уже не был тот одухотворенный юноша, которого я когда-то видела на фронте. Он и жена его, видимо, погрузились всецело только в одно материальное, и девочку свою они воспитывали с этой точки зрения. Они гордились ее знанием немецких слов. А когда я спросила, знает ли она житие своей святой Таисии – мать просила рассказать ей. А ведь отец был так сведущ во всем духовном, он так хорошо писал акафисты, духовные стихи. И вот теперь такая перемена.

Судьбу брата они приняли холодно. Он дал несколько рублей, чтобы сделать передачу брату. На вечерний поезд я поспела и приехала домой на другой день...

(О. Никон был, по-видимому, арестован летом 1927 года.)

Прошел слух, что Батюшку скоро отправят в ссылку. Мне хотелось на прощанье взять благословение и какое-либо слово совета. Сестры с горячим сочувствием провожали меня, и я поехала.

Остановилась у одной духовной дочери Батюшки М. . и ожидала со страхом, не даст ли Господь мне возможность повидаться с Батюшкой. Из приехавших сюда сестер, которые делали передачу и в приемные дни виделись, не было особенно сочувствующих мне. Но все же в приемный день я пошла к тюрьме. Одета я была, как всегда, в свой длинный монашеский ватошник с широкими рукавами, а сверх всего еще большой платок. (Это было зимой 1927 года.) Стояла я у ворот и многое переживала в душе. Сестра, которая жила здесь для того, чтобы делать передачу, распорядилась. В первую очередь, как всегда, когда должны были вывести Батюшку, она приглашала с собой некоторых сестер и брала еще одну, которая и желания-то особенного не имела, так как совсем не знала Батюшку. Но М. хотелось, чтобы она хоть посмотрела, какой у нас

Батюшка.

А в первую очередь выводили всегда с. Настю, к ней ходила ее родная сестра М. Вот с ней-то и предложили мне идти. К нам присоединилась еще Л. И. и еще кто-то. Мне скорбно было до слез.

Сестра М. хорошо знала, как мне дорог Батюшка и что же? ... Слышу вокруг себя ропот, что вот оделась я в монашеское, зло от этого будет, и мне так тяжело на душе.

Вошли мы в приемную... и удивление – на этот раз вывели первого Батюшку. Трудно передать эту трогательную картину. Никогда не забуду, но словами я не сумею передать... С виду улыбающийся, чтобы утешить нас, Батюшка ободряюще заговорил с нами. И между прочим сказал, что никогда никого нельзя винить (он знал, что часто укоряли, что тот или другой виноваты) – все воля Божия.

Было объявлено, что скоро увезут. Батюшка каждую из нас благословил, меня – из первых, и так как я была с широкими рукавами и в платке, Батюшка незаметно дал мне книгу и пакет с записочками. После этого я спешно вышла. Батюшка благословлял других.

Вскоре по выходе пронесся слух и глухой ропот: так и знали, вот м. Амвросия передала Батюшке письмо, поэтому сейчас же по выходе из приемной его обыскали и нашли что-то, письмо верно (им передала знакомая тюремщица). Прямо мне не говорили, но все устремились на меня со злобными взглядами.

С замиранием сердца шла я, никому не показывая своей дорогой ноши, боясь, чтобы невоздержанные еще больше не на шумели, и не могли меня остановить. Теперь я уже больше не пошла к той, где остановилась, она тоже была в числе враждебно настроенных, а направилась к одной кроткой, простодушной сестре Н. Она приняла меня с любовью, дала мне свою комнатку, хотя холодную, но я рада была, что уединенную. Меня там никто не расспрашивал, меня оставили в покое, видя, что я так опечалена.

Я спешила остаться одной, чтобы посмотреть, что дал мне Батюшка. И я увидела книгу – V-й том Игнатия Брянчанинова. По надписи она принадлежала М. . Значит она дала Батюшке в тюрьму для прочтения, а он на ней сделал много отметок, на промежуточных белых страницах он написал свои переживания по поводу прочитанного и, как сам он выразился, сделал это на пользу, напоминовение своим духовным детям.

То, что я перечувствовала, когда я увидела эти заметки, не в силах я выразить. Для меня это было последнее утешение от горячо любимого духовного отца. Это было как бы завещание его.

Кроме того, там был целый пакет записочек, аккуратно заклеенных.

На них были написаны имена тех, кому именно они написаны. В каждой из них было несколько изречений, как раз соответствующих и нужных той сестре.

Вот почему перед этим в записочке на вопрос, что ему надо прислать, он отвечал: киселя не очень сладкого, и такой ответ давал несколько раз. Он этим киселем и заклеивал.

Теперь у меня была забота – переписать с этой книги, которая принадлежит М. . все отметки, все записи, все подчеркивания, возвратить книгу по принадлежности М., а самой с того списанного восстановить все точь-в-точь по своей книге. Пока у меня не было книги, я купила толстую тетрадь и стала все переписывать с обозначением страниц и строчек. Это заняло у меня несколько дней. И это я делала в тайне, пока не списала всего. Только тогда отдала книгу М. . по принадлежности и все записочки.

Как я дорожила своей. Но она пропала среди самых дорогих моих вещей во время путешествия. Помню только, были там слова Спасителя: «Бдите и молитесь, да не впасть в напасть...»

Во время передачи послала записочку, и Батюшка благословил меня ехать домой.

Сестры поняли после, что не я была виной, что Батюшку обыскали. Как напрасно они обвиняли меня за монашескую рясу. Ведь благодаря ей можно было передать и книгу, и записочки. А какое это было утешение для всех нас. И еще забыли они, что Батюшка как-то говорил:

– В монашеской одежде – это уже окончательно отпетые, на них и рукой махнуть, а вот светские – это другое дело, на это надо больше обратить внимания...

Как только Батюшка доехал и возымел возможность, он прислал письмо, что они доехали до Кеми, на берег Белого моря. Их назначили было в Соловки, но вследствие осенних бурь проезд в Соловки стал невозможен, и их оставили в Кеми. Батюшка сторожил сараи на берегу моря.

Мы сейчас же стали собирать посылку, чтобы отослать Батюшке. Главная моя обязанность была такая: мне приносили, и я относил на почту, до почты мне доносили, а я уже отправляла от своего имени.

Наступили печальные дни. Из Калуги нас известили, что Батюшку с о. Кириллом и Агапитом отправили в ссылку. Неизвестно было – куда именно. В одну из этих ночей видела во сне Батюшку среди людей, похожих на эскимосов, вообще людей Крайнего Севера, и самого в такой же шапке...

Часть 13. Письма

Из письма к некоему лицу

Недавно получил я известие о смерти Оптинского духовника иеромонаха Никона.

Я с ним познакомился по пути в Соловки. В Бутырской тюрьме соединили нас в одну партию. Он был летами, пожалуй, моложе меня и на вид сохранившимся человеком. С ним тогда был другой монах, тоже Оптинской пустыни, как я потом узнал, некто Михаил Таубе. Сравнительно молодой человек, интеллигент, как я потом узнал, с высшим светским образованием.

Они оба были, как я узнал потом, очень хорошего монашеского настроения – это были люди, так сказать, оптинской духовной культуры. И я был очень рад такой встрече на том тяжелом пути. Они – оба эти инока православные – были первые духовные лица, которых я увидел в своей партии арестантов, направляемых в Соловки. С Бутырской тюрьмы мы были вместе всю дорогу до Кеми. И в Кемпункте я был, пожалуй, месяца два вместе с ними, даже в одном бараке.

И вот теперь, когда дошла до меня весть о кончине о. Никона, живо вспомнилось мне все... И жизнь наша тогдашняя и светлая жизнь почившего. И теперь мне хочется поделиться с Вами как своими этими впечатлениями, так и теми сведениями, которые я получил о последних днях жизни почившего о. Никона.

О. Никон, о. Михаил... как сейчас их вижу. О. Михаил был на вид высокий, худой, молодой интеллигентный человек, брюнет, в монашеском одеянии, о. Никон немного постарше, на вид здоровый человек, нехудощавый, волосы и борода русые, роста среднего, лицо открытое, приятное. Он тоже был в монашеском одеянии. Всегда разумные, выдержанные, всегда светлые духом, они были истинные иноки православные, и мне так отрадно было их видеть и слышать...

Мы вместе были, как я уже упоминал, начиная с Бутырок и дальше. Арестантские вагоны-клетки, Ленинградская тюрьма, опять на сотни верст пути вагон-клетка, и, наконец, Кемь, – «Кемьперпункт». Бараки, теснота, клопы, ругань, работы и все, все, что вместилось в нашу жизнь тех дней, все мы пережили вместе, пока не расстались.

А расстались так: сначала вызвали о. Михаила и направили в собранной партии в одну из «командировок» куда-то в лес, на побережье

Белого моря. Потом через месяц или через два вызвали меня к отправке на Соловецкий остров.

Когда я уходил в своей партии арестантов на пароход, о. Никон оставался в Кемьперпункте по-прежнему сторожем. Так и остался он у меня в памяти сторожем около каких-то сараев и каких-то бочек. Всегда с книжкой в руке, всегда спокойный, тихий, молчаливый, уравновешенный... Оттуда, где он дежурил, видно было море. Это море мне хорошо запомнилось. Особенно любил я его в безлюдные белые ночи, когда только «гаги» кричали вдали на море, уже почти свободном ото льда, да нежный свет белых ночей что-то говорил душе... Вероятно, и о. Никон все это видел, переживал, и заметил, и унес потом в своей светлой душе...

Мне так и не пришлось с ним поговорить так, как того хотела душа моя. И только отчасти мы обменивались своими мыслями по тому или иному вопросу. И его рассудительность, уравновешенность и какая-то особая духовная культура – Оптинская, вероятно, – сказывались и в жизни его, и в поведении его, и в словах его, и в его молчании. Я его ценил, как и его друга о. Михаила (в монашестве о. Агапита). Рад был, что увидел их. И теперь благодарю Бога за эту жизненную встречу...

Отрывок из другого письма

Ваш отзыв о почившем о. Никоне я прочел с удовольствием. В отзыве выражена истина. Не думал я, что не увижу уже о. Никона. Последний раз мы с ним виделись 30–31 декабря 1927 г. в Калужской тюрьме, 6 января я вышел из тюремной больницы и уехал на свой счет в Туркестан, а о. Никон 27 января 1928 г. – с этапом в известное вам место.

Я болею туберкулезом легких лет 10 и думал, что умру прежде о. Никона, но Господь судил иное – о. Никон ушел в вечность, а я еще дышу и двигаюсь, хотя и с трудом – слабость и одышка ужасная. Об о. Никоне я особенно жалею. Мне хотелось его видеть, и о многом говорить, но теперь все кончено.

Сошлись мы с ним в 1907 году в скиту Оптиной пустыни, где мы жили в числе братии, оба учились иноческой жизни у старца Божия о. Варсонофия, оба помогали старцу в его обширной переписке с духовными детьми, а затем, когда о. Никон был назначен монастырским письмоводителем, я вместе с другими сотрудничал ему.

После ликвидации монастыря жили в городе на одной квартире, и, в конце концов, вместе были взяты весной 1927 г. и отвезены туда, куда не хотели. Искренно уважал я о. Никона за его простоту и любовь к иноческой внутренней жизни, за его любовь к ближним. Хорошо было с ним и всегда можно было отдохнуть и согреться около него душой. Вечная ему память.

Трогательно все это – как жизнь и кончина о. Никона, так и память о нем среди знавших его. Царство ему Небесное. А остальным добрым инокам и верующим душам из мирян да поможет Господь в подвиге христианской жизни.

(Видимо, это отрывок из письма о. Кирилла). Мать Амвросия была также арестована и выслана на Север. Когда она обосновалась на новом месте, она послала письмо к Батюшке Никону и впервые узнала от других, что Батюшка Никон болен... Она пишет: «Я получила вскоре от него письмо из Пинеги».

Письмо о. Никона

«Поздравляю тебя, честная м. Амвросия с грядущими Святыми днями Страстной и Светлой седмицы и усердно желаю тебе мира и радования о Господе и всякого утешения духовного и благополучия. Не знаю, придется ли еще до Праздника написать тебе, а потому приветствую тебя радостным: Христос воскресе.

Призываю на тебя мир и Божие благословение. Благодарю тебя за письмо. Да поможет тебе Господь.

Ожидание перемещения – это одно из тяжелых условий нашей жизни. Хотели и меня, как многих других переместить, но я пока остался по болезни. Но болезнь меня не радует. Доктор определил туберкулез легких. Духом я спокоен. Ибо на все воля Божия.

Пока все необходимое имею, а будущее в руках Божиих. Слава Богу за все. Радуюсь, что у тебя хорошее настроение. Да, Господь вразумляет нас и призывает ко спасению. Желаю тебе бодрости духа и крепости сил душевных и телесных. Да пошлет тебе Господь.

Сердечно жалею д. Марию и молюсь о ней; д. Евгении мир и Божие благословение, и о ней молюсь. Больную Анисью только и приходится всецело предать воле Божией, Господь ведает, что творит, и видно всем нам необходимо нести крест.

Пиши, если куда переедешь. Адрес мой пока: Пинега, до востребования. Прошу святых молитв твоих и у отцов. Привет им. Бог даст, еще напишу. Пиши и ты. Господь да хранит тебя. Прости грешного иеромонаха Никона. Мир ти и спасение».

Тяжело мне было читать это письмо. И теперь, уже после стольких лет, глубокая печаль захватывает сердце, когда я перечитываю батюшкины письма. Не ожидала я, что так сильно и быстро заболит Батюшка. Написала сейчас м. Валентине, которая раньше всех была выслана, и написала о болезни о. Никона батюшке Мелетию. М. Валентина прибыла в Пинегу почти одновременно с нами. Вероятно, мы и видели их этап, когда сидели на крыльце. Ее я спрашивала о состоянии здоровья Батюшки. Не успела еще ответить м. Валентина, как Батюшка написал мне:

«Христос воскресе. Еще раз поздравляю тебя, чадо мое, со Светлым Праздником и призываю на тебя мир и Божие благословение. Читал я твое письмо к м. Валентине, не знаю, ответила ли она или нет.

Но я ведь тебе уже писал, что доктор нашел туберкулез и уже не в

первой степени, а далеко зашедший. Меня беспокоит то, что жар 38–39° долго держится, а от этого и слабость, и иногда аппетит пропадает. Больше лежу. Я сам удивляюсь, как быстро и неожиданно для меня случилось. Теперь я думаю, что те, сравнительно легкие простуды, которые, казалось мне, прошли бесследно, были началом того, что сейчас видим.

У врача приходится бывать редко, ибо живу далеко (6 верст), ходить трудно и, может быть, бесполезно, а лошадей нет. Поэтому пользуюсь лишь лекарством.

Кашля мало, почти нет. Быстро утомляюсь всяким движением. Чувствую себя хорошо. Господь не отнимает у меня этой милости. Все потребное имеется. Живу с о. Петром, он мне помогает. За все слава Богу. Предаюсь воле Божией. Жизнь наша в руках Божиих. Прости. Мир ти и спасение.

Грешный иеромонах Никон 27 марта (9 апреля).»

3-е письмо

Христос воскрес.

Мир ти и спасение и Божие благословение, чадо мое м. Амвросия. Получил твое письмо. Ты беспокоишься о моей болезни и желаешь знать все подробно. Я уже писал тебе, но и еще могу написать.

Квартира достаточная, хотя, может быть, и есть немного сырости. Питание имеется обычное: суп, лапша, каша, есть постное масло, пока еще есть немного скоромного; имею бутылку молока ежедневно, есть сахар. Вообще, голоден не бываю. Привык есть один раз в день. Чай пьем два раза.

Медицинского надзора нет. Здесь врачи к нам не ходят, надо идти в больницу на обычный прием, очень спешный и только. Но я, живя от больницы в шести верстах, идти не решаюсь. Лошадей нет, и я выжидаю удобного случая съездить. Был у доктора один раз и просил его сказать откровенно. Он сказал: в легких плохо, туберкулез. Главное: температура 38–39 градусов. Прописал теокол и Доверовы порошки, а также строфан с валерьянкой по двадцать капель. Вот и все. Кашель редкий. Скоро утомляюсь. Болей не чувствую.

Болезнь началась внезапно. Чувствуя себя здоровым, я пошел копать снег около дома и почувствовал боль в венах больной ноги. Я все же несколько поработал и утомился. Сразу заболели все вены, начиная от живота и до пяток. (Это в первый раз за четыре года.) Я положил компресс, смерил температуру – 40 градусов. Оказалось кровоизлияние.

На следующие три дня температура была почти нормальная. Вдруг я почувствовал боль (колики) в груди, температура 40, которая была не более недели. Я лежал довольно долго, две или более недели. Вены перестали болеть, кровоизлияние рассосалось, но рана, открывшаяся немедленно, прошла только недавно. Прежнего дыхания нет, оно не так свободно.

Квартира спокойная, живу в д. Козловке с о. Петром, братом Валентины (Устюши). За деньги здесь почти ничего купить нельзя. Просят вещей, особенно полотенца, холсты и т. п. У меня были эти тряпки, и я писал, чтобы прислали мне. Тогда можно иметь молочные продукты.

Да поможет и тебе Господь, и да управит путь твой на спасение. Вручаю себя Богу. Бываю спокойнее, когда своей воли не проявляю. Поэтому просить о чем-либо не решаюсь пока, да и нет уверенности в том, что будет обращено внимание.

Будем молиться Господу, да спасет нас и да поможет нам в бедах и нуждах: иного пристанища и надежды не вижу. Человеческие расчеты и суетны, и ошибочны. Когда приходится терпеть и трудное что-либо, но знаешь, что нет тут своей воли, получается нравственное облегчение и мир души.

Да будет воля Божия. Да не посрамит Господь веры нашей в преданности воле Его.

В Пинеге, кроме пайка, трудно найти продукты питания, и кто не получает посылку, конечно, нуждается, голодает. Базара нет, только промен на вещи. В самой Пинеге не оставляют, посылают куда-либо далеко в деревню.

Тех, кто может работать, в лес посылают и на другие работы. Кто имеет документ о неработоспособности, того не посылают на работу, а куда-либо в деревню. Подальше стараются, но бывает, что и недалеко устраиваются.

Почта ходит исправно. Паек, получаемый безработными, конечно, недостаточный: 300 гр. хлеба в день, 600 гр. пшена на месяц и 2 кг рыбы в месяц, соли достаточно, зимой пол-литра керосина.

Климат, как в Архангельске, только ветры пронзительные бывают часто. Народ скорее неприветливый, мало сочувствует.

Овощей и на промен почти не найдешь, даже картофеля. Не знаю, где как живет, и сравнивать не могу.

Благодарю Господа, что доселе подкрепляет внутренне и все для жизни необходимое посылает. Слава Богу за все.

Спаси тебя, Господи, за заботу обо мне. Милость Господня да будет с тобою во век. Прости. Прошу молитв твоих и отцов наших. Благодарю их за привет и сочувствие.

7/20 апреля.

Задержалось письмо. Последние дни температура 38–39°. Масло я достал на промен и молоко имею. Да будет воля Божия.

12/25 апреля.

Последнее письмо о. Никона

Христос Воскресе.

Дорогая дочь моя м. Амвросия. Письмо твое от 14 апреля получил только 28 апреля. Сердечно благодарю тебя за любовь и заботу. Спаси Господи. Конечно, и я рад был бы видеть тебя. Но нельзя забывать, что мы своей воли не имеем, и может случиться так, что и в Пинеге будешь, но не будешь иметь возможности видеть меня, ибо и здесь бывают частые перемещения и назначения в разные места. Поэтому, думается мне, что не нужно тебе ставить свое положение в зависимость от моего.

Не имея никаких примеров в отношении подачи заявления, никаких справок, совершенно не зная, чем мотивировать свою просьбу (Каргополь на Крым), да и почти не надеясь на какие-либо благие результаты, я пока решаюсь оставаться на месте, предавшись воле Божией. Вызывать тебя в Пинегу не решаюсь, сознавая, какие трудности могут тебе здесь встретиться. С другой стороны, как будто не решаюсь и отклонить твое желание, нет у меня определенной решимости в этом вопросе. Господи, помоги и вразуми. Надо молиться, да укажет Господь путь.

О себе могу сообщить, что болезнь, как мне кажется, идет вперед, ибо температура не падает ниже 38–39°. Это наводит на мысль о скоротечности болезни. А так я себя чувствую все время в одном положении. Есть легкая болезненность во всем теле и груди. Температура беспокоит меня и внушает мысль о близости смерти; о выздоровлении теперь почти и не думаю, считая это несбыточной мечтой. Предаюсь воле Божией.

Сердечно благодарю отцов за любовь и внимание и заботу обо мне. Спаси их, Господи.

Призываю на тебя мир и Божие благословение. Да хранит тебя Господь под кровом Своей благодати. Молюсь о тебе моею немощною молитвою, но все же молитвою любви о Господе.

Приходила мысль ехать тебе туда, куда поехали или поедут отцы, чтобы не быть совсем одной. Но опыт показывает, что разлучение неожиданно настигает. Не надейтесь на князи, на сыны человеческие: в них же несть спасения. Блажен ему же Бог Иаковль помощник его, упование его на Господа Бога Своего – единая надежда на Бога – вот твердое основание. Остальное все непрочное и особенно в нашем положении. Совершенно не знаешь, где лучше, где хуже, и что ожидает. Да

будет воля Божия.

Преп. Феодор Студит, сам бывший в ссылке, ликует и радуется за умирающих в ссылке. И мне приходила мысль, что мы, иноки, отрекшиеся от мира и ныне, хотя и невольно, проводим мироотреченную жизнь. Так судил Господь. Наше дело – хранить себя в вере и блюсти себя от всякого греха, а все остальное вручить Богу. Не постыдится надеющийся на Господа.

У нас, хотя начали ходить пароходы, но редко, да еще говорят, скоро будет сплав леса по реке, и тогда, должно быть, прекратится пароходное движение. Все это создает большие трудности в почтовом и вообще во всяком сообщении. Погода холодная, ветряная, пасмурная. Получила ли ты мое письмо, которое, хотя и заказным я послал, но в самую распутицу?

Прости, желаю тебе всякого благополучия и помощи Божией. Прошу твоих святых молитв и у отцов.

Грешный иеромонах Никон. 30 апреля (13 мая)

Часть 14

Воспоминания о последних днях жизни, смерти и погребении моего духовного отца и руководителя.

Я получила письмо от Батюшки, написанное им в марте с. г., в котором он, между прочим, сообщал, что заболел, и доктор нашел туберкулез, далеко зашедший.

Когда я прочла эти строки, мне пришла мысль, что Батюшка уже не поправится, и в это же время начала думать о поездке к болящему, о чем и написала ему, прося сообщить о состоянии здоровья. Получив по телеграфу ответ, что здоровье его в прежнем состоянии, я решила ехать к Батюшке, чтобы застать его в живых.

2-го июня церк. ст. выехала, и после нелегкого путешествия прибыла к Батюшке в понедельник вечером 9-го июня. Батюшку я застала уже лежащим на жесткой постели. Он встретил меня с отеческой любовью и благодарил, что приехала.

Грустно было видеть невнимание к Батюшке служивших ему в болезни и не позаботившихся об улучшении его болезненного одра. Кровать заменяли доски, соломенный матрац был скомкан, вместо подушки лежала свернутая одежда. Когда доски были заменены кроватью, переменен матрац и сделана соломенная подушка, Батюшка выразил удовольствие, поблагодарил меня, сказав: «Вот теперь хорошо».

Грустно было видеть и то, что Батюшка лежал в ватошнике и валенках – это при 40°-ной температуре и в жаркие июньские дни. Ватошник был снят, и Батюшку покрыли одеялом. Валенки тоже сняты, в них оказалось необыкновенно много крупных вшей. Не буду распространяться о невнимательном отношении к Батюшке служивших ему, скажу лишь, что Батюшка все терпел и никому ни на что не выражал своего неудовольствия.

В среду 11-го июня днем было так плохо Батюшке, что думали – не доживет до утра, посему поспешили причастить. После причастия стало лучше.

Батюшку очень беспокоил пролежень, и очень страдал он от того, что легкие его сократились, и ему нечем было дышать. В трудные минуты он метался, не находил места, – то ляжет, то встанет: нечем, говорил он, дышать. Дайте воздуху, дайте хоть чуточку. Просил положить на пол. Когда ему становилось легче, он тихо молился: «Господи помоги. Господи

помилуй».

При повышенной температуре иногда бредил, вспоминал своих духовных детей, приводил их к покаянию, читал каноны, крестил воздух и очень часто вспоминал оптинского старца о. Макария. «Смотрите, – говорил он, – вот пришел ко мне старец о. Макарий и сел, а вы не видите».

Аппетит у Батюшки отсутствовал. Выпивал 2–3 сырых яйца в день, 2 стакана чаю с вином и 2 чашки молока, иногда съедал 2–3 штуки покупного печенья.

В субботу 14 июня был приглашен доктор для успокоения больного. Доктор внимательно выслушал Батюшку и «во утешение» сказал: «Никакой скоротечной чахотки нет, слабость – явление временное, все пройдет».– А мне доктор прямо сказал: – У Батюшки цветущий туберкулез, т. е. в полном расцвете, в полном разгаре, и все уже кончено, живет он только потому, что у него сердце здоровое.

Слова доктора, сказанные Батюшке, по-видимому, успокоили и утешили его, так как после этого он начал даже думать и просить о подаче заявления о переводе его в более благоприятную в климатическом отношении местность.

Время шло, а Батюшка все слабел, но, несмотря на это, когда он чувствовал себя лучше, собственноручно писал, хотя и с трудом, краткие записки некоторым своим духовным детям, некоторым писал по несколько слов на их письмах, некоторым диктовал записки и собственноручно подписывал.

20-го июня попросил лист бумаги и хотел что-то написать, но слабость не позволила много писать, написал лишь две строчки: «Какая красота в духовных книгах».

20-го или 21-го у Батюшки прошла кровь через желудок, после чего он совершенно ослабел, но еще 21-го числа продиктовал несколько записок и ослабевшею рукою подписал.

25-го в 12 часов дня Батюшку причастил о. архимандрит, родной брат одной из духовных дочерей Батюшки и сейчас же прочитал отходную. Нужно сказать, что Батюшка причащался почти ежедневно: когда был в силах – сам причащался, а когда ослабел, причащал духовник или кто-нибудь из иеромонахов.

В 2 часа дня того же 25 числа Батюшка пил чай, и в 7 час. вечера тоже выпил немножко. В 9 час. вечера я спросила: «Не желаете ли, Батюшка, выпить чаю?» В ответ на это Батюшка отрицательно покачал головой и как бы стал засыпать: глаза были закрыты, дыхание тяжелое, слышен был стон.

После 9 час. вечера я прилегла отдохнуть, о. Петр сидел за столом и

писал. Не помню, сколько я пролежала, но когда встала, то Батюшка спокойно лежал на левом боку, редко дышал и тихо стонал, голова была наклонена несколько к плечу. Я подошла к нему и говорю о. Петру:

– Что же вы не подойдете к Батюшке, ведь он умирает.

– А я и не подумал,– ответил о. Петр,– хотел кончить письмо и ложиться спать, полагая, что Батюшка уснул. Ведь он так стонет около часу.

Засим подошел к Батюшке и о. Петр, и мы вместе смотрели, как Батюшка испускал дух: тихо дыхнул он несколько раз, и душа разлучилась с телом. Было 10 ч. 40 мин. вечера. Батюшка, как лежал на левом боку с наклоненной к плечу головой, так и остался, не было ни малейших конвульсий. Глаза были закрыты, рот несколько приоткрыт. Лицо было спокойное, белое, приятное, улыбающееся.

О. Петр сейчас же обтер представившегося маслом, одел длинную рубашку, а затем мы вместе уже одели новый подрясник, подпоясали ремнем, затем полумантию, сверху епитрахиль, на руки поручи. Вместо камилавки – скуфью. Рот закрывала и волосы расчесывала я. Батюшка очень быстро застыл.

На второй день – 26 июня пришел названный о. архимандрит, протоиерей игумен и четыре иеромонаха, тихо положили Батюшку в гроб, прочитали канон на исход души, отслужили большую панихиду, а затем начали отпевать по чину монашескому. Приятно было смотреть, как священнослужители окружили гроб новопреставленного священноинока, тихо пели надгробные песни и усердно молились о упокоении его души. Все священнослужители были одеты в полумантии и епитрахили.

Достойно примечания то, что все эти лица находились на работе в 60-ти верстах от своих жилищ, и вдруг за неделю до смерти Батюшки были отпущены домой. Точно на отпевание отпущены. Точно Батюшка их ждал и не умирал.

Похороны были в пятницу 27-го июня. Гроб до деревни несли на руках, а через деревню провезли на санях по глубокому песку. О. Петр вел лошадь, а я поддерживала гроб. За деревней опять взяли гроб на руки и понесли лугом до кладбища. В 2 часа дня опустили в могилу, на могиле поставили большой крест. После похорон была устроена поминальная трапеза; одних священнослужителей сидело за столом 12 человек. Все остались довольны.

Должно сказать, что у о. Петра были такие планы: гроб с Батюшкой доставить на кладбище на лошади и похоронить, а затем уже дома заочно отпеть. Этому я энергично воспротивилась, и Господь все помог устроить

так, как сказано выше. О. Петр был против поминальной трапезы. Но все обошлось по-хорошему, и мы с о. Петром расстались мирно.

Батюшка видел, что он уже не жилец, писал многим, что он уже не надеется на свидание в здешней жизни, но не заметно было, чтобы он выражал страх смертный. Часто говорил, что не чувствует приближения смерти, и все надеялся на выздоровление, и даже думал, как выше сказано, о подаче заявления с просьбой о переводе в другую местность.

Часто вспоминал мать Амвросию: «она бы мне все сказала». Батюшка даже молился, чтобы Господь открыл ему или кому-либо из его духовных детей, выздоровеет ли он или нет.

Месяца за полтора-два до смерти Батюшки одна духовная дочь его видела сон: «Пришел Батюшка о. Варсонофий в дом Марии Ивановны, и начал все выносить из комнаты Батюшки. Когда Батюшка о. Варсонофий взял кровать, видевшая сон сказала: «Батюшка, зачем же вы выносите кровать,— ведь Батюшке о. Никону негде будет спать». Батюшка о. Варсонофий ответил: «Он собирается ко мне, и ему кровать не нужна. Я ему там дам свою кровать». Не был ли этот сон как бы ответом на молитву?

Батюшке хотелось повидаться со своими близкими по духу, ему по-видимому, очень не хотелось умирать. Батюшка до самой смерти сохранил присущую ему веселость, улыбался, когда чувствовал себя хорошо, с любовью расспрашивал о своих духовных детях и знакомых, рассказывал о своих переживаниях и страданиях за последние четыре года. Нельзя было слушать без слез рассказа о сем. Страдания Батюшки были так велики, и терпение при них такое же. Его добродетель терпения вызывает глубокое уважение. Достоинно подражания то, что при всех скорбных обстоятельствах Батюшка все терпел в молчании, никому ни на что не жаловался, за все благодарил Бога, предавая себя на волю Божию, и в этом находя успокоение и отраду для души.

На основании слышанного мною от Батюшки полагаю, что чахоткой он заболел если не в Калуге, так в лагере. Еще перед отправлением в Архангельск врач сказал ему, чтобы он обратил особенное внимание на свое здоровье, которое весьма пошатнулось. Даже советовал подать заявление по прибытии в Архангельск о назначении на комиссию. «Вас,— говорил врач,— могут послать не на север, а в другое место». Но Батюшка, посоветовавшись с о. Агапитом, не предпринял в этом направлении никаких мер, сказав: «Воля Божия да совершается».

В «скоротечную» чахотка могла перейти в деревне Воспола в конце 1930 г. или в начале текущего, когда Батюшка жил на квартире у некоей

старухи Старковой, которая издевалась над Батюшкой, как «жестокий господин над своим невольником». Когда эта ужасная женщина наконец-то убедилась, что Батюшка болен (а до того все думала, что Батюшка притворяется) и не может работать, то начала выгонять его из дома, говоря: «Иди, куда хочешь, ты работать не можешь, и мне не нужен, ко мне на квартиру просятся здоровые люди, которые будут мне работать, а ты болен. Еще помрешь, что я тогда с тобой буду делать».

Положение Батюшки было безвыходное. В это время пришел к нему о. Парфений, которому Батюшка все рассказал. Было решено, по совету о. Парфения, переехать на жительство к о. Петру. Последний в Вербную субботу 22-го марта с. г. перевез к себе Батюшку уже совершенно больного.

Пробыла я в тамошних пределах 17 дней, встречалась со многими монахами и монахинями, все они отзывались о Батюшке, как о достойном пастыре, располагавшем к себе. Многие во время болезни приходили навещать его. Узнав о смерти, очень жалели и с любовью вспоминали о нем.

Часто приходил к Батюшке о. Парфений. Он был в добрых отношениях с Батюшкой, но не был с ним в молитвенном общении, посему отказался от служения панихиды, сказав: «Он не будет на меня обижаться. Я буду за него дома молиться». Тот же о. Парфений поднимал наглазник и, посмотрев в лицо покойного Батюшки, сказал: «Смотри, сейчас засмеется».

Не лишне здесь упомянуть о сие того же о. Парфения, который он видел за несколько дней до кончины Батюшки. О. Парфению виделось: куда-то направлялся Батюшка, и с ним о. Кирилл, оба с чемоданами. О. Парфений спросил: «А меня возьмете с собой?» Батюшка ответил: «Ты как хочешь, а Кирилла я не оставлю»,— и оба пошли дальше.

Но пора мне и закончить свои воспоминания. Заканчиваю их словами некоего старца, которые изрекли уста его по получении известия о кончине Батюшки: «Итак, волею Божию, не стало человека, еще молодого, примерного по религиозным, а отсюда и нравственным взглядам, достаточно даровитого, чтобы добро влиять на других и быть полезным деятелем на ниве Христовой. Господь все устрояет на пользу людей для вечного блага. Так и о. Никону были попущены немалые испытания, чтобы в молодых годах земной жизни он созрел для доброй вечности. «Блажен путь, воньже идеши, душе, яко уготовася тебе место упокоения». Сии слова так приложимы к покойному. Он потрудился для чад своих, покрываем милосердием Отца Небеснаго, неизреченная

милость Которого и нас да не минует».

Вечная тебе память, дорогой отец и благодетель души моей. Глубока рана, нанесенная моему сердцу кончиною твоею. Рана так глубока, что малейшее прикосновение к ней производит болезненное ощущение.

12/25 августа 1931 г.